

история / география / этнография

Нельсон Кэрел Дибвойз

Парфянское царство

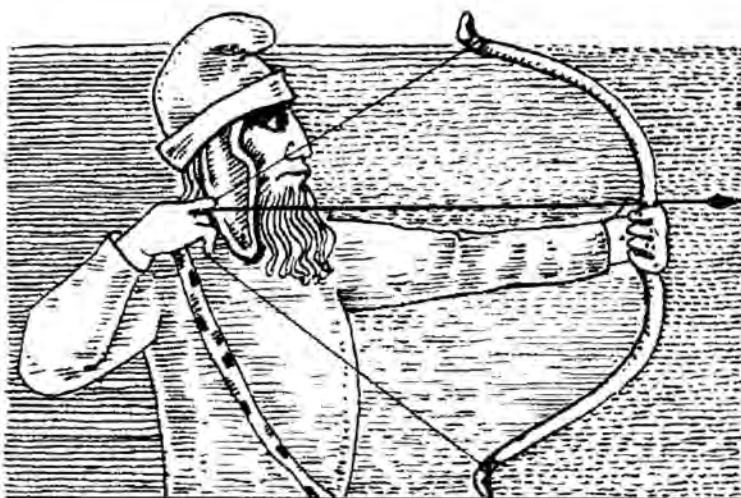

Ломоносовъ
издательство

Нельсон Кэрел Дибвойз

Парфянское царство

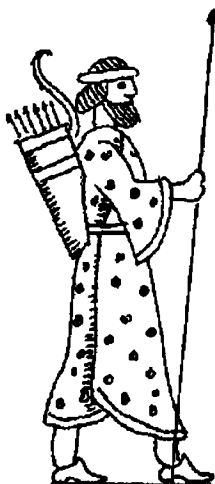
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(356)
ББК 63.3(0)31
Д44

Составитель серии Владислав Петров

Перевод с английского Ольги Донцовой

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Человек — тоже род; в нем содержатся виды: и народы (греки, римляне, парфяне), и цвета кожи (белые, черные, желтые), и отдельные люди...

*Луций Анней Сенека.
Нравственные письма
к Луцилию LVIII, 12*

Предисловие

После того как в 1873 году Джордж Роулинсон* опубликовал свою «Шестую великую восточную монархию», не вышло ни одного крупного исследования, посвященного Парфии, хотя после замечательной работы Роулинсона появилось много нового материала.

Настоящее исследование было начато в 1927 году в качестве диссертации в Иллинойском университете под руководством профессора А.Т. Олмстеда**, чьи

*Джордж Роулинсон (1812—1902) — английский востоковед, богослов, профессор древней истории Оксфордского университета (1861—1889).

**Альберт Олмстед (1880—1945) — американский ассириолог и востоковед, профессор истории Института Востока Чикагского университета. Автор фундаментального труда «История Персидской империи»

поддержка, дружеская критика и советы, касающиеся неясных вопросов, в значительно большей степени, чем это может показаться, повлияли на то, что оно увидело свет. Исследование неоднократно подвергалось переделке, что было связано также и с тем, что автор в течение четырех сезонов участвовал в раскопках на Ближнем Востоке.

Неоценимую помощь автору в это время оказал своими подробными письмами доктор Роберт Х. Макдауэлл из Мичиганского университета. Работа была прочитана в рукописи профессором Кларком Хопкинсом; многие из его идей вошли в окончательный текст. Профессор Артур Э.Р. Боак, также из Мичигана, прочитал гранки и посвятил много времени подготовке рукописи к печати. Огромную помощь в специализированных областях оказали сотрудники Института Востока доктор Дж.Г. Камерон, Р.А. Боумен и В.Х. Дубберштайн.

Благодаря усердной работе редактора из Института Востока доктора Т.Г. Аллена в тексте были устранены противоречия и неудачные выражения. Большой вклад в окончательную подготовку рукописи к печати внесла г-жа Элизабет Стефански. Члены китайского отделения факультета восточных языков и литературы любезно помогли с написанием китайских имен. Сотрудники издательского отдела Института Востока и моя жена провели много часов за чтением корректур и составлением указателей. Большую пользу принесли библиотекари Иллинойского университета, Института Востока и классической библиотеки Чикагского университета.

Что касается всего проекта, то он был реализован прежде всего благодаря покойному профессору Джеймсу Генри Брестеду, первому директору Института Востока, который всегда находил время выслушать и поддержать молодого ученого, а также его преемнику профессору Джону А. Уилсону. Они оба нашли возможность уделить время для подготовки к этому исследованию.

Источники

Особенность сведений по истории Парфии не в том, что их мало, а в том, что они разбросаны по самым разным источникам. К сожалению, не сохранилось ни одного сочинения древних авторов об этой державе, и поэтому мы вынуждены собирать ее историю по крупицам, исходя из случайных упоминаний в трудах, написанных по совсем иным поводам. Основной блок интересующей нас информации содержится в произведениях классических авторов, прежде всего тех, кто родился на Востоке и писал о военных кампаниях. К этому можно добавить надписи из Греции, Италии и с Ближнего Востока, а также определенное количество пергаментов. Хотя все авторы, писавшие на армянском, сирийском и арабском языках, жили уже после того, как Парфия пала, в их сочинениях содержатся сведения, которых более мы не найдем нигде.

Надо при этом иметь в виду, что подавляющее большинство свидетельств исходит от людей, которые принадлежали к стороне, враждебной Парфии, и это не позволяет представить объективную картину ее истории, и уж тем более мы можем только фантазировать, как происходившее выглядело с точки зрения самих парфян.

В дополнение к трудам античных авторов, большинство из которых так же, как и мы, страдали от отсутствия надежных источников, у нас есть клинописные таблички, относящиеся к тому же периоду.

Документов, написанных на аршакидском пехлеви, официальном языке парфян, так мало, что, за малым исключением, ими можно пренебречь. Можно, пожалуй, упомянуть лишь пергамент из Авромана в Курдистане. В то же время многочисленные и хорошо описанные парфянские монеты дают возможность для создания надежной хронологии парфянских правителей.

Китайские источники предоставляют нам точную, а по некоторым периодам, достаточно полную информацию о ситуации на восточной границе Парфянской империи. Что касается границы с Индией, мы снова оказываемся в зависи-

мости от монет и древних надписей, использование которых усложняет неопределенность их датировки.

Оценка классических источников с точки зрения полноты и достоверности здесь невозможна и не нужна. Наиболее ценную информацию из них можно найти в IX — XI томах «Кембриджской истории древнего мира»; там же есть подробная библиография. В отношении остальных источников мы постараемся сделать это ниже.

Наиболее сложным для описания является период, предшествовавший вторжению Парфии в Месопотамию в 141 году до н. э., поскольку сведения, которые дошли до нас об этом времени, крайне незначительны. Известно, что определенное количество парфян пребывало как в Сирии, так и в Риме, поэтому сообщения классических авторов о возникновении Парфянского государства может восходить к парфянской традиции. Но как бы то ни было, мы вынуждены говорить об истории раннего периода Парфии как о легендарной — просто потому, что не можем проверить точность информации, либо проистекающей из единственного источника, либо потому что источники относятся к более позднему времени. Такой подход оставляет некоторое поле деятельности для будущих исторических исследований.

Самый важный источник для этого периода — труд Помпея Трога, сохранившийся в сокращенном виде у Юстина. Работа Юстина полна ошибок, сделанных как Трогом и Юстином, так и позднейшими переписчиками, но, высказывая к ней претензии, нельзя все-таки забывать, что это эпитома*. Во многих местах текст настолько сжат, что, не зная фона, на котором происходили события, краткость можно принять за ошибку. Заметим, что в большинстве случаев дошедшие до нас оригинальные «Прологи» Помпея Трога содержат дополнительные факты, которые поясняют содержание эпитомы.

Другие сведения по истории парфян до 141 года до н. э. мы в основном извлекаем из трудов таких авторов, как Страбон, Арриан и Полибий, которые в целом можно признать достоверными, хотя первые два автора не были современниками

* Эпитома (*греч.* отрывок, выдержка) — краткое изложение сочинения своего предшественника, составленное историком.

описанных ими событий. Наша проблема состоит в том, чтобы выстроить эти сообщения в правильном хронологическом порядке.

Со времен Красса и после него данные классических источников о Парфии многочисленны, хотя касательно тех лет, когда не велись достойные внимания военные действия, существуют большие пробелы. «История» Кассия Диона Коккеяна охватывает период от первых контактов парфян с Римом до падения Парфянской империи. Эта работа содержит много уникальной информации. Однако в отношении ее достоверности нередко возникают сомнения, а кроме того, некоторые ее части сохранились фрагментарно. Более того, сохранившиеся фрагменты — как правило, это извлечения из фрагментарно сохранившихся работ других авторов — вызывают вопросы. Вероятно, во многих случаях текст Диона был значительно сокращен. Тем не менее даже эти его сведения чрезвычайно ценны, поскольку Дион был современником гибели Парфянской империи. Также важна для нас информация Плутарха из его «Жизнеописаний», особенно Красса и Антония, поскольку она основана на источниках первостепенной важности. Даже принимая во внимание наличие в его истории патриотического уклона и желания оправдать поражение Красса, нельзя не признать, что благодаря Плутарху мы имеем одно из самых больших и подробных повествований по истории Парфии.

Последовательный ежедневный отчет за определенный период парфянской истории мы находим в письмах друзьям и донесениях Сенату, которые писал Цицерон, когда был наместником в Киликии. Этот отчет представляет собой взгляд очевидца событий, а когда его автор проявляет предвзятость и отклоняется от фактов, это сразу становится видно.

Среди других классических источников, которые полезны для изучения истории Парфии, выделяются работы Иосифа Флавия. Время от времени нумизматические или письменные источники подтверждают точность его сведений, что позволяет сравнивать Флавия даже с таким точным автором, как Тацит. Отрывки из Флавия, содержащие, казалось бы, очевидные ошибки, часто можно понять, если рассматривать их как краткие резюме, в которых многое опущено. Заметим, что первое издание «Иудейской войны» Иосифа Флавия было

предназначено иудеям, живущим в Парфянской империи. Они путешествовали через границу в обоих направлениях, и Флавий благодаря им мог дополнять сведения своих источников. Возможно, история о Анилее и Азинее, к которой мы еще вернемся, — именно такая информация из первых рук¹.

Весьма ценны краткие записи о Парфии Веллея Патеркула, относящиеся ко времени, когда он был с Октавианом Августом на Востоке. Несколько подробных ссылок на военные события, имевшие место в период с 50-х годов до н. э. до 50-х годов н. э. содержится в «Стратегемах» Фронтинана. Основную сложность здесь, как и во всех случаях, когда дело касается отдельных фрагментов, представляет их хронология.

Для большого периода парфянской истории, особенно для времени похода Корбулона, почти единственным источником является Тацит. Он имел достаточно сведений о происходящем на Востоке, чего нельзя сказать о его знании тамошней географии. Это вкупе с его личными пристрастиями, которые необходимо принимать во внимание, вынуждает нас дополнительно проверять излагаемые им факты. Но в целом картина, которую дает Тацит, выглядит достоверно.

Как кажется, несправедливо называть неисторическим труд Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». Во всяком случае, описанное в нем положение дел в Парфии во времена Вардана, который правил «два года и восемь месяцев», соответствует известным нам фактам. Другой аргумент в пользу Филострата — точность некоторых деталей, чего обычно не наблюдается в вымышленных историях. Примерно таким же качеством обладают «Оракулы Сивиллы» — поэмы, написанные от лица прорицательницы Сивиллы, — которые, помимо прочего, содержат определенные исторические сведения. Правда, часто невозможно точно определить, к каким лицам, событиям или периодам они относятся, и это значительно снижает их ценность. Положительная сторона некоторых книг «Оракулов» в том, что они представляют собой нечто цельное, свободное от поздних интерполяций.

Из римских войн против парфян наиболее трудной для изучения представляется кампания под командованием Луция Вера, соправителя Марка Аврелия. Много раз о ее событиях говорит в своих рассказах Лукиан, располагавший об этой

войне достоверными сведениями, но почти все эти сведения он почерпнул из утраченных ныне источников. Несколько ценных отрывков содержит переписка наставника римских императоров Фронтонна.

Следует также упомянуть запутанное сообщение Малалы о Парфии времени императора Траяна, но пока с достаточной долей уверенности мы можем использовать лишь небольшую часть приводимых им сведений.

В античные времена существовали разные версии истории Парфии, впоследствии, к сожалению, утраченные, и некоторые из них были написаны людьми, чья компетентность не вызывает сомнений. «Парфянские истории» Арриана и Аполлодора из Артемиды могли бы ответить на многие наши вопросы. Не менее полезны могли бы быть нам труды Азиния Квадрата и Квинта Деллия. В то же время, если верить Лукиану, ценность работы Креперия Кальпурниана из Помпейополиса была невелика. К сожалению, от работ Квадрата и Арриана сохранились только небольшие фрагменты, но и они, особенно это касается последнего, важны для понимания событий парфянской кампании Траяна — при том условии, что нам удастся расположить их в правильном порядке.

Большая часть эпиграфических свидетельств относится к римской военной истории; поэтому заслуживают внимания в первую очередь надписи иного рода. Мы располагаем двумя греческими надписями на парфянских рельефах в Бехистуне. Несколько важных надписей найдено в Сузах; наиболее значимая из них — обращенное к этому городу послание парфянского царя Артабана III. Множество надписей, а также замечательная коллекция пергаментов обнаружены при раскопках античного города Дура-Европос на Евфрате.

Весьма запутан вопрос о ценности для парфянской истории армянских источников. Например, Мовсес Хоренаци приводит много сведений, которых нет в других источниках, но многие из его утверждений не выдерживают проверки. Создается впечатление, что многие армянские тексты не имеют ничего общего с известными фактами; они, очевидно, следуют какой-то косвенной традиции. Мы редко ссылаемся на эти источники либо из-за сомнений в их достоверности, либо потому, что не видим смысла делать это, так как можем

сослаться на другой, более авторитетный источник. Тем не менее стоит оговориться, что дальнейшее подробное изучение армянских источников, проведенное исследователями, которые обладают необходимыми лингвистическими знаниями для работы с оригиналами рукописей, вполне может выявить новые важные факты.

Арабские авторы дают о парфянах незначительную информацию. Видимо, у них не было ни источников, ни надежной традиции, сохранившей сведения о столь далеких временах. Они сообщают некоторые детали падения Парфянской империи, и в их рассказах упоминаются реалии государства ранних Сасанидов, которые почти наверняка восходят к парфянам как его предшественникам.

С другой стороны, прекрасными источниками, среди которых, вероятно, были истории раннехристианских епископств с примечаниями на полях рукописей, обладали сирийские авторы. У сирийских документов вообще есть то преимущество, что они появились при правлении парфян.

Талмуд проясняет отношения между парфянами и иудеями и разъясняет действия пропарфянской партии среди иудеев.

Хотя большинство клинописных источников фрагментировано, многие из них современны описываемым событиям и, следовательно, имеют особую ценность. Но здесь необходимо сделать оговорку: во-первых, значительное количество астрономических таблиц, обнаруженных на глиняных табличках, построены на основе не наблюдений, а расчетов; во-вторых, многие таблички — это всего лишь копии более ранних и, разумеется, не столь ценны как источники. Более того, их нельзя рассматривать как современные — в строгом смысле этого слова — описываемым событиям. Фрагментарность многих табличек усложняет интерпретацию их текстов, и эту работу — не важно, кем она была сделана, — всегда нужно перепроверять. То, что таблички датированы, открывает перед нами многие возможности, но использование тронного имени Аршак тут же эти возможности сводит на нет. Если же царь упоминается под своим собственным именем, то это обычно значит, что более он ничем не известен.

Датированные парфянские монеты появились вскоре после того, как парфяне вошли в Месопотамию, и их количество

увеличивалось на протяжении нескольких лет. Монеты были и остаются основой парфянской хронологии. На многих из них, помимо года, приуроченного к вавилонской эпохе Селевкидов, также указан месяц выпуска, что облегчает работу историка при изучении тех бурных времен. Но, к сожалению, имена царей присутствуют на относительно небольшом количестве монет, и лишь часть монет может быть связана с правителями, известными по письменным источникам. В решении этой трудной задачи преуспели П. Гарднер, В. Рот и Р.Х. Макдауэлл.

Если бы были известны места, где нашли монеты, было бы гораздо проще приписать их разным правителям. Но коллекции монет редко содержат примечания об их происхождении, а в результате целенаправленных археологических раскопок удалось получить, к сожалению, всего несколько экземпляров.

Несмотря на то, что автор вынужден был иметь дело с китайскими источниками только в переводе, основная проблема при работе с ними ему очевидна. Она заключается в идентификации имен и географических названий, и хотя немало в этом плане уже сделано, многие толкования все еще вызывают сомнения. Хочется надеяться, что дальнейшие исследования по ранней китайской ономастике прояснят ситуацию и повысят качество идентификаций.

Для индийского приграничья нумизматика также очень важна, но в этом случае, к сожалению, очень мало информации, которая могла бы способствовать атрибуции монет. Хотя они и датированы, это ничего не решает, так как довольно часто нет возможности установить исходную точку датировки.

Введение

Из пепла Персеполя* возник новый Восток — мир, в котором чудесным образом смешались греческий и восточный элементы. Задача сохранения политической целостности этой об-

* Персеполь, Персеполис (*др.-греч.* Город персов) — древнеперсидский город, возникший в VI — V веках до н. э., столица империи Ахеменидов. Был разрушен в результате пожара после захвата Александром Македонским в 330 году до н. э.

ширной территории, простирающейся от Средиземного моря до Инда, была слишком сложной для преемников Александра; в конце концов они растратили силы на братоубийственные войны, а Восток снова разделили мелкие царьки.

Но создание новой империи было уже не за горами. Выйдя из мрачного тумана с территорий к востоку от Каспийского моря, парфянские всадники, возглавляемые сильными, способными и решительными правителями, покоряли один народ за другим, пока, наконец, со склонов Загроса не увидели серый аллювий Месопотамии. В 141 году до н. э. их полчища прошли, цокая копытами, через перевалы и завоевали эти плодородные земли.

Что удивительно, при захватчиках-парфянах значительно выросла местная торговля, а давно заброшенные города возродились к жизни. Были проложены новые каналы и очищены от вековых отложений старые. Все это, вероятно, связано с действием каких-то административных механизмов, но, к сожалению, мы не знаем, каких именно, — нам не хватает информации о внутренней структуре Парфянской империи. На этот счет у нас очень мало официальных документов. Очевидно, однако, что в отличие от других захватчиков с северо-востока парфяне без нужды не убивали людей и не уничтожали постройки и — если иметь в виду высшую власть — не гнались за сиюминутной добычей.

Тут, впрочем, следует заметить, что информация, которой мы располагаем, в основном касается периферии империи, и общие выводы, сделанные на ее основе, могут быть приняты только с большой осторожностью².

Как бы то ни было, Парфянская империя со временем превратилась в феодальную пирамиду. На ее вершине восседал царь царей, а ниже располагались сатрапы, знать, греческие купцы и, наконец, местные земледельцы — та основа, на которой должна лежать любая система такого рода. Знать, владевшая землей, вероятно, жила в больших городах, где образовывала союзы с богатыми греческими купцами, которые пребывали под ее покровительством. Сходство со средневековой Европой очевидно.

Большую часть времени до начала христианской эры, пока сохранялась сильная царская власть, империя процветала, но

затем знать, чьи возможности значительно выросли благодаря доходам от земельных владений и военной добыче, стала постепенно проявлять своеволие. Ее открытое непослушание царю время от времени выливалось в жестокое противостояние, империя то и дело оказывалась на грани раскола и в конце концов пала. Скорее всего, ослабление царской власти и возвышение парфянских аристократов были тесно связаны с переменами во второй половине I века н. э. в религиозной жизни Парфии. Параллели с борьбой между знатью и магами, с одной стороны, и царем — с другой, можно легко найти в истории Ахеменидов и Сасанидов.

За несколько лет до своей смерти в 87 году до н. э. царь Митридат II приказал вырезать рельеф на скале в Бехистуне, где изображен он и приближенные к нему чиновники. Главный из чиновников назван сатрапом сатрапов, остальные три — просто сатрапами. Надо полагать, эти люди принадлежали к знатым семьям Ирана, таким как Сурены и Карены. Статус, права и обязанности таких семей постепенно стали передаваться по наследству. Сурены вели парфянские армии в бой, как это было в битве при Каррах, и обладали привилегией возлагать корону на голову нового царя.

Очевидно, что формы управления разными территориями, которые были подчинены парфянам, сильно различались и время от времени трансформировались. Судя по всему, Митридат II назначил наместника в только что завоеванную Мидию. При царе Фраате II в такой должности в Вавилонии служил его фаворит Гимер, а позже точно так же управлялась Месопотамия. Однако в других случаях правление сохраняла местная династия или царский престол доставался какому-нибудь человеку, приемлемому для парфян. Армению возглавлял представитель рода Аршакидов, то же самое иногда бывало в Мидии Атропатене («Малой Мидии»). Царивассалы сидели в Адиабене, Харакене, Элимаиде и Персиде, а также в некоторых городах-государствах — таких как Хатра и Осроена.

При этом из всех подконтрольных парфянам областей только Харакене, Элимаиде и Персиде разрешалось чеканить свою монету. Из важных городов свои собственные деньги имела право выпускать, пожалуй, только Селевкия; ее маленькие

бронзовые монеты путешествовали на довольно большие расстояния — например, до Суз. В Дура-Европос в парфянский период ходили деньги из сирийской Антиохии. Юго-Восточный Иран хотя и контролировался парфянами, похоже, монет не чеканил³. Парфянские монеты везли на Восток по Великому шелковому пути в Туркестан, но их никогда не встречали в Китае и очень редко в Индии.

О том, что царская власть вмешивалась в местное управление, свидетельствует письмо Артабана III к Сузам, которым утверждаются результаты городских выборов. Кстати, интересно отметить, что письмо написано по-гречески, хотя документы, которые предназначались для отправки в восточную часть империи, вероятно, должны были быть написаны на официальном пехлеви. Представляется сомнительным, что выборы в Сузах были настолько важны, что царь вынужден был действовать через голову местных властей. Следовательно, можно сделать вывод, что некоторые территории в той или иной форме находились под царской прямой юрисдикцией.

Некоторые античные авторы указывают, что между греческими и парфянскими городами в пределах Парфянской империи существовали серьезные различия, которые, в свою очередь, были обусловлены различиями в способах управления и составе населения. Документы из Дура-Европос и Суз показывают, что они сохранили модель эллинистических городов-государств. Там не располагались парфянские гарнизоны. Например, город Ктесифон изначально был построен как поселение для парфянских воинов, которые, очевидно, не могли быть расквартированы по другую сторону реки в городе-государстве Селевкии.

Подобно Ахеменидам, парфяне пополняли царскую казну за счет дани и таможенных пошлин. Будучи степняками, они в результате контактов с иранцами и бактрийцами и под влиянием древних культур Месопотамии усвоили многие элементы эллинистической культуры и соответственно с ее традициями стремились поддерживать мир и свободный торговый обмен. По крайней мере столетие и даже дольше после того, как они появились в Междуречье, воздействие греческих элементов было очень сильно, и только позже возобладала восточная антиэллинская реакция.

В период расцвета Парфии ее военная мощь была огромна. Парфяне были многочисленны, их армия была вооружена сложносоставными луками и полными чешуйчатыми доспехами для воинов и лошадей, то есть таким наступательным и защитным оружием, которым никогда прежде не обладали противники римских легионов. Столкнувшись с парфянами в 53 году до н. э., консул Красс и его 30-тысячное войско погибли под градом их стрел; в последующие годы парфяне не раз совершали набеги на богатые территории близ Антиохии.

Парфянские войска, разгромившие «непобедимые» легионы, почти полностью состояли из кавалерии, оснащенной как легким, так и тяжелым оружием. Из-за высокой стоимости лошадей и доспехов тяжеловооруженные воины набирались из знати, которая не только экипировалась за свой счет, но также обязана была оснащать и содержать некоторое количество легких конников, вооруженных луками в качестве наступательного оружия.

Доходы от земельных владений, успешные торговые операции и богатая добыча, которую удавалось захватить во время набегов на римскую территорию, не только обеспечили парфянской знати богатство, но и придали ей огромную уверенность в себе. И пока знатные парфянские роды усиливались, царская династия Аршакидов последовательно ослаблялась тайными интригами и открытыми междоусобицами, в которых стороны не брезговали никакими методами, в том числе и убийствами. Кончилось все это тем, что крупные феодалы перестали платить дань центральной власти и не отвечали более на призывы участвовать в военных кампаниях, но охотно, если видели в том личную выгоду, участвовали в заговорах против царя и уж точно всегда готовы были продемонстрировать ему свое неповиновение, а если требовалось, отстаивать свои права с оружием в руках — благо у каждого имелась своя маленькая армия. В стране воцарился хаос, и можно утверждать, что именно сумятица внутри самой Парфянской империи открыла путь для вторжения римских легионов в Месопотамию. Хотя, конечно, сами римляне тоже не дремали: огромную роль в падении Парфии сыграли потеря ею в ходе борьбы с Римом человеческих ресурсов и территорий.

В последние годы существования империи претенденты на парфянский трон только и делали, что перебрасывались именем Аршак. Но вряд ли кто-либо из них обладал хоть какой-то реальной властью. Крепкий лидер не имел бы особых проблем с подавлением сепаратистских устремлений знати, тем более что к концу империи многие аристократы, вероятно, очень хотели, чтобы в стране установилась сильная власть, способная восстановить мир и процветание. Но среди парфян такого лидера не нашлось.

Парфяне изначально были пришельцами для Ирана и Месопотамии; их победители — Сасаниды — явились из Персии, где руины городов и могилы великих ахеменидских монархов служили постоянным напоминанием об ушедшем иранском величии. Ардашир, первый царь новой династии, без труда решил задачу свержения умирающей династии Аршакидов, написав тем самым последнюю главу в политической истории Парфии.

Глава I Возвышение Парфии

Этническое происхождение парфян дает обширное поле для всевозможных спекуляций, поскольку даже сведения тех немногих авторитетных источников, что нам известны, значительно различаются, когда дело касается того, кто такие парфяне и из каких мест они явились. Археологические и антропологические данные не говорят ничего существенного. Маловероятно, что изучение человеческих останков, найденных в Месопотамии, предоставит в будущем сколько-нибудь значимую информацию: мы знаем, что это преимущественно местное население, разбавленное македонцами, греками и, возможно, негроидами, индийцами и монголоидами. Изображения на парфянских монетах с густыми бородами и отсутствием других индивидуальных особенностей также не позволяют получить сколько-нибудь значимую антропологическую информацию⁴. Равным образом не дает ключа к пониманию происхождения парфян язык, на котором они говорили, поскольку мы знаем, что они заимствовали его уже после того, как появились на Иранском плато. Парфянские обычаи содержат более широкую и конкретную информацию,

но ничего не добавляют к тому, что нам уже известно из сочинений классических авторов. Любовь к охоте и крепким напиткам, частое использование лука, особенно в качестве оружия кавалерии, свидетельствуют о кочевой или полукочевой жизни предков парфян в степи.

Ранние историки парфянам внимания уделяли мало, а когда с ними соприкоснулся западный мир, их история уже скрылась во тьме веков. Современники считали их частью народа парнов, которые, в свою очередь, входили в союз племен, известных грекам как дахи⁵. Впервые мы встречаемся с парфянами на берегах реки Ох (Теджен), хотя, возможно, это место не является их родиной⁶. Они не были известны как парфяне, пока не оказались в персидской провинции Партава; это произошло около 250 года до н. э. Таким образом, ахеменидские и древнегреческие упоминания «парфян» относятся к людям, которые жили в Партаве до прихода туда тех парфян, о которых мы ведем речь⁷.

О том, что ассирийцы еще в VII веке до н. э. знали расположенную к югу от Каспийского моря местность, впоследствии названную Партавой, свидетельствуют сообщения о походах ассирийского царя Асархаддона⁸. Среди захваченных им были Занасана из Партукки и Уппис из Партакки. Это произошло незадолго до 673 года до н. э. Партава, безусловно, не была частью Ассирии⁹, но она, возможно, принадлежала Мидии¹⁰.

Кир II Великий, завоевавший мидян, осуществил поход на восток между 546 и 539 годами до н. э.¹¹ Он основал город Кира на реке Яксарт¹² и еще три города на берегах или около реки Танаис (Окс)¹³. Вероятно, во время этой кампании Партава и была завоевана. Кир отдал ее в управление Гистаспу, покровителю Зороастра и отцу Дария I¹⁴.

Кир погиб в битве с дахами, пытаясь расширить свою империю на северо-восток. В то время сатрапия Партава включала Гирканию, находившуюся между горами Эльбурса и Каспийским морем¹⁵.

Через несколько лет после смерти Кира, около 521 года до н. э., Партава взбунтовалась против Гистаспа и переметнулась на сторону царя Мидии Фравартиша. Первый бой Гистаспа с восставшими произошел у города Вишпаузатиша¹⁶ 27 числа месяца Вияхны¹⁷. Затем еще одно сражение состоялось

в Патиграбанае в первый день месяца Гармапада; в нем, как сообщается, были убиты 6520 и ранены 4192 мятежника. Примерно в это же время восстала Маргиана, усмирять которую отправился сатрап Бактрии¹⁸.

Возможно, на момент смерти Дария (486 год до н. э.) Партава продолжала быть в одной сатрапии Гирканией¹⁹.

Упоминание о Партаве в Бехистунской надписи, очевидно, указывает на ее захват Киром. А появление Партавы в надписях в Накше-Рустаме, говорит о том, что на момент смерти Дария она еще была частью Персидского царства. Список армий, который приводит Геродот (VII, 60—81), может быть датирован временем до 479 года до н. э. и, следовательно, указывает на состояние сатрапий после смерти Дария. Гиркания отделилась от Партавы и стала провинцией, а Партава была объединена с сатрапией Хорезм²⁰.

В армии Ксеркса был парфянский контингент под командованием Артабаза, сына Фарнака. Поскольку Геродот пишет, что сатрапы сами вели свои войска в битве, то можно сделать вывод, что Артабаз был сатрапом Парфии. У Эсхила в трагедии «Персы» упоминается²¹ среди погибших в битвах в Греции начальник кавалерии по имени Аршак — это имя, как мы знаем, впоследствии стало тронным титулом парфянских царей.

Официальный податный список, цитируемый Геродотом (III, 85—89), наверняка является документом его времени, то есть появился он при Артаксерксе I, а не при Дарии, как утверждает Геродот. В это время вновь наметилась тенденция к объединению провинций, что заставляет предположить сужение границ империи. Теперь в пределах одной провинции оказались Парфия, Хорезм, Согдиана и Ария, а Гиркания была объединена с Мидией.

Когда Александр Македонский вторгся в Азию, парфяне сражались на стороне персов при Арбеле²². Парфия перешла в руки Александра в момент смерти Дария III, и ее сатрап Фратаферн подчинился Александру²³. После этого сатрапом Парфии стал парфянин Амминасп, который прибыл из Египта, а блюсти при нем интересы Александра был назначен Глеполем, доверенное лицо македонского царя²⁴. Одновременно сатрап Бактрии Бесс, объявив себя царем после убийства Да-

рия III, назначил в Парфию своего сатрапа по имени Барзан²⁵, но тот, вероятно, так никогда и не вступил в эту должность.

При Александре Парфия вновь оказалась в одних границах с Гирканией, но другие области, как утверждает Геродот, были тогда отдельными сатрапиями²⁶.

В 321 году до н. э., по соглашению, заключенному в Трипарадисе*, Парфия досталась некоему Филиппу²⁷, который до этого находился в Бактрии. Правил он недолго: в 318 году до н. э. сатрап Мидии Пифон захватил Парфию, убил Филиппа и назначил вместо него своего брата Эвдама. Это вызвало возмущение других сатрапов, которые сплотились под руководством самого сильного из них — Певкеста из Персиды. Объединив свои армии, они выгнали Пифона из Парфии, и тот отступил в Мидию²⁸.

После 316 года до н. э. Парфия, очевидно, была объединена с Бактрией под общим правлением Стасанора²⁹.

К середине III века империя Селевкидов, в составе которой оказались Бактрия и Парфия, находилась в трудном положении. Царь Антиох II Теос (261—247 до н. э.) продолжил разорительную войну, начатую его отцом в Египте, но затем ради установления мира женился в 253 году до н. э. на Беренике, дочери царя Египта Птолемея II (чтобы освободить место подле себя, Антиох изгнал жену Лаодику). Примерно в это же время сатрап Бактрии Диодот³⁰ поднял восстание против Антиоха и объявил себя царем³¹.

Парфяне не замедлили последовать примеру бактрийцев и также восстали против Селевкидов, а точнее — против Андрагора³², сатрапа Антиоха II. Восстание началось незадолго до 247 года до н. э.³³, который принято считать началом парфянской эры; возглавили восстание два брата — Аршак и Тиридат.

Они были, как считают античные авторы, потомками Аршака³⁴, сына Фриапита³⁵. Впрочем, греки, на чьи сообщения мы опираемся, и сами не были уверены в точности своих сведений о раннем периоде парфянской истории. По одной из версий, первый парфянский правитель Аршак был бактрий-

* В 321 году до н. э. полководцы Александра Великого собрались в Трипарадисе (Ливан), дабы договориться о разделе его империи.

Монета с изображением Аршака I

цем. Он бежал в Парфию, спасаясь от бактрийского сатрапа Диодота, и сумел захватить там власть³⁶. Еще одну, более подробную, версию мы находим у Арриана³⁷, который сообщает, что сатрап Андрагор нанес оскорбление то ли Аршаку, то ли Тиридату. После этого братья, вступив в заговор еще с пятью людьми, убили его и призвали народ к восстанию. Но без дополнительных данных невозможно определить, насколько верна эта информация*.

Позднее парфянские цари утверждали, что происходят от Артаксеркса II, создавая таким образом впечатление, будто они являются продолжателями ахеменидского Ирана³⁸.

* По мнению отечественных востоковедов И. М. Дьяконова и Е. В. Зеймаля, в период ослабления власти Селевкидов Андрагор отложился от их государства (одновременно или вскоре после отделения сатрапа Бактрии Диодота). Об этом свидетельствует чеканка им собственных монет, что в эллинистическую эпоху могли позволить себе лишь независимые правители. Правление Андрагора продолжалось до 30-х годов III века до н. э., когда в Парфию вторглись Аршакиды.

Коронация Аршака, вероятно, прошла в городе Асаак, расположенном в области Астауена в долине Верхнего Атрека³⁹.

В первые годы существования нового царства, если оно может быть названо таковым, его правители в основном воевали⁴⁰, и Аршак, судя по всему, погиб⁴¹. На троне его сменил Тиридат, который вскоре после этого завоевал Гирканию⁴².

Опасаясь Диодота и преемника Антиоха II — Селевка II Каллиника (247–225 годы до н. э.), Тиридат собрал весьма сильное войско. Но смерть Диодота устранила по крайней мере часть угрозы, а союз, заключенный с сыном Диодота, которого также звали Диодот, окончательно укрепил его положение⁴³. Положение же Селевка тем временем серьезно ухудшилось. Его мать Лаодика организовала убийство Береники и ее сына, что вызвало предсказуемую реакцию брата Береники Птолемея III. Он вторгся на территорию Селевкидов и прошел до Сирии и, возможно, даже до Тигра, а если верить поздним авторам, то и вовсе завоевал Бактрию и продвинулся еще дальше на восток, к границам Индии. Но восстание в дельте Нила не позволило египетскому царю закрепиться на захваченных землях — он спешно свернул поход и возвратился домой.

Чтобы как-то противостоять Птолемею, Селевк был вынужден заключить мир со своим братом Антиохом Гиераком, который все время пытался отложиться от него и основать собственное царство, и сделал его правителем в Малой Азии. Когда же война с Египтом завершилась, Селевк попытался отобрать у Антиоха отданные ему территории, но, достигнув сначала некоторых успехов, затем около 240 года до н. э.⁴⁴ потерпел в битве при Анкире сокрушительное поражение. Поначалу многие даже думали, что Селевк погиб, однако ему удалось, переодевшись в чужое платье, бежать в Антиохию.

Около 228 года до н. э. он собрал в Вавилоне новую армию и отправился в поход на Парфию. Тиридат не сумел оказать ему достаточного сопротивления, пустился в бег и в конце концов оказался в степях Прикаспия у апасиаков (апасак, или водных саков⁴⁵). Однако Тиридату повезло. Около 227 года до н. э. в Антиохии началось восстание⁴⁶, что заставило Селевка, как за несколько лет до этого Птолемея, повернуть

назад⁴⁷ и позволило парфянам утверждать, что они одержали победу⁴⁸. Тиридат воцарился снова.

В 225 году до н. э. Селевк II Каллиник, погиб, упав с лошади. Царем стал его старший сын Селевк III Сотер, но его царствование оказалось коротким. Он был убит во Фригии в результате дворцовых интриг⁴⁹, и на трон в 223 году до н. э. сел его 18-летний младший брат Антиох III. При этом двум полководцам, братьям Молону и Александру, были отданы в управление соответственно Мидия и Персида. Но Молон недолго удовлетворялся ролью сатрапа. По примеру сепаратистов в Бактрии и Парфии⁵⁰, он поднял мятеж и провозгласил себя царем. Вскоре под его власть перешла большая часть территории Месопотамии.

Тогда Антиох лично выступил в поход и разбил Милона, который покончил жизнь самоубийством (220 год до н. э.). Чуть позже точно так же закончил свою жизнь и поддержавший мятеж брата Александр. Развивая успех, Антиох пересек Загрос и вторгся в расположенную к юго-западу от Каспийского моря Атропатену, которая поддержала Милона. Местный правитель Артабазан счел за лучшее тут же признать себя вассалом селевкидского царя⁵¹.

Можно задаться вопросом: не была ли экспедиция Антиоха маневром с целью устрашить Парфию, которая уже в то время начала расширять свою территорию? Не исключено также, что Парфия оказала поддержку Молону...

Пока Селевкиды разбирались со своими внутренними делами, парфянский правитель Тиридат, как мог, использовал передышку. Он опять набрал большую армию, укрепил старые и построил новые крепости и даже возвел на почти неприступной горе Апаортенон город Дара⁵², который, судя по всему, собирался сделать столицей своего государства⁵³. Также Тиридатом или кем-то из его ближайших преемников был заново отстроен город, получивший название Аршакия⁵⁴, на месте древнего Раги-Европоса; просуществовала Аршакия, впрочем, недолго. Позднее царской резиденцией в Центральной Парфии был сделан Гекатомпил⁵⁵.

Тиридат умер в мире и спокойствии около 211 года до н. э. после 37-летнего царствования⁵⁶. После него трон занял его сын, которого звали Артабан.

Монета с изображением Артабана I

Сразу после смерти Тиридата Антиох двинул огромное войско⁵⁷ на восток, занял столицу Мидии Экбатану и ограбил там храм Анахиты, значительно пополнив свою казну⁵⁸, а затем, уже в 209 году до н. э., вступил в Парфию⁵⁹. Единственным объяснением затеянного им предприятия может служить то обстоятельство, что Парфия когда-то была владением Селевкидов.

Артабан, чье войско было значительно слабее, не стал ввязываться в открытый бой. Пока была возможность, он отступал по безводной пустыне, разрушая на своем пути колодцы и каналы. Но отсутствие воды не остановило Антиоха. Пройдя маршем через пустыню, его войско достигло Гекатомпила, практически не встретив противодействия.

Отсюда Антиох решил пойти в Гирканию⁶⁰. Но при прохождении через перевал Лаб (Ламаву) парфяне и их союзники, расположившиеся на высотах и закрывшие проходы, наконец дали ему бой. Чаше весов колебались, но удача все-таки оказалась на стороне селевкидского войска — парфяне были разбиты и бежали. Антиох не стал их преследовать, опасаясь

Монета с изображением Приапата

засад. Он продолжил претворять в жизнь какой-то свой план и вступил в Гирканию, где занял город Тамбракс (Сари?), не имевший укреплений⁶¹. Затем после осады штурмом был взят город-крепость Сиринк⁶², в котором парфяне, когда поняли, что город не удержать, уничтожили все греческое население⁶³.

Мы не знаем, что произошло после этого, но какие-то события заставили Антиоха заключить мир с Артабаном на вполне выгодных для того условиях и даже вступить с ним в союз⁶⁴. Артабан в обмен на признание верховной власти Антиоха III сохранил за собой царский титул и владения.

Спустя 21 год Антиох был растерзан местным населением, когда попытался с небольшим отрядом разграбить храм Бела в Элимаиде⁶⁵. Об Артабане I больше ничего не известно; конец его правления традиционно относится к 191 году до н. э.⁶⁶

Следующий парфянский монарх Приапат правил пятнадцать лет⁶⁷, и это, собственно, все, что сообщают о нем источники. Приапат оставил двух сыновей — Фраата и Митридата. Фраат как старший⁶⁸, согласно парфянскому обычаю, и возшел на трон после смерти отца⁶⁹.

Монета с изображением Митридата I

Став царем, Фраат совершил поход против народов, которые обитали к югу от Каспийского моря на склонах Эльбурса. Покорив мардов⁷⁰, он переселил их в Харакс около Каспийских (Горганских) ворот⁷¹. Более о деяниях Фраата нам ничего не известно. Вскоре после этого похода он умер, успев назначить своим преемником брата Митридата, которого ценил очень высоко, хотя у него осталось несколько совершеннолетних сыновей, которые могли претендовать на трон⁷². Если следовать традиционной датировке, Митридат взошел на трон около 171 года до н. э.⁷³ Его приход к власти, совпавший по времени с ослаблением двух враждебных Парфии государств — Селевкидской державы и Греко-Бактрийского царства, знаменует важнейший период парфянской истории⁷⁴.

Около 175 года до н. э. стратег Эвкратид поднял мятеж против царя Бактрии Деметрия, и в Бактрии началась продолжительная междоусобная война. Воспользовавшись этим, Митридат вторгся в Тапурию и Траксиану, принадлежавшие Бактрии⁷⁵, и присоединил их к своему царству. Существует предположение, что при этом ему удалось расширить свою

власть еще дальше на юг и восток, но оно основывается исключительно на отождествлении реки Гидасп у Орозия с современной рекой Порали.

Затем Митридат двинулся на запад. Причиной быстрого ухода селевкидского царя Антиоха IV Эпифана из Палестины вглубь своей империи, скорее всего, стало именно наступление парфян⁷⁶.

Позже Митридат вторгся в Элимаиду, что вызвало вполне обоснованные опасения и противодействие правителя Мидии Тимарха, в недавнем прошлом сатрапа Антиоха IV Эпифана, а теперь объявившего себя царем. Он понимал, что Мидия станет следующим объектом парфянской экспансии. Тимарх захватил власть в Мидии в 161 году до н. э. и в 160 году до н. э. был убит⁷⁷, а вторжение Митридата в Мидию совпало по времени с убийством Эвкратиды из Бактрии собственным сыном около 155 года до н. э. Следовательно, в течение какого-то времени между 161 и 155 годами до н. э. Митридат вел войну с Мидией и в конце концов победил. Покорив Мидию, он назначил ее сатрапом некоего Вагасиса⁷⁸.

Мидия стала для парфян воротами в плодородную Месопотамию. Сохранилась табличка с клинописным текстом (правда, она повреждена, но понимание ее не вызывает особых трудностей), в котором говорится о продвижении Митридата. Новость о его приближении достигла селевкидского царя Деметрия II Никатора, когда тот пребывал в Вавилонии — возможно, в Селевкии-на-Тигре. Деметрий быстро набрал армию из местных мужчин и, отдав приказ собрать дополнительные войска, выступил навстречу врагу⁷⁹.

Тем временем в Месопотамию на помощь Деметрию явился, вероятно из Сирии, один из его полководцев. Митридат встретил его у Селевкии и наголову разбил. После этого, видимо, осознав силу Митридата, Деметрий практически без боя оставил Вавилонию и сосредоточился на подготовке к будущим сражениям с парфянским царем. А Митридат вошел в конце июня или в начале июля в Селевкию и 8 июля 141 года до н. э. или немногим раньше был провозглашен здесь царем. Уже в этом качестве он принял делегацию, которая явилась с предложением о дружбе от какого-то города в стране Ашшура (Ассирии)⁸⁰, где, вероятно, уже были хорошо осведомлены

о разгроме полководца Деметрия. До 14 октября его верховную власть признали в Уруке. Следующим пунктом на пути продвижения Митридата должны были стать Сузы.

Однако планы парфянского царя резко изменились. Где-то между октябрём и декабрём 141 года до н. э. мы находим его на пути к Гиркании⁸¹. Покинуть Месопотамию, вверив оставшиеся здесь войска одному из своих полководцев, Митридата, вероятно, вынудил набег саков, которые теперь угрожали восточным границам Парфии. После этого все дальнейшие кампании Митридата проходили в Восточной и Центральной Парфии, и он больше никогда не возвращался в Месопотамию.

Уход Митридата из Месопотамии значительно облегчил задачу Деметрию, который еще до того, как это произошло, выступил в поход с целью отвоевать потерянные территории. К этому его, кроме собственных амбиций, побуждали призывы о помощи от завоеванных Митридатом народов⁸², в первую очередь греков. По мере того, как он двигался вперед, к нему стекалось все больше людей — в его войско вливались отряды из Бактрии, Элимаиды и Персиды. Поначалу Деметрий одержал несколько побед⁸³. Но затем парфяне — хитростью ли, силой ли — захватили его в плен и в назидание тем городам, которые приняли его сторону, провели по их улицам, а затем отправили в Гирканию к Митридату. Тот обошелся с поверженным царем достаточно милосердно⁸⁴, что говорит о его дальновидности, и даже выдал за него свою дочь Родогуну⁸⁵.

Одолев и посадив в золотую клетку самого сильного своего врага, Митридат решил наказать тех, кто помогал Деметрию, а заодно пополнить за их счет истощенную войной казну. Только добыча из храмов Афины и Артемиды в Элимаиде составила 10 тысяч талантов; ограблены были и другие храмы. Был захвачен город Селевкия, прежде называвшийся Солаке, на реке Гедифон (Джарахи) ⁸⁶.

Под конец правления Митридата его империя включала собственно Парфию, Гирканию, Мидию, Вавилонию, Ассирию, Элимаиду, Персиду (предположительно), Тапурию и Траксиану. Поскольку известно, что сразу после смерти Митридата парфяне владели Сузами, то, вполне вероятно, что этот город был включен в империю еще при нем.

Митридат умер в мире и спокойствии в 138/137 году до н. э., и это первая дата парфянской истории, которая точно засвидетельствована в нумизматических и клинописных источниках⁸⁷. Он был первый из парфянских царей, чье имя прославляло бога Митру. Культ этого бога, прежде официально повсеместно игнорируемый, после него получил одобрение на государственном уровне. «Михр-яшт» из «Вендидада»*, вероятно, был создан в последние годы правления Митридата.

После захвата парфянами Междуречья их конфликт с державами, лежащими западнее, стал неизбежен. Движение на восток также привело к появлению дополнительных забот.

* «Вендидад», «Видевдат» («закон против дэвов») — одна из частей Авесты. Состоит из 22 глав (фрагардов). «Михр-яшт» — гимн Митре.

Глава II Международные отношения Парфии на раннем этапе

Митридат I превратил Парфию в мировую державу. Перед его преемниками стояла задача сохранить за ней этот статус и, значит, устоять в борьбе против стремящихся к реваншу Селевкидов. После смерти Митридата царем стал Фраат II⁸⁸. Вероятно, он был очень молод, иначе трудно объяснить, почему его мать стала регентшей⁸⁹.

Клинописи свидетельствуют, что в течение первых семи лет правления Фраата Вавилония оставалась в руках парфян⁹⁰. То, что парфяне продолжали владеть Сузами, доказывает надпись с двойной датой (начало 130 года до н. э.)⁹¹. При этом монеты Фраата наводят на мысль, что сам он пробыл в Вавилонии недолго⁹².

Фраат подумывал о походе в Сирию и, возможно, поэтому, подобно отцу, весьма мягко обращался с продолжающим пребывать в парфянском плену Деметрием, на которого, видимо, собирался делать в будущем ставку. Может быть, он надеялся, поддержав Деметрия парфянскими оружием и деньгами, с его помощью овладеть сердцем селевкидской державы. Но

оказалось, что Деметрий не горит желанием превращаться в парфянскую марионетку; более того, при помощи своего приближенного Каллимадера он попытался бежать. Но сторожившие его парфяне — прекрасные наездники и к тому лучше знавшие местность — поймали беглецов и привезли к Фраату. Тот, что характерно, их помиловал, Деметрия возвратил в Гирканию к жене и велел усилить за ним надзор, а Каллимадера даже наградил за преданность, проявленную к плененному царю. Следить за Деметрием перестали только после того, как он произвел с Родогуной нескольких детей. Но оказалось, что сделали это зря: едва представилась возможность, Деметрий совершил новый побег (и опять при содействии Каллимадера). На этот раз беглецам удалось дойти до самой парфянской границы, но тут удача отвернулась от них. Деметрия и Каллимадера настигли, опять доставили к Фраату, и тот опять приказал отправить селевкидского царя к жене. Желая пристыдить Деметрия, Фраат подарил ему пару золотых игральные кости, намекая на то, что он похож на ребенка, которому не хватает игрушек⁹³.

Пока Деметрий сидел в плену, в Сирии воцарился его младший брат Антиох VII Сидет⁹⁴. Устранив в борьбе за сирийский трон своего главного соперника полководца Диотода Трифона и нанеся поражение иудеям, он решил, что достаточно усилился, чтобы нанести смертельный удар Парфии, а заодно разделаться с Деметрием, в котором видел потенциальную угрозу своей власти. В 130 году до н. э. он отправился в поход с огромной армией, размеры которой произвели столь сильное впечатление на поздних историков, что они вступили в соревнование, кто назовет бóльшую цифру⁹⁵. Армия парфян, чью численность они также сильно преувеличили⁹⁶, должна была еще пополниться наемниками-саками, которых позвал к себе на службу Фраат; впрочем, саки, как утверждает Юстин, прибыли только после завершения боевых действий⁹⁷.

Армия Антиоха была прекрасно вооружена, с нею шли иудейские отряды под началом царя Иоанна Гиркана I⁹⁸. Кроме того, к Антиоху присоединились правители, бывшие парфянскими данниками, — для них это был удобный случай освободиться от тяжелого бремени⁹⁹.

Монета с изображением Фраата II

Антиох одержал победу в трех сражениях. В одном из них, на реке Лик (Большой Заб) ¹⁰⁰, он разбил парфянского полководца Идата и соорудил трофей в честь своей победы¹⁰¹. Примерно в это время еще один парфянский военачальник, Эний, погиб от рук восставших жителей Селевкии¹⁰². Когда Антиоху удалось отбить у парфян Вавилонию (130 год до н. э.), многие подданные парфян считали, что их империя вот-вот погибнет, и перешли на его сторону. А сам Антиох посчитал, что вполне достоин претендовать на то, чтобы присоединить к своему имени эпитет «Великий»¹⁰³. Он решил не уходить на зиму в Сирию, на что надеялся Фраат, а расквартировал свое многочисленное войско по городам Мидии, где оно стало тяжелой обузой для местного населения, которое, в отличие жителей Вавилонии, в основной своей массе было настроено по отношению к Селевкидам не самым дружественным образом.

Когда с началом весны кампания возобновилась, Фраат прибегнул к хитрости¹⁰⁴. Он отправил к Антиоху парламентариев с просьбой о мире, и тот назвал три условия: во-первых, он хотел заполучить Деметрия, во-вторых, требовал отдать

ему все территории, захваченные парфянами, и, в-третьих, хотел, чтобы парфянский царь принял на себя обязательство выплачивать дань. Фраат требования Антиоха отверг и принялся тянуть время, поскольку задумал в этот сложный для себя момент сделать ставку на Деметрия, послав его в Сирию во главе отряда парфян. Деметрий был освобожден и стал готовиться к походу. Фраат надеялся, что Антиох в опасении потерять трон, вынужден будет вернуться домой, дабы нейтрализовать Деметрия.

Но тут помощь Фраату пришла оттуда, откуда он не ждал. Население территорий, захваченных Антиохом, было к этому времени доведено до отчаяния поборами со стороны селевкидских воинов; по сути, селевкидское войско само себе создавало врага и делало захваченные города горячими сторонниками парфян. И по мере того, как росло число сторонников Фраата, заметное поначалу численное превосходство армии Антиоха над парфянами сходило на нет. К тому же солдаты Антиоха, рассредоточенные по разным местностям, были ослаблены длительным бездействием; их вполне устраивало жить мародерством и грабежом вместо того, чтобы сражаться с сильным врагом.

В конце концов жители различных городов, подстрекаемые агентами Фраата, восстали, объединились в отряды и начали нападать на селевкидских солдат. Антиох, проведенный, судя по всему, зиму в Экбатане (Хамадане) ¹⁰⁵, с бывшими при нем силами ринулся на помощь ближайшим гарнизонам, но неожиданно для себя наткнулся на готовое к бою парфянское войско, поскольку Фраат предугадал его действия. Военачальники Антиоха советовали ему не вступать в сражение с превосходящими силами врага, тем более что атака селевкидской кавалерии, на которую прежде всего рассчитывал селевкидский царь, на раскисшей весной равнине была затруднена. Но Антиох, считавший себя наследником Александра Великого, не счел возможным отступить перед противником, которого до этого уже трижды побеждал, и решил сражаться.

Это решение стало для него роковым. Далекое от настоящей боеготовности его войско не выдержало удара парфян и побежало. Сам Антиох храбро бился, но был брошен своими людьми¹⁰⁶, причем одним из первых обратился в бегство стра-

тег, командующий сирийскими войсками. Как погиб Антиох, точно неизвестно, но вариантов остается немного: либо он нашел смерть на поле боя¹⁰⁷, либо покончил с собой¹⁰⁸.

Среди захваченных парфянами в плен оказались молодой сын Антиоха Селевк¹⁰⁹ и его племянница¹¹⁰, дочь Деметрия. Современники называют абсурдное число убитых — 300 тысяч человек¹¹¹, но очевидно, что оно в любом случае было очень велико. Таким образом, последняя серьезная попытка Селевкидов вернуть восточные провинции закончилась неудачей. В дальнейшем слабые цари и междоусобицы, раздирающие селевкидские владения, облегчили парфянское продвижение¹¹².

Фраат приказал воздать Антиоху царские почести, тело селевкидского царя было отправлено в Сирию в серебряном гробу. С Селевком также обращались с почтением, согласно его царскому рангу. Что же касается дочери Деметрия, то ее Фраат взял в свой гарем. При этом теперь, когда была одержана победа, он пожалел о том, что успел освободить Деметрия, и приказал вновь захватить его. Однако на этот раз Деметрию удалось ускользнуть от посланных за ним всадников. Получив свободу, он без промедления отправился в Сирию и успел выехать за пределы контролируемой парфянами территории¹¹³. Прибыв на родину, он занял освободившийся трон и правил еще четыре года.

Победа над Антиохом так воодушевила Фраата, что он решил атаковать Сирию и отправил войско в Месопотамию. Но когда оно выступило в поход, пришло известие о вторжении на востоке саков — тех самых, которых царь позвал к себе на службу, — и он был вынужден отказаться от своих планов. Покидая в 129 году до н. э. Месопотамию, Фраат оставил там наместником своего фаворита гирканца Гимера¹¹⁴.

Наемники, которых он позвал для войны против Антиоха, были, вероятно, авангардом сакской орды. Кстати, вряд ли стоит буквально воспринимать рассказ о том, что саки прибыли с опозданием, уже после окончания войны, из-за чего им отказали в оплате, и тогда они решили поживиться за счет парфян. Есть версия, что они потребовали дополнительную компенсацию либо за причиненные хлопоты, либо за использование их против еще какого-то врага. Парфяне отказали, и тогда саки начали грабить парфянские территории

и даже — правда, не в самом значительном числе — дошли до Месопотамии¹¹⁵.

О местах, откуда явились эти завоеватели и что стало причиной их движения, мы поговорим в следующей главе, поскольку этот вопрос касается истории индо-иранского пограничья. Группы, которые явились в Парфию, вероятно, были частью сакаравков¹¹⁶, привлеченных возможностью получить богатую добычу и завоевать новые территории. Их вторжение шло вдоль двух главных ответвлений великой дороги, идущей от границ Китая. Первое ответвление вело в Месопотамию через Мерв, Гекатомпил и Экбатану, а второе, по которому кочевые орды двинулись, когда сопротивление, нараставшее по мере их продвижения, достигло высшей точки и заставило их искать новые пути, — на юг, в сторону Индии, через Мерв, Герат и Сеистан¹¹⁷.

В состав армии Фраата, которую он повел против саков, входили греческие пленные, захваченные во время войны с Антиохом. Юстин говорит, что парфяне обращались с ними крайне жестоко. Тем не менее Фраат был уверен, что, оказавшись вдали от родины, греки вынуждены будут сражаться — хотя бы потому, что захотят сохранить свои жизни. Но во время решающей битвы с саками, которая состоялась около 128 года до н. э., когда греки увидели, что чаши весов колеблются и парфяне вполне могут потерпеть поражение, они тут же перешли на сторону их врагов, тем самым предопределив ее исход и гибель Фраата¹¹⁸.

Таким образом, проблема саков досталась в наследство преемнику Фраата на троне — его дяде Артабану II, который был сыном Приапата¹¹⁹. Артабан II, вероятно, решал ее выплатой дани¹²⁰. Воевать ему, однако, все-таки пришлось, потому что в один прекрасный момент он обнаружил, что кочевники захватили большую часть его царства. Тут его ждала смерть. В сражении против «тохаров» (возможно, это юэчжи из китайских источников¹²¹) где-то в Бактрии он получил ранение в предплечье. Оружие скорее всего было отравлено, так как почти сразу Артабан умер. По-видимому, это произошло в 124 или 123 году до н. э.¹²²

Между тем Гимер, назначенный Фраатом II наместником еще в 129 году до н. э., продолжал править в Месопотамии, причем его правление вызывало все большее недовольство

Монета, приписываемая Артабану II

местного населения. Среди прочего Гимера обвиняли в том, что он продал в рабство в Мидию многих вавилонян¹²³. Придушив намечавшийся бунт, Гимер тут же столкнулся с новой опасностью, теперь уже внешней, исходящей с территории на побережье Эритрейского моря, где некогда, перед восстанием Молона, Антиох III создал селевкидскую провинцию¹²⁴. После 129 года до н. э. здесь в древнем городе Александрия-Антиохия, который отныне назывался Харакс Спасину, утвердился араб Гиспаосин, сын Сагдодонака¹²⁵. Гиспаосин быстро покорил близлежащую территорию, основал царство Харакена и стал претендовать на земли, где правил Гимер. Гимер собрал против него войско, однако война сложилась для него неудачно: он потерпел поражение¹²⁶ и к 127 году до н. э. вынужден был уступить Гиспаосину Вавилон¹²⁷ и, возможно, Селевкию.

Монеты Гиспаосина датируются 124/123 годом до н. э. В следующем году Гимер вернул себе контроль над Центральной Вавилонией и Селевкией с ее монетным двором и отпраздновал свою победу выпуском монет с изображением Победы и легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ

НИКНФОРΟΥ — «Великого царя Аршака победоносного»¹²⁸. В этот же год, вероятно, он принял титул «царь»¹²⁹. Таким образом, Гимер занимал наиболее важную территорию из тех, что в это время находились под парфянским контролем.

Важные подробности, касающиеся этого периода, из неопубликованных табличек в коллекции Британского музея, приводит Т. Пинчес, который оговаривается, что переводы могут быть недостаточно точны: «Из этого мы узнаём, что эламиты совершали набеги на земли вблизи Тигра. Пилинуссу, аккадский начальник, очевидно, вел военные действия против другого полководца и, по-видимому, отправился к городам мидийцев прежде Бага-аса [иранское имя], брата царя. Человек по имени Те'удиши [Феодосий], кажется, также выступил против аккадского полководца. Другая надпись того же периода утверждает, что Ти'имутусу [Тимофей], сын Аспасины, отправился из Вавилона в Селевкию [на Тигре] ...»¹³⁰.

Сын Артабана Митридат II вступил на трон около 123 года до н. э. Правление его, подобно правлению знаменитого тезки Митридата Понтийского, было весьма важным и в целом успешным, хотя последние его годы и осложнились внутренними неурядицами, — еще при жизни он был удостоен прибавления к имени эпитета «Великий»¹³¹. Достигнуть успеха ему было тем труднее, что от отца он унаследовал осколки империи, еще недавно бывшей на пике могущества. Прежде всего Митридат поставил перед собой задачу одолеть правителя Харакены. О том, что это ему удалось, свидетельствуют датированные 121/120 годом до н. э. бронзовые монеты Гиспаосина с надчеканенными титулами и портретом Митридата¹³². С этого времени, кстати, не появляется никаких сведений и о Гимере.

В этот же период или, может быть, чуть позже от саков была освобождена значительная часть Восточной Парфии. Вполне возможно, что это произошло в первую очередь потому, что основная масса саков к этому времени откочевала на юг¹³³.

Можно сказать, что Митридат вернул большую часть земель, потерянных Парфией. Юстин утверждает, что он включил в состав империи многие народы¹³⁴. На острове Делос, в святилище Асклепия, найдено посвящение, датированное примерно 110 годом до н. э., в котором говорится о «царе царей» Аршаке Великом — судя по всему, имеется в виду

Монета с изображением Митридата II

Митридат¹³⁵. В Вавилонии обнаружены связанные с Митридатом фрагменты записей на греческом языке, относящиеся приблизительно к тому же периоду¹³⁶.

Один из ударов Митридата был направлен против армянского царя Артавазда I. Около 105 года до н. э. в нескольких сражениях Артавазд потерпел поражение и вынужден был отдать в заложники парфянам своего сына (по другим данным — племянника) Тиграна¹³⁷. После этого Армения стала играть в политике Парфии все бóльшую роль. На ее троне утвердилась ветвь парфянской царской династии Аршакидов, а ее территория постепенно превратилась в объект ожесточенной борьбы между Римом и Парфией.

Усиление Парфии в период правления Митридата II было связано не только с военными успехами; в этом весьма значительную роль сыграли доходы, получаемые от торговли. Их рост начался еще до вторжения парфян в Месопотамию¹³⁸, но то, что при Митридате парфянам удалось взять под свой контроль торговый путь от границы с Римом до тех мест, где торговлю вели китайские купцы, сильнейшим образом сти-

мулировало деловую активность в государстве. Сведения об этом мы можем почерпнуть из китайских источников¹³⁹. Так, они сообщают о китайском посольстве, отправленном в парфянскую столицу ханьским императором У-ди (141–187 годы до н. э.) и встреченном с большим почетом; когда члены посольства возвращались назад, их сопровождал почетный эскорт парфян, который вез с собой — видимо, в качестве дара — страусиные яйца; в Китай также были отправлены фокусники¹⁴⁰.

Можно предположить, что торговля между Парфией и Китаем предшествовала дипломатии, а не следовала за ней. Позже, начиная примерно с 165 года до н. э., нападения саков и юэчжей немало навредили этим торговым связям, превратив передвижения купцов в весьма рискованные предприятия. И даже то, что примерно в 100 году до н. э. греческий купец Гиппал открыл способ навигации в Индийском океане при помощи муссонов¹⁴¹, не очень изменило ситуацию. По крайней мере до середины I века н. э. торговля морем практически не развивалась¹⁴².

Расширение империи Митридата II, кроме очевидных плюсов, имело и несомненные минусы. Значительность подвластных ему территорий вынудила царя предоставить властные полномочия наместникам, а это дало им большие возможности для укрепления личной власти. Назначенный наместником в западные области сатрап сатрапов Готарз — человек, которому Митридат доверял особо, — воспользовался этим и в конечном счете выступил против него.

Говоря об особом доверии, мы основываемся на толковании Герцфельдом надписи в Бехистуне¹⁴³, который, в свою очередь, исходит из копии, сделанной до частичного разрушения надписи. По Герцфельду, надпись¹⁴⁴ следует читать так:

ΚΩΦΑΣΑΤΗΣ ΜΙΘΡΑΤΗΣ ΠΕΡ [ΙΣΤΕΥΜΕΝΟΣ.....]
ΓΩΤΑΡΖΗΣ ΣΑΤΡΑΠΗΣ ΤΩΝ ΣΑΤΡ [ΑΠΩΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ
ΜΕΓΑΣ ΜΙΘΡΑΔΑ] ΤΗΣ

«Кофасат, Митрат смотритель (?), Готарз сатрап сатрапов, (и) Великий Царь Митридат».

Следовательно, на рельефе в Бехистуне были изображены Митридат, главный сатрап Готарз и, вероятно, еще трое сатрапов.

Около 94 года до н. э., после смерти Артавазда I (по другим сведениям — после смерти своего отца Тиграна I), армянский царевич Тигран, проведший несколько лет в заложниках у парфян, был возвращен ими на родину¹⁴⁵ и с помощью парфянского войска захватил власть. Он отблагодарил парфян за помощь, отдав им «семьдесят долин»¹⁴⁶. Тигран проявил себя очень способным политиком. Став царем Армении, он заключил союз с Митридатом VI Понтийским, который между 112 и 93 годами до н. э. создал мощное государство к северо-западу от Армении. Этот союз был упрочен женитьбой Тиграна на дочери Митридата Понтийского — Клеопатре. Вместе понтийский и армянский цари нанесли удар по Каппадокии и сместили с ее трона царя Ариобарзана I.

Тем временем парфянский царь Митридат II, не опасаясь набирающей силы, но в каком-то смысле зависимой от парфян Армении, двинулся в западном направлении, достиг Евфрата и вторгся на территорию Коммагенского царства¹⁴⁷. Местная царица Лаодика призвала на помощь своего троюродного брата царя Сирии Антиоха X Евсеба Филопатора, и около 90 года до н. э. он погиб в сражении¹⁴⁸.

В 92 году до н. э. Рим посчитал, что пора вмешаться в происходящие у него под боком дела, и Сулла, бывший тогда наместником в Киликии, получил задание восстановить на каппадокийском троне Ариобарзана. За этим скрывалась совсем другая цель — главная — цель римлян, которые, обеспокоенные возрастающей властью Митридата Понтийского, решили поставить его на место. Происшедшее в это же время быстрое продвижение парфян к римским границам также не могло не вызвать у римлян беспокойства.

Парфяне, судя по всему, это понимали. На встречу с Суллой, которая состоялась на Евфрате, вероятно, близ Мелитены, был отправлен посол Оробаз. Парфяне, похоже, надеялись заключить с римлянами союз. Выросший в эллинской культурной среде, Оробаз полагал, что его предложение о союзе будет истолковано буквально; во всяком случае, ему вряд ли приходило в голову, что в нем усмотрят желание Парфии найти в римлянах защиту в обмен на плату дани. Но Сулла имел слабое представление о военной мощи Парфии и еще меньше понимал, какой у нее потенциал. В то время, как

Монета с изображением Готарза I

казалось римлянам, Парфия для них, если сравнивать с Арменией и Понтом, представляла второстепенную опасность¹⁴⁹. Поэтому Сулла отнесся к Оробазу с изрядным высокомерием. Неизвестно, был ли заключен между ними какой-то договор, но очевидно, что они поняли друг друга (или им казалось, что поняли). Когда о ходе переговоров узнал Митридат, Оробаз был казнен за то, что не сбил спесь с Суллы и тем самым нанес ущерб престижу Парфии¹⁵⁰.

Дипломатическая ошибка Суллы, который во время переговоров с Оробазом, по сути, приравнял Парфию к Каппадокии, вероятно, сильно способствовала сближению трех держав — Парфии, Понта и Армении. Цари Парфии и Понта вступили между собой в союз¹⁵¹. Кроме того, Митридат II, еще более укрепляя узы, связывающие Парфию и Армению, взял в жены Ариазату по прозвищу Автома¹⁵² — дочь царя Тиграна II.

Парфянские документы с датой, соответствующей 93 году до н. э.¹⁵³, и астрономические дневники, датированные временем правления Митридата II (92/91 год до н. э.)¹⁵⁴, позволяют предполагать, что он тогда контролировал Вавилонию. Но уже

Монета с изображением Орода I

в 91 году до н. э.¹⁵⁵ на вавилонских табличках появляются царь Готарз I и его жены, одну из которых звали Аши'абатум (имя второй прочесть не удалось). Готарз, прежде сатрап сатрапов, стал теперь, как видим, независимым правителем Вавилонии. Правда, таблички, сообщаая, что Готарз был признан в Вавилоне царем, ничего не говорят о размерах подчиненной ему территории. Вероятно, он захватил Вавилон, воспользовавшись тем, что Митридат находился на беспокойном востоке страны¹⁵⁶.

Под конец жизни Митридат II получил неожиданный подарок — в качестве пленника ему достался селевкидский царь Деметрий III Эвкер, брат Филиппа I Епифана Филадельфа, который, основав свою столицу в Дамаске, правил в Северной Сирии. В 88 году до н. э. между Деметрием и Филиппом вспыхнула война. Поначалу перевес был на стороне Деметрия, который осадил Филиппа в Бероз (Алеппо). Но тут союзник Филиппа — Стратон, династ Бероз, обратился за помощью к арабскому тирану Азизу, который, вероятно, был правителем Эмесы (Хомса), и к парфянскому наместнику Северной Месопотамии Митридату Синаку. Они незамедли-

Монета с изображением Синатрука

тельно явились со своими отрядами, и Деметрий сам оказался в окружении; будучи в безвыходном положении, он в конце концов сдался и был отправлен к Митридату II. Остаток жизни Деметрий провел в плену; утешением для него служило то, что с ним хорошо обращались.

Это произошло в 87 году до н. э.¹⁵⁷, став последним датированным событием для правления Митридата II; известно, что он умер вскоре после этого. Накануне смерти Митридат контролировал Иран, включая Курдистан, и Северную Месопотамию, которые всегда были теснее связаны с Иранским плато и Сирией, чем с Вавилонией, где правил Готарз¹⁵⁸. После смерти Митридата личное имя Готарза исчезает с табличек, так как больше не было необходимости разделять двух претендентов на царский титул, и теперь он называется в надписях просто царем Аршаком¹⁵⁹.

Уже говорилось, что Митридат II был другом, союзником и зятем Тиграна Армянского. После его смерти Тигран счел своим священным долгом (да и выгодным для себя) выступить против Готарза, который, вероятно, не принадлежал к роду

Аршакидов. Армянский царь вернул себе отданные в свое время парфянам «семьдесят долин»¹⁶⁰, вторгся в Гордиену, опустошив область около Ниневии, и овладел Адиабеной с ее столицей Арбелой¹⁶¹. Оттуда он отправился в Мидию, где разрушил царский дворец в Адрапане (Артамане) к западу от Экбатаны¹⁶². После этого Атропатена стала его вассальным государством. Затем Тигран прошел через Северную Месопотамию и далее на запад, вплоть до Сирии и Финикии, при этом гордо называя себя, словно дразня парфян, царем царей¹⁶³, что никогда не приходило в голову Готарзу.

Готарз контролировал Вавилонию до 81/80 года до н. э. Но в апреле 80 года до н. э. на вавилонских табличках появляется Ород, причем то, что его называют личным именем, предполагает его деятельность и, вероятно, конфликт с царствующим Аршаком (надо полагать, Готарзом), о котором, впрочем, с этого времени нет никаких сведений. Правление Орода было коротким: в 76/75 году до н. э. таблички сообщают нам о царе Аршакане и его сестре-жене царице Исбубарзе¹⁶⁴. Должно быть, под этим титулом скрывается Синатрук, который к тому времени — это мы можем утверждать абсолютно точно — находился на парфянском троне.

Происходившему из сакаравков Синатруку¹⁶⁵ было уже восемьдесят лет¹⁶⁶, когда его призвали править Парфией. Сакаравки, разумеется, его поддерживали, но Синатрук, вероятно, был связан родством с Аршакидами¹⁶⁷ — иначе трудно объяснить, почему считалось, что он может положить конец раздорам среди парфян. Зимой 72/71 года до н. э. Митридат Понтийский просил Синатрука оказать помощь против римлян, но тот отказал ему, видимо, опасаясь выступить против столь сильного противника¹⁶⁸. Синатрук умер в 70 или 69 году до н. э.¹⁶⁹, и на престол вступил его сын Фраат III.

О времени правления преемников Синатрука мы располагаем более или менее подробными и подходящими для интерпретации источниками. Но прежде хотелось бы перевести свой взгляд с запада Парфии на восток и посмотреть на события тех ста лет, которые сформировали ее новые границы и новые традиции и вообще оказали мощное влияние на всю ее политику.

Глава III На индо-иранской границе

О том, что происходило на восточной границе Парфии, мы в целом знаем немного. Античных историков тамошние события, с их точки зрения слишком отдаленные, интересовали мало. Археологических данных, касающихся территории Восточного Ирана, недостаточно. Индийские источники, казалось, могли бы пролить какой-то свет на общую картину, но их хронология слишком неопределенная. Лишь отчеты китайских путешественников и историков отличаются достаточной полнотой и, насколько можно судить, точностью; кроме того, у них есть важная отличительная черта — события, о которых они рассказывают, можно датировать. Во всяком случае, сведения о так называемых индо-скифских царствах мы прежде всего можем почерпнуть из китайских источников, а не из каких-либо других.

В период между 174 и 165 годами до н. э. племя, обитавшее в провинции Кансу и известное китайцам как юэчжи¹⁷⁰, было атаковано их соседями сюнну (гуннами). Как в бильярде удар, нанесенный по шару, передается через него другим шарам, так и движение гуннов передалось другим племенам, которые жили западнее.

Как называли юэчжей греки, не совсем ясно; юэчжи представляли собой смешанную группу, большую часть которой составляло племя тохаров, а правящим или наиболее важным элементом среди них считались арсы¹⁷¹. Изгнанные со своей территории юэчжи вступили в районе реки Яксарт в соприкосновение с кочевым племенем, которое греческие и римские авторы называли саками или скифами; в данном случае это, вероятно, были сакаравки — одно из двух основных подразделений саков¹⁷². Юэчжи захватили земли сакаравков и, где увлекая их за собой, а где и «толкая» их перед собой, двинулись дальше в западном направлении. В результате большая часть саков — громадная орда, состоящая в основном из сакаравков и массагетов, а также из других, меньших по размеру групп, собранных по пути, направилась в Бактрию.

Точно определить время, когда они соприкоснулись с парфянами, мы сможем, лишь выяснив, когда парфяне начали экспансию на восток. Парфянское вторжение в Индию при Митридате I (171–138 годы до н. э.) вряд ли стоит относить к области «легенд»¹⁷³. Тем не менее для него есть только одно свидетельство позднего автора Орозия, достоверность сведений которого безусловна¹⁷⁴. Вопрос в том, какую реку он понимал под Гидаспом, — если индийскую реку Джелам, то, значит, парфяне дошли до Индии, а если какую-то другую, например Порали или, возможно, даже Мидийский Гидасп Вергилия¹⁷⁵, то парфянские завоевания в Индии остаются под вопросом. Важно учитывать, что Орозий находился под влиянием поставгустовской литературной традиции, в которой несущий драгоценные камни Гидасп был широко известен¹⁷⁶.

Если принять отождествление Туривы с Траксианой¹⁷⁷ в долине верхнего течения реки Ох, то получается, что в правление Митридата I контакт парфян с наступающими саками был просто неизбежен. Их поток, вероятно, достиг восточных провинций Парфии около 130 года до н. э., когда Фраат II, как мы знаем, нанял на службу отряд сакских наемников. Орда этих кочевников уничтожила остатки Бактрийского царства¹⁷⁸, и парфяне, осознав угрозу, бросили против них едва ли не все свои силы. Об ожесточенности противостояния говорит тот факт, что два парфянских царя — Фраат II (138/137 — около 128 года до н. э.) и его преемник Артабан II

(около 128 — 124/123 год до н. э.) — погибли, сражаясь именно против саков.

Не исключено, что отдельные группы саков продвинулись во внутренние провинции Парфии, некоторые, как уже говорилось, даже дошли до Месопотамии, но основная масса саков все-таки повернула назад, и таким образом, римский Восток уберется от разорения. В дальнейшем саки и парфяне тесно контактировали друг с другом, и сакские орды в какой-то мере восприняли парфянское культурное влияние. Саки постепенно двигались на юг по направлению к Индии, причем они разделились на две части, которые шли к одной цели разными путями: одни, очевидно, вступили в Индию через Ги-бинь¹⁷⁹, другие — как можно предположить, прошли через Восточную Парфию и далее через Боланский проход в Брагуйских горах¹⁸⁰.

Митридат II, как можно полагать, не сумел полностью восстановить контроль над восточными провинциями, хотя ему, возможно, и удалось в какой-то форме подчинить саков. Когда Митридат умер, его преемники между 87 и 75 годом до н. э. совершили несколько походов на восток. Эти походы оказались успешны — судя по тому, что были отчеканены монеты в память отвоевания Маргианы, Траксианы и Арии¹⁸¹.

У античных авторов благодаря своим успехам в борьбе против римлян парфяне имели репутацию воинственного народа, что, однако, не мешало им понимать преимущества мирного сосуществования и по возможности пользоваться ими. Вообще, если взглянуть непредвзято, можно сказать, что для парфян была характерна практичность и уж точно они не имели склонности к бессмысленному разрушению. Такой подход, особенно если он подкреплялся победами на полях сражений, не раз приводил парфян к соглашениям с их противниками, которые приносили пользу обеим враждующим сторонам. Заключенные договора никогда не создавали для парфянских вассалов невыносимых условий и прежде всего гарантировали им права на ведение торговли.

Мы не знаем точно, когда саки оказались в Индии. Дата правления первого индо-скифского царя Мауэса (Мая)¹⁸² не дает ответа на этот вопрос — она основана на спорном толковании слова, вызвавшего большую дискуссию, в надписи

сатрапа Патики¹⁸³ на медной пластине из Таксилы и на произвольной датировке указанной там эры. Вероятно, Мауэса следует отождествить с великим царем Могой этой надписи, датируемой 78 годом неизвестной эры. Название месяца там парфянское. Но поскольку о 169 годе до н. э. не может идти речи, то это не аршакидская эра, которая началась в 247 году до н. э.¹⁸⁴ Э.Дж. Рэпсон предположил, что введение этой эры, возможно, связано с захватом Митридатом I Сеистана¹⁸⁵. Некоторые исследователи датируют надпись из Таксилы 9–6 годами до н. э., полагая, что эта эра началась после смерти Митридата II в 88/87 году до н. э.¹⁸⁶

Когда саки появились в Индии, они во всех смыслах уже так тесно были связаны с парфянами, что трудно, почти невозможно, отделить одних от других. «Очень немногие парфянские монеты найдены в Индии»¹⁸⁷, и это свидетельствует в пользу того, что саки и пахлавы (индо-парфяне) действовали независимо от Парфянской империи, хотя и считались ее вассалами. Чиновничество возникших в Индии царств, вероятно, включало как парфян, так и саков, но из дошедших до нас имен можно извлечь очень мало данных, поскольку одним из первых действий чиновника, получившего должность, было принятие имени, соответствующего его новому положению.

Сведения об аморфном в плане границ Индо-скифском царстве, которое включало как территории Восточного Ирана, так и Северо-Западной Индии, мы черпаем почти полностью из нумизматических материалов неизвестного происхождения. Судя по ним, в Восточном Иране и Северо-Западной Индии одновременно существовали три правителя царского ранга: царь царей в Иране, связанный с ним младший член его рода и еще один царь царей в Индии. Младший член рода в Иране обычно со временем становился верховным правителем в Индии¹⁸⁸. На том основании, что Парфия с 88 по 57 год до н. э. не знала титула «царь царей»¹⁸⁹, возникло предположение, что правители Ирана и Индии были от нее независимы. Позже, правда, выяснилось, что один случай использования этого титула в Парфии, в 64 году до н. э., все-таки есть¹⁹⁰.

Легенда царя на одной из монет, выпущенных в Восточном Иране, дана по-гречески, а связанного с ним младшего

члена рода на оборотной стороне — на кхароштни*. Так как письменность кхароштни в этот период была известна только в Арахозии**, то мы можем заключить, что младший член рода управлял ее территорией.

Монеты¹⁹¹ и надпись на пластине из Таксилы дают основание полагать, что Мауэс завоевал Гандхару, включая Пушкалавати на западе и Таксилу к востоку от реки Инд. В Восточном Пенджабе завоевания Мауэса завершили два его преемника, первым из которых был Азес I. Порядок этих и последующих правителей основан только на монетах. Азесу, о котором мы более ничего не знаем, наследовал Азилис, который, вероятно, принадлежал к его роду¹⁹². Такой вывод можно сделать из того, что Азес, как старший по титулу, появляется на аверсе с греческой надписью, а Азилис — на реверсе с надписью на кхароштни¹⁹³.

Почти одновременно с воцарением Азилиса в Восточном Иране начал править, приняв имперский титул, царь с парфянским именем Вонон. Мы не знаем точно дат правления этого царя, но почти наверняка можем сказать, что его нельзя отождествлять с парфянским царем Вононом I (8—11 годы н. э.). Династию, которую основал этот Вонон, обычно называют пахлавской, чтобы отличить от современной ей правящей парфянской династии. Видимо, он обрел достаточную силу — во всяком случае, принявший титул царя царей Азилис, который продолжил завоевания в Пенджабе, то ли добровольно, то ли вынужденно отказался в его пользу от Арахозии. Эта территория была передана брату Вонона Спалахору, который правил ею совместно со своим сыном Спалагадамом.

Вонону наследовал еще один его брат, Спалирис. Правда, мнение о том, что он был братом Вонона, основывается исключительно на том, что его монеты имеют легенду «брат царя», и принято считать, что Вонон и был тем самым царем¹⁹⁴. Сын Спалириса Азес стал правителем Арахозии. Позднее он

* Кхароштни — письменность, по-видимому, произошедшая от арамейского алфавита. Письмо кхароштни было забыто и дешифровано заново в XIX веке англо-индийским историком и лингвистом Джеймсом Принсепом.

** Арахозия — эллинистическое название территории на юго-востоке современного Афганистана и севере Пакистана.

Монета с изображением Вонона I

правил Индией совместно с Азилисом и в конечном счете получил верховную власть, став царем царей Индии Азесом II. Следующим царем царей в Восточном Иране, которого мы знаем, был Орфагн. Это имя означает «победоносный», и соответственно на его монетах, как и парфянских монетах Вонона I, изображена крылатая Победа. Мы не знаем, одержал Орфагн какие-либо славные победы или же такое имя досталось ему вместе с царским титулом.

При нем в Арахозии вместе правили двое, Гондофар и Гуда (или Гудана); второй, возможно, был братом Орфагна. Гондофар покинул Арахозию в 19 году н. э. и стал царем царей в Индии — самым выдающимся из царей-пахлаво. На авестийском языке его имя означает «пусть он найдет славу». Данные нумизматики позволяют сделать вывод, что он присоединил к своему царству территории пахлаво и саков в Юго-Восточном Иране и Северо-Западной Индии, а также в долине Кабула, где обнаружено много его монет. Судя по всему, в новой иранской провинции Гондофар в качестве наместника посадил своего племянника Абдагаса. Дата смерти

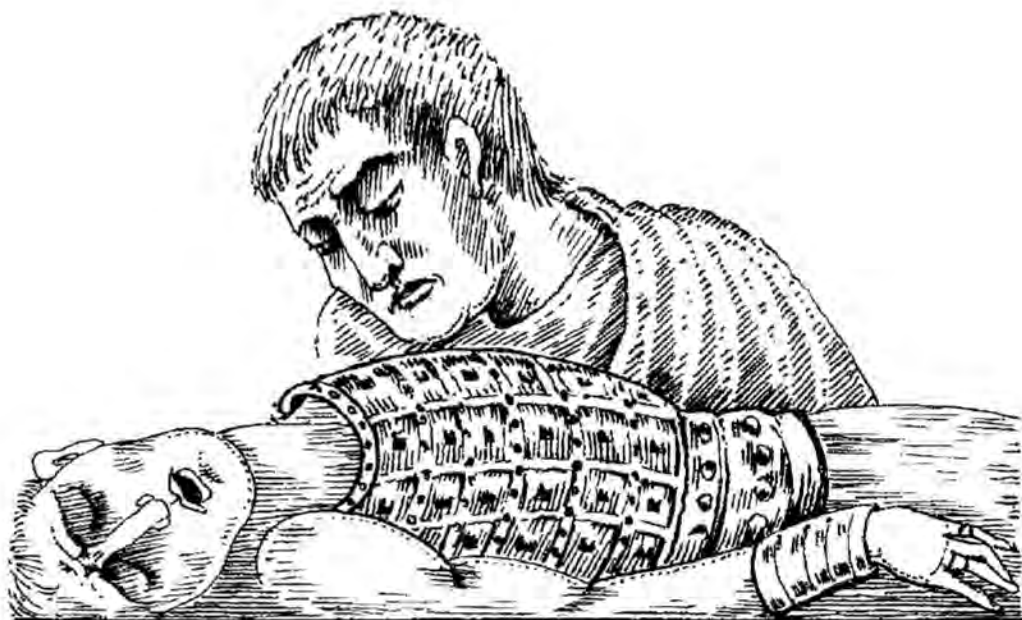
Гондофара неизвестна, но мы знаем, что в 45 году н. э. он еще находился у власти¹⁹⁵. Э.Дж. Рэпсон допустил, что Гондофар, возможно, захватил какую-то парфянскую территорию. Дело в том, что как собственные монеты Гондофара, так и совместные с племянником, а также монеты его главнокомандующих обычно имеют знак ; этот же знак надчеканен на монетах парфянских царей Орода II (57—37/36 годы до н. э.) и Артабана III (12—38 годы н. э.)¹⁹⁶.

После Гондофара власть саков в Индии стала быстро слабеть. Последним из сколько-нибудь значимых сакских правителей был носивший парфянское имя Пакор, чьи монеты свидетельствуют, что он правил в Юго-Восточном Иране и контролировал по крайней мере часть Индии. На его монетах, обнаруженных в Таксиле, изображена фигура Победы, как и на монетах Орфагна; на них также присутствует знак Гондофара и легенда одного из главнокомандующих¹⁹⁷.

Китайские источники свидетельствуют, что спустя сто или немногим более лет после поселения юэчжей в Бактрии и ухода саков в Индию Куджула Кадфиз, вождь кушан, одного из пяти племен юэчжей, захватил власть над всеми юэчжами и основал царство, получившее впоследствии название его племени. Кушанское царство быстро распространило свою власть на Гандхару, Арахозию и Кабул, причем процесс этот, возможно, начался еще при Гондофаре. Возможно, парфянские завоевания, о которых говорят китайские тексты¹⁹⁸, — это на самом деле завоевания кушан на территориях исчезающих индо-скифских царств; не исключено, что при этом не обошлось без нападений на территорию собственно Парфии¹⁹⁹.

Обломки державы саков какое-то время еще существовали в дельте Инда. Автор «Перипла Эритрейского моря» (предположительно третья четверть I века н. э.) сообщает, что эту территорию контролируют «парфяне», и описывает свары здешних мелких царьков²⁰⁰.

Глава IV Катастрофа при Каррах

Фраат III Теос, заняв трон²⁰¹ вслед за своим отцом Синатруком, неминуемо должен был оказаться эпицентре международной политики. Это было время, когда удача отвернулась от Митридата VI Понтийского, а союзник понтийцев армянский царь Тигран II лишился большей части своей территории, но оба еще были достаточно сильны.

В 69 году до н. э. римский полководец Лукулл вторгся в Армению и подошел к ее столице Тигранакерту. Незадолго перед этим Митридат и Тигран предложили Фраату союз против римлян, обещая за это «семьдесят долин» (опять!), Адиабену и Северную Месопотамию²⁰². Идея Митридата состояла в том, чтобы парфяне начали, отвлекая римлян, войну в Месопотамии, тогда как он и Тигран отрежут армию Лукулла от путей снабжения²⁰³.

Вскоре после этого, однако, Лукулл наголову разбил войско армянского царя в битве при Тигранакерте. Узнав — то ли до битвы, то ли сразу после нее — о переговорах Митридата и Тиграна, с одной стороны, и Фраата, с другой, римский полководец послал своих переговорщиков к парфянскому царю, поручив им пригрозить ему всеми карами, если он

вздумает присоединиться к Митридату и Тиграну, и посулить награду, если он проявит лояльность. Фраат ответил Лукуллу так, что тот решил, будто парфянский царь готов выступить на его стороне. Но при этом Митридат и Тигран получили от хитрого Фраата примерно такой же ответ.

Впрочем, Лукулл тоже вел двойную игру: решив, что Митридат и Тигран слишком ослаблены и уже не представляют большой опасности, он решил атаковать Парфию²⁰⁴. Ему показалось соблазнительным в одном походе устранить сразу трех сильных противников римлян. Послание парфянского царя застало Лукулла в Гордиене, и он отправил к Фраату для продолжения переговоров легата Секстилия²⁰⁵. Фраат не поверил легату, справедливо подозревая, что он прибыл не столько ради переговоров, сколько на разведку; в результате парфянский царь продолжил свое дипломатическое лавирование. Лукулл же тем временем приказал одному из своих командиров Сорнатию²⁰⁶ перевести армию из Понта в Гордиену, откуда собирался выступить против Парфии. Но тут неожиданно отказались воевать понтийские солдаты, потребовавшие отдыха от ратных трудов, а затем, когда весть об этом достигла легионов Лукулла, взбунтовались и они. Таким образом, Лукуллу пришлось отказаться от экспедиции в Парфию²⁰⁷.

После того, как в 66 году до н. э. Лукулла, по Манилиеву закону*, заменил Помпей, он поспешил подписать соглашение с Фраатом, дабы обеспечить невмешательство Парфии в войну на стороне противников Рима. Когда весть об этом дошла до Митридата, он, весьма обеспокоенный, начал с римлянами переговоры о перемирии. Впрочем, нейтралитет парфян продлился недолго. К Фраату явился зять Тигран Младший, бежавший после неудачного восстания против отца Тиграна II, и стал убеждать его вторгнуться в ту часть Армении, которая принадлежала старшему Тиграну²⁰⁸. Фраат в конце концов уступил, хотя и не без некоторых колебаний, опасаясь, что Помпей сочтет это нарушением заключенного с ним договора.

* Закон о предоставлении Помпею верховного командования в провинциях Азии, Вифинии и Киликии с правом заключения договоров и союзов, набора войск и неограниченного получения денег из казны. Назван по имени предложившего его народного трибуна Гая Манилия.

Монета с изображением Фраата III

Парфянский царь двинул войска к Артаксате (Арташату), но действовал не очень решительно. Поняв, что осада города затягивается на неопределенный срок, он оставил молодому Тиграну отряд парфян, а сам вернулся на родину. Тем временем Тигран II выступил в поход против мятежного сына и разбил его. Тигран Младший заметался: он хотел было просить убежища у Митридата Понтийского, но положение Митридата было таково, что ему самому вот-вот могло потребоваться убежище. Тогда — не исключено, что по совету Фраата, — он сдался Помпею, который направлялся к Артаксате.

Это в какой-то мере заставило отказаться от дальнейшего сопротивления Тиграна Старшего. В 66 году до н. э. он подписал договор с Помпеем, по которому лишился части земель и выплатил 6 тысяч талантов контрибуции, но сохранил за собой титул царя царей и был провозглашен «другом и союзником римского народа», что обеспечивало ему защиту Рима от посягательств парфян. При этом Софена и Гордиена были отданы Тиграну Младшему²⁰⁹, который, однако, не выказал готовности полностью подчиниться римлянам, в результате

чего вскоре оказался за решеткой, а Софена и Гордиена²¹⁰ перешли к восстановленному римлянами на престоле царю Каппадокии Ариобарзану I.

В 65 году до н. э. Помпей отправился в поход против иберов и албанов, оставив в Армении своего приближенного Луция Афрания. Когда ему пришлось повернуть назад, он находился в трех днях пути от берегов Каспийского моря и даже нацеливался на Индию²¹¹. Его легат Авл Габиний²¹² тем временем переправился через Евфрат и дошел до Тигра²¹³, а Фраат занял Гордиену²¹⁴. Помпей возвращался через Малую Армению, и здесь к нему стали являться посольства с различными просьбами²¹⁵. Было среди них и посольство от Фраата, который, во-первых, просил, чтобы римляне отдали ему зятя Тиграна Младшего, и, во-вторых, встревоженный вторжением Габиния, хотел, чтобы Помпей признал границу между Римом и Парфией по Евфрату.

Помпей Тиграна отдавать отказался и потребовал, в свою очередь, вернуть Гордиену, а о границе высокопарно выразился, что ее роль между римлянами и парфянами выполняет справедливость²¹⁶. Насчет Гордиены Помпей кратко написал Фраату, обращаясь к нему просто «царь», а не «царь царей» (этот титул он приберет для Тиграна), и, не дожидаясь ответа, отправил Афрания захватить спорную территорию. Неизвестно, какие усилия пришлось для этого приложить Афранию, но, как бы там ни было, Гордиена перешла к Тиграну Армянскому²¹⁷. Затем, вопреки договору с парфянами, Афраний отправился в Сирию через Месопотамию, встретил на этом пути множество трудностей и потерял почти всю свою армию.

В 64 году до н. э., когда Помпей находился в Сирии, к нему одновременно прибыли послы от Фраата и Тиграна. Разрешить их территориальный спор Помпей, выступивший в качестве третейского судьи, поручил трем специальным уполномоченным²¹⁸. В результате Фраат сохранил Адиабену, а Тигран — Гордиену и Нисибис. Надо думать, договориться удалось прежде всего потому, что оба царя начали понимать, что должны копить силы для войны с Римом, а не тратить их на дразги между собой²¹⁹. Но понимание это распространялось далеко не на всех: около 58/57 года до н. э.²²⁰ Фраат был убит своими сыновьями Ородом и Митридатом, которые

Монета с изображением Митридата III

были едины только в том, чтобы устранить отца, и, сделав это, сразу после его смерти затеяли ожесточенную борьбу за власть²²¹.

Монеты подтверждают сообщения ранних историков, что после убийства отца трон достался старшему брату, и он стал царем Митридатом III²²². Однако новый царь, чей главный оплот находился в Иране²²³, настроил против себя местную знать, которая его изгнала²²⁴ и отдала трон Ороду. Митридат бежал к Авлу Габинию, назначенному в 57 году до н. э. проконсулом Сирии, стал умолять его о помощи и сумел-таки уговорить — не безвозмездно, конечно, — выступить против Орода. Проконсул с отрядом уже было пересек Евфрат, однако тут, на беду Митридата, Птолемей XII Авлет (80–51 годы до н. э.), также изгнанный из своей страны и также ищущий помощи римлян, чтобы вернуться на трон, подкрепил свою просьбу куда более крупной суммой денег, чем смог предложить парфянин. Габиний повернул на Египет, а Митридат вместе со своим приближенным Орсамом, надеясь на перемену фортуны, находился при нем еще какое-то время

и покинул его лишь после победы римлян над набатейцами, одержанной на пути в Египет весной 55 года до н. э.²²⁵

Не отчаявшись из-за такого развития событий, Митридат собрал войско и сумел овладеть Вавилоном²²⁶, а затем и царским городом Селевкией, где в знак своей победы отчеканил монеты, изображающие богиню Тихе* с пальмовой ветвью в руке, которая приветствует нового правителя. Но торжество его продлилось недолго. Вскоре войска Орода, которыми командовал талантливый военачальник Сурена²²⁷, Селевкию отбили; причем Сурена первым взобрался на стены города. Позже, не выдержав голода, открыл ворота осажденный Вавилон. Поняв, что его дело проиграно, Митридат добровольно сдался на милость победителя, но Ород милости не проявил и приказал убить брата у себя на глазах²²⁸. Таким образом, в конце 55 года до н. э.²²⁹ Ород оказался единственным правителем парфян. Монеты Митридата, которые тот из-за скоротечности своего правления не успел выпустить в обращение, он велел перечеканить: на них появилось аллегорическое изображение Селевкии, покорно преклонившей колена в знак подчинения, и сам Ород, помогающий ей подняться²³⁰.

Пока в Парфии братья боролись за власть, римский Сенат назначил новым наместником в Сирию 60-летнего²³¹ Марка Лициния Красса. Сирия могла стать базой для наступления как на Парфию, так и против Египта. Но коль скоро Авл Габиний уже вторгся в Египет, Красс, направляясь в Сирию, знал, что ему предстоит война с парфянами²³². У войны с Парфией, которая не считалась угрозой интересам Рима, в Сенате хватало противников — они опасались, что легкая победа усилит честолюбивого Красса. Но его поддерживал Цезарь, который находился тогда в Галлии²³³, и это в значительной степени решило дело. По всей Италии были набраны солдаты, и в ноябрьские иды 55 года до н. э. Красс покинул Рим. Вслед ему неслись проклятия трибуна Атея, лидера антивоенной партии.

В апреле или мае 54 года до н. э. Красс добрался до Сирии и принял командование войсками у Габиния, который успел уже восстановить на престоле Птолемея XII Авлета

* Тихе (Тюхе, Тихэ, Тиха) — в древнегреческой мифологии божество случая, богиня удачи и судьбы. У римлян ей соответствует Фортуна.

Монета с изображением Орода II

и вернуться в свою провинцию. Армия Красса, если считать вместе с сирийскими гарнизонами, состояла из семи легионов. Квестором при нем был Гай Кассий Лонгин, легатами — его сын Публий Красс, Варгунций и Октавий. Среди союзников Красса были царь Осроены Абгар, вождь арабского племени Алхавдоний и царь Армении Артавазд II; предполагалось, что они поддержат его легионы легкой кавалерией. Впрочем, особенно надеяться на их помощь не стоило: Абгар вел двойную игру, чтобы в нужный момент оказаться на победившей стороне, а Алхавдоний вскоре стал открыто симпатизировать парфянам.

Первый год Красс занимался какими-то незначительными делами, цель которых не вполне ясна. В 54 году до н. э. он вторгся в Месопотамию, но явно не для решительного наступления. Возможно, он хотел создать здесь базу для снабжения своей армии в будущей войне²³⁴. Вышедший против него небольшой парфянский отряд был разбит, а командовавший им сатрап Силак ранен. Греческие города, включая самый крупный из них Никефорий, были заняты без труда. Сложности

возникли лишь при взятии Зенодотия, жители которого убили несколько легионеров. Пришлось город брать штурмом²³⁵.

Но после этого, вместо того чтобы развить успех, Красс оставил в захваченных городах гарнизоны общей численностью 7000 воинов и 1000 конницы и вернулся для зимовки в Сирию. Тем самым парфяне получили время для подготовки кампании следующего года.

Зимой 54—53 годов до н. э. Красс разграбил Иерусалимский храм²³⁶ и святилище богини Атаргатис в сирийском Иераполисе²³⁷, а весной 53 года до н. э. перешел через Евфрат у Зевгмы²³⁸ и двинулся на Селевкию. В эти дни к нему явились послы от Орода, который потребовал объяснить причину неспровоцированного вторжения — ведь еще действовал мирный договор, заключенный парфянами с Помпеем. В послании Орода, написанном, надо признать, в оскорбительном тоне, говорилось, что в случае, если война ведется по личной инициативе Красса, без согласия римского народа, парфяне проявят милосердие и пощадят престарелого римского полководца; но если, в нарушение имеющегося договора, нападение санкционировано Римом, то тогда ни о каком перемирии и ни о каких переговорах речь идти не может.

Послание Орода, если, конечно, оно дошло до нас в правильной передаче, свидетельствует о том, что парфянская разведка работала лучше римской²³⁹; дело тут не в отсутствии соответствующих возможностей у римлян, а в их высокомерии по отношению к парфянам. Послание произвело именно тот эффект, на который и рассчитывал Ород: Красс пришел в бешенство. Парфянским послам он заявил, что ответит их царю в Селевкии. На это глава посольства Вагиз поднял раскрытую ладонь и сказал: «Скорее тут вырастут волосы, Красс, чем ты увидишь Селевкию»²⁴⁰. Эти жест вкупе с резким ответом вошли в поговорку и до сих бытуют у современных арабов.

Так как Красс осенью оставил гарнизоны в захваченных городах, ему пришлось идти той же дорогой, что и год назад, ибо, по его собственным словам, он не мог пренебречь бывшими там хорошими солдатами. Из-за этого он отверг совет Артавазда II, который предлагал ему следовать через Армению, где холмистая местность не дала бы парфянам использовать все преимущества своей кавалерии. У Артавазда, разумеется,

был свой интерес: при таком маршруте римляне неизбежно столкнулись бы с враждебной ему Атропатеной. Но армянский царь готов был щедро отплатить римлянам, поддержав их большим числом пеших и конных воинов²⁴¹. Когда же Красс его совет отклонил, Артавазд предпочел устранииться и увел 6 тысяч всадников, которые были с ним, восвояси, оставив римлян с парфянами один на один.

У Красса, когда он переправился через Евфрат, было около 42 тысяч человек, включая 4000 кавалеристов²⁴². Этому войску противостояли 10 тысяч парфянских всадников²⁴³ (организованных в десять подразделений — «драконов»²⁴⁴) под командованием Сурены²⁴⁵, которому помогал сатрап Силак; тысяча верблюдов везли за всадниками запасы стрел. Ород же с основной частью парфянской пехоты ушел в Армению, поскольку был уверен, что римляне пойдут через нее, — это было бы во всех отношениях разумно. Но не с точки зрения самоуверенного Красса, который, казалось, совершенно не брал в расчет возможности парфян.

Гай Кассий Лонгин предложил ему идти на Селевкию вдоль Евфрата, но прежде выслать вперед разведчиков, чтобы узнать, каковы силы противника. Но тут в лагерь римлян прибыл царь Осроены Абгар с сообщением, что парфяне спешно отступают и увозят с собой все свое имущество. По сведениям Абгара, заслоны, которые они оставили на пути римлян, дабы прикрыть отступление, были крайне незначительны и командовали ими только два низших офицера. Все это еще более увеличило энтузиазм Красса, и он решил немедленно наступать на Селевкию кратчайшим путем — через равнины Месопотамии. Позднее Абгара обвинили в том, что он действовал по заданию парфян и сознательно толкнул римлян на гибельный путь, однако это позднейшие бездоказательные спекуляции²⁴⁶. Как бы то ни было, решение Красса подставило римлян под удар парфянской кавалерии, которой только и нужно было, чтобы противник позволил ей атаковать на равнинной местности.

Сурена, которому тогда еще не исполнилось и 30 лет, был, без сомнения, человеком величайших способностей. Его пребывание в действующей армии было обставлено с восточной пышностью: его личная охрана состояла из 1000 закован-

ных в доспехи всадников, при нем состояло множество слуг и столько наложниц, что только для их перевозки требовалось 200 повозок. Все это было организовано таким образом, чтобы без труда преодолевать огромные расстояния вслед за конницей.

Территорию, по которой пошел Красс, римляне впоследствии в поисках оправдания сокрушительного поражения объявили непроходимой безводной пустыней — дескать, воины Красса были слишком измождены походом, когда им пришлось вступить в бой с парфянами. Но на самом деле на пути легионов было несколько деревень с колодцами. К тому же есть основания полагать, что к 6 мая, когда римляне достигли реки Балих ниже города Карры (Харрана), то есть места, где вскоре состоялось решающее сражение, там еще не успела выгореть пышная после недавних дождей трава.

При приближении к Каррам Красс получил донесение, что парфяне находятся где-то рядом. Его офицеры предлагали дать легионерам отдых и тем временем разведать обстановку, но римский военачальник, увлеченный азартом своего сына, пошел врагу навстречу, ограничившись тем, что дал своим изрядно уставшим людям время на то, чтобы утолить голод и жажду. Римляне двигались широким фронтом, имея небольшую глубину боевых порядков; кавалерия находилась на флангах. Сам Красс командовал центром, один фланг он поручил Кассию Лонгину, другой — сыну Публию.

При виде парфян римляне построились в каре. Они не имели представления о силе врага; во всяком случае, парфяне не показались им ни многочисленными, ни грозными. Сурена пошел на хитрость, приказав заслониться плащами и кожами, и, таким образом, римляне до самого последнего момента не видели тяжелого вооружения парфянских катафрактов. Когда армии сблизились, парфяне, по сигналу Сурены, сбросили кожаные покровы, и, представ перед римлянами под грохот многочисленных литавр в шлемах и латах из ослепительно сверкавшей стали, атаковали их.

Чтобы разобраться в причинах катастрофы, постигшей римлян в этом сражении, необходимо понять, что за силы сошлись в окрестностях Карр. Главной силой парфянской армии была кавалерия, которая подразделялась на два ви-

да — легко- и тяжеловооруженных всадников. Легкая кавалерия вообще не имела доспехов; все ее вооружение сводилось к небольшому щиту овальной формы, мощному сложносоставному луку и колчану со стрелами. Стрелы, пущенные из парфянских луков, пробивали доспехи легионеров. Оружием катафрактов — тяжелой кавалерии парфян — служила длинная тяжелая пика, удар которой мог пробить человека насквозь, а одеты они и их кони были в чешуйчатые доспехи²⁴⁷. Чешуйчатый панцирь впервые появился в Иране и быстро распространился на восток, в Китай, но с опозданием проник на запад — он попал в римскую армию значительно позже описываемых событий (и кстати, попал через Парфию)²⁴⁸.

У воинов Красса таких доспехов не было. Они вообще выглядели полной противоположностью парфянам — пешие солдаты были одеты в доспехи, которые могли защитить от удара меча, ибо предполагалось, что они будут действовать в ближнем бою; каждый имел щит, копье-дрот (пилум) и короткий меч, которым удобно было орудовать в свалке. Кавалерия же была экипирована слабо и к тому же немногочисленна, так как римляне в этом плане привыкли полагаться на союзников. Забегая вперед, скажем, что горький урок, полученный при Каррах, привел к тому, что они стали уделять значительно больше внимания формированию собственных конных отрядов.

Римская пехота была окружена парфянскими лучниками, которые обрушили на нее град стрел. Сообразив, что таким образом их всех рано или поздно перебьют, легионеры сделали попытку сблизиться с врагом, чтобы навязать ему рукопашный бой, но парфяне поспешили отступить и продолжили весьма эффективно расстреливать римлян из луков. У римлян какое-то время сохранялась иллюзия, что стрелы у парфян скоро закончатся, но запас их на верблюдах, поставленных в тылу парфянского войска, был значителен, и его с лихвой хватило до самого конца битвы.

Красс видел, что инициатива целиком находится в руках парфян и его войско несет тяжелые потери. Надо было решительно что-то менять, и он отдал приказ своему сыну атаковать парфян. С 1300 всадниками, которых поддерживали 500 лучников и 8 когорт пехоты, то есть во главе примерно 6 тысяч че-

ловец, молодой Публий бросился на врага и погнал его прочь. Парфяне побежали, и победа, как казалось Публию и тем, кто скакал рядом с ним, была близка, но, когда они значительно оторвались от своих основных сил, вдруг выяснилось, что бегство это было притворным. Бежавшие парфяне остановились и развернулись, и тут же по римлянам ударили с боков. Публий понял, что попал в ловушку, но было уже поздно.

На сбитых с толку римлян вновь посыпались стрелы. Парфянские лучники волна за волной сменяли друг друга, а римляне, теряя людей десятками, не наносили им почти никакого урона. Только бывшие в римском войске легковооруженные галлы нашли что противопоставить парфянам: они спешивались и вспарывали животы парфянских коней, единственное незащищенное у них место, или стаскивали закованных в доспехи всадников на землю. Но этого было недостаточно. Публий был ранен стрелой в руку, но еще держался в седле. Он сделал попытку пробиться назад к легионам, но парфяне еще крепче сомкнули свои ряды. Тогда он и его воины прижались к теллю*, сдвинули щиты и сражались до тех пор, пока большинство их не было убито; в плен попало около 500 человек. Публий и почти все офицеры покончили самоубийством либо их, согласно отданным приказам, закололи оруженосцы²⁴⁹. Парфяне отрубили голову Публию, подняли ее на пику и вернулись к основному месту сражения.

Между тем Красс, не зная, что произошло с сыном, но почувствовавший облегчение после того, как часть парфян ушла вслед за Публием, воспрянул духом и выстроил свои войска для новой атаки. Вскоре кто-то принес ему известие, что неприятель обращен в бегство и Публий преследует его. Но затем пришло известие прямо противоположное: что сын находится в страшной опасности и требуется срочно прийти ему на помощь. Не успел, однако, Красс что-либо предпринять, как появились парфяне с головой Публия. После этого он впал в прострацию и почти перестал руководить своим войском. Парфяне же наращивали натиск. Лучники атаковали римлян с флангов, а катафракты изматывали их фрон-

* Телль — холм высотой 30—40 метров, отчасти искусственного происхождения, возникший на месте древнего поселения.

тальными ударами. С величайшим трудом римлянам удалось продержаться до захода солнца. С наступлением темноты парфяне, наконец, отошли.

Красс продолжал пребывать в глубоком отчаянье. В конце концов его Кассий Лонгин и Октавий вынуждены были взять командование на себя и отдать приказ об отступлении в Карры. При этом они бросили 4 тысячи раненых, чьи крики дали знать парфянам, что римляне отступили. В этом отступлении разрозненными группами было очень много неразберихи, однако парфяне не стали ему препятствовать, поскольку в темноте не могли использовать свое главное оружие — луки.

Не спешили они заняться засевшими в Каррах римлянами и на следующий день, предпочтя сначала расправиться с ранеными и отловить тех, кто разбежался по окрестностям. Так, они наткнулись на четыре когорты под командованием легата Варгунция, ночью сбившиеся с дороги и оторвавшиеся от основных сил римлян, и перебили почти всех за исключением двух десятков человек, дравшихся до последнего, — их, уважая за мужество, парфяне не стали преследовать и дали им уйти в Карры. Резня, начавшаяся с рассветом, заняла у них большую часть дня, и только к вечеру парфяне окружили Карры, где нашел убежище Красс. Надежды отсидеться за крепостными стенами у римлян было мало. Поэтому Красс решил уходить в Армению. Ночью остатки римских легионов, разделившись, смогли покинуть город, поскольку кольцо парфян вокруг него было недостаточно плотным, но парфяне и тут перехитрили Красса — в проводники римляне взяли жителя Карр некоего Андромаха, который был парфянским шпионом.

Красс хотел достичь города Синнака²⁵⁰, находящегося в холмистой местности, что давало гарантию защиты от парфянской конницы, но Андромах вместо того, чтобы вести римлян прямой дорогой, кружил на месте и тянул время до наступления дня. Кассий, недовольный происхождением, вернулся в Карры и позже вместе с 500 всадниками все-таки сумел уйти в Сирию. Красс же с четырьмя когортами и небольшим числом всадников продолжал блуждать до последнего. На рассвете он все еще находился в полутора милях от спасительных холмов, когда появление парфян заставило его искать убежища на невысоком холме, который парфяне тотчас окружили.

Впоследствии они щедро наградили Андромаха, сделав правителем в Каррах. Счастья это, однако, ему не принесло — он властвовал с крайней жестокостью и был в конце концов убит горожанами вместе со всей своей семьей²⁵¹.

Октавию, который вел около 5000 человек, повезло с проводником больше, и он сумел достичь холмов, обезопасив себя от нападения парфянской конницы. Отсюда он увидел, какая опасность грозит Крассу, с горсткой всадников понесся ему на помощь и сумел отбросить парфян к подножию холма.

Сурена понял, что должен спешить и решить дело до наступления новой ночи, дабы не дать Крассу шанса уйти под прикрытием темноты. Впрочем, мотивы его действий можно толковать по-разному. Он, конечно, мечтал захватить Красса, который считался парфянами главным виновником войны, но действовал так, будто хотел заключить с римлянами мир. Во всяком случае, он освободил нескольких пленных римлян и велел устроить так, чтобы они будто невзначай подслушали разговор, из которого им стало ясно, что парфянский царь желает мира с Римом и поэтому обращение с Крассом, если он согласится сдаться, будет самое великодушное. Затем Сурена отдал приказ остановить бой, в сопровождении своей свиты двинулся к холму и не только предложил переговоры о перемирии, но и пообещал римлянам безопасный проход. Красс, опасаясь вероломства, решил отвергнуть переговоры, но его люди, понимая, что это у них появился шанс остаться в живых, стали требовать, чтобы он согласился на предложение Сурены, и Красс им уступил²⁵².

Военачальники встретились на открытом месте, на равном расстоянии между позициями сторон; каждого командующего сопровождало равное количество людей, согласно договоренности, невооруженных. Парфяне были верхом, римляне — пешими.

Дальнейшее можно трактовать по-разному. Во всяком случае, известно, что состоялся короткий разговор между Крассом и Суреной, после чего Крассу подвели лошадь, и все двинулись к Евфрату, то есть к границе, на которой обычно подписывались договора. Но бывшие при Крассе римляне, все время, видимо, ожидавшие обмана, не поняли, что происходит, и вообразили похищение своего полководца. Ок-

тавий схватил лошадь, на которой сидел Красс, за поводья, но в то же время парфянские конюшие стали ее подгонять. Завязалась драка, и Октавий вытащил меч и убил одного из конюших. Это послужило сигналом для начала страшной резни, в которой Красс, Октавий и другие римляне были убиты. У нас нет основания подозревать парфян в коварном вероломстве уже потому, что первый удар нанес один из предположительно невооруженных римлян. Вполне возможно, что происшествие стало результатом трагического недоразумения²⁵³. Но как было то ни было, вскоре обезглавленные трупы римлян доставили под стены Синнака²⁵⁴.

После гибели Красса римляне либо сдались, либо разбежались. Из 42 тысяч воинов, начавших парфянскую кампанию, назад вернулось меньше четверти: 20 тысяч были убиты, 10 тысяч оказались в плену. Парфяне поселили пленных легионеров в Маргиане²⁵⁵, где многие женились на местных женщинах²⁵⁶. Кое-кто из них позже оказался не по своей воле в парфянской армии, и некоторые, когда представился случай, перебежали обратно на сторону римлян²⁵⁷.

Любопытно, что, пока Сурена воевал с Крассом, Ород сумел договориться с Артаваздом II и даже женить своего сына Пакора на его сестре. Известие о победе и присланные Суреной трофеи — голова и правая рука Красса — застали его в столице Армении. Эта несчастная голова, надетая на палку, была вынесена на сцену во время представления пьесы Еврипида «Вакханки». Это было весьма далеко от античной традиции, хотя оба царя говорили по-гречески и претендовали на знание греческой литературы, а Артавазд даже писал на греческом языке разного рода сочинения, в том числе и трагедии²⁵⁸.

Показательна судьба Сурены, который, прибыв в Селевкию, устроил себе пародийный триумф. Царь Ород осыпал Сурену милостями, но вскоре казнил его, поскольку опасался, что чрезвычайно популярный в народе полководец захочет занять трон.

Жестокое поражение Красса в глазах людей от Средиземноморья до Инда поставило Парфию едва ли не выше Рима²⁵⁹. Она теперь безусловно владела территориями к востоку от Евфрата, который оставался границей между Римом и Парфией еще долго — до 63 года н. э. При этом парфяне не воспользова-

лись возможностью теснить римлян и дальше, хотя у Кассия, получившего командование над римскими войсками в Сирии, людей не хватало, и он не мог рассчитывать на пополнение, так как в Риме было слишком неспокойно.

Правда, через год после гибели Красса парфяне предприняли поход в Сирию, но Кассий сумел отбить нападение. Тем временем иудеи, надеясь на победу парфян, подняли восстание против римлян. Поэтому, когда парфяне ушли восвояси, Кассий отправился в Иудею, захватил город Тарихей и многих иудеев обратил в рабство²⁶⁰. При этом часть иудеев нашла в Парфии убежище²⁶¹.

Вообще надо сказать, что усиление парфянского могущества оказало значительное влияние на палестинских иудеев, которые задолго до фиаско Красса стали смотреть на парфян как на возможного союзника в своей борьбе за освобождение от римского гнета. Возможно даже, что во времена Антиоха VII Сидета (139/138—129 годы до н. э.) между иудеями и парфянами было достигнуто какое-то соглашение о совместных действиях. Во всяком случае, есть основания полагать, что иудейский царь Иоанн Гиркан I, хотя и был участником губительного похода Антиоха VII против парфян, либо во время этого похода, либо сразу после него напал на сирийские города²⁶². Об этом свидетельствует отрывок из Талмуда, в котором, судя по всему, описывается нападение иудеев на Антиохию²⁶³. Ко времени другого иудейского царя Александра Янная (103—76 годы до н. э.) относится упоминание о пребывании парфянского посольства в Иерусалиме²⁶⁴. Важно отметить, что предшественники Александра Янная, как правило, отправляли посольства в Рим, но сведений об иудейских посольствах в Рим во время его правления нет²⁶⁵. Если же говорить о времени после поражения римлян при Каррах, то у иудеев наметилось явное преобладание пропарфянских симпатий, и это в какой-то мере влияло на общий расклад сил.

Глава V События в Сирии

Итак, Красс и Публий были мертвы, а орлы их легионов стали украшением парфянских храмов²⁶⁶. Впрочем, римлянам и прежде случалось терпеть поражения, но Рим оставался незыблем. Поэтому, возможно, трагический урок, преподанный парфянами, не произвел должного впечатления на общественное сознание, хотя в армии, вероятно, понимали всю опасность ситуации.

В 51 году до н. э. наместником Киликии был назначен Марк Туллий Цицерон. Одной из его задач было пристально следить за происходящим в Каппадокии²⁶⁷, поскольку ее новый царь Ариобарзан III, хотя его назначение и было недавно одобрено римским Сенатом, не внушал римлянам особого доверия. Из Брундизия, прежде чем отправиться к месту службы, Цицерон написал наместнику Киликии Аппию Клавдию Пульхру, которого ехал менять, что Сенат предложил набрать солдат в Италии для Цицерона и Бибула, нового наместника Сирии, но консул Сульпиций Руф выступил против. Поэтому, зная о донесении Пульхры Сенату, в котором тот писал, что распустил большую часть своих солдат (впрочем, легат Пульхры

Квинт Фабий Вергилиан в разговоре с Цицероном это опроверг), Цицерон просил его не сокращать войско²⁶⁸.

Чуть позже, 14 июня 51 года до н. э., в письме из Акциума другу Аттику он выразил надежду, что парфяне будут себя вести смирно и не доставят ему хлопот²⁶⁹. В пути Цицерон не получал о парфянах никаких сообщений²⁷⁰, и лишь в Траллах пришло успокоительное известие, что на границе с Парфией затишье²⁷¹. Спустя четыре дня, 31 июля, новый наместник, наконец достиг Лаодикеи, первого города на подотчетной ему территории. Не успел, однако, он приступить к своим обязанностям, как парфяне дали о себе знать²⁷²: 9 августа Цицерону доложили об их нападении на римских всадников²⁷³.

Войска провинции он нашел в крайне плохом состоянии: два легиона, пребывающие в военном лагере в Иконии, не имели начальников и находились в состоянии, близком к мятежу²⁷⁴. Цицерон взялся приводить их в порядок, и тут, 30 августа²⁷⁵, получил от царя Коммагены Антиоха I сообщение о том, что парфяне вступили на территорию Сирии. Предводительствовал ими Пакор, сын и соправитель царя Парфии Орода. Поскольку Пакор был молод и не искушен в военном деле, к нему был приставлен пользовавшийся доверием Орода опытный военачальник Осак, прежде не раз проявивший себя в сражениях²⁷⁶. Основой войска Пакора и Осака была парфянская кавалерия; ей сопутствовали многочисленные союзники, среди которых, судя по всему, были арабы²⁷⁷. Антиох I также сообщил, что армянский царь (и шурин Пакора) Артавазд готовится напасть на Каппадокию²⁷⁸. Все это было весьма серьезно, но Цицерон, не очень-то доверявший Антиоху, решил ничего не предпринимать и дожидаться известий из иных источников²⁷⁹.

Сведения Антиоха оказались верны. Предполагалось, что Пакор и Осак вторгнутся из Сирии в Киликию через Каппадокию, и Цицерон решил расположить свои силы — 12 тысяч пехотинцев и 1200 всадников — так, чтобы можно было преградить парфянам путь независимо от того, какую дорогу они выберут. Во время марша легионов Цицерона в Киликию, 19 сентября²⁸⁰, киликийский царь Таркондимот²⁸¹, главный римский союзник за горами Тавра, сообщил, что парфяне переправились через Евфрат.

В это время — как по заказу, и, конечно же, не случайно — в Сирии вспыхнуло антиримское восстание, в чем была видна рука парфян. Цицерон отправился в лагерь, расположенный около Кибистры (Эрегли) у подножия Тавра. Отсюда он обратился к Сенату с просьбой прислать солдат как можно быстрее, так как войск у него едва хватало для поддержания порядка, а набрать их в провинции не представлялось возможным²⁸² — местное население, доведенное до крайности алчностью предыдущих римских наместников, не горело желанием воевать против парфян и, пожалуй, даже отдавало им предпочтение²⁸³. При этом в присылку солдат из Рима Цицерон не очень-то верил — большинство легионов находились в Испании и Галлии, одни при Помпее, другие при Цезаре, которые ни в коем случае не желали делиться войсками. На союзников Рима надежда тоже была небольшая: из них только арабский вождь Ямвлих, царь Киликии Таркондимот и царь Галатии Дейотар сохраняли преданность Риму, но действенную помощь был в состоянии оказать один Дейотар²⁸⁴.

Простояв у Кибистры пять дней, поскольку отсюда можно было контролировать проход в Таврских горах Киликийские Ворота и, с одной стороны, при необходимости блокировать вторжение парфян, а с другой — всячески демонстрировать Артавазду, что римляне пристально следят за его действиями²⁸⁵, к 20 сентября Цицерон получил сообщение от Дейотара, что парфяне прошли через Коммагену и находятся в Киррестике. Примерно в это же время он узнал, что Кассий со своими войсками заперт парфянами в Антиохии²⁸⁶. Положение римлян было не из неприятных. Его могли поправить войска наместника Сирии Марка Кальпурния Бибула, о местонахождении которого, однако, никто не знал; известно было только, что он выехал из Рима.

Вскоре парфянские разъезды были замечены в Киликии, и хотя значительная их часть была уничтожена римской конницей и преторианской когортой, расположенной в Епифании²⁸⁷, Цицерон счел необходимым совершить переход в Киликию через Киликийские Ворота и 5 октября явился в Тарс²⁸⁸.

Как сейчас представляется, ни римские военачальники тогда, ни римские и греческие историки позже не смогли понять, что именно задумали и сделали парфяне. Тактика

же их была предельно проста — по сути, они совершили кавалерийский рейд по тылам противника, причем было их сравнительно немного, а передвигались они, не отягощенные обозом, стремительно. И целью парфян было не завоевание территории, что было невозможно, учитывая их численность и минимум снаряжения, а грабеж и уничтожение того, что нельзя унести с собой. Поэтому они напали не на Каппадокию, которую в принципе могли захватить, а прошлись по богатой области вокруг Антиохии. Здесь имелась возможность без особых проблем переправиться через Евфрат и, не вступая в столкновения с гарнизонами в городах, вдоволь пограбить как зажиточные виллы в сельской местности, так и антиохийские пригороды. Кассий при приближении парфян укрылся в укрепленной части города, где и оставался до их ухода, который свершился, скорее всего, лишь потому, что им уже нечего было грабить, а вовсе не из-за действий римлян, с чем, кстати, согласился и сам Цицерон²⁸⁹.

От Антиохии парфяне двинулись к Антигонее (точное местоположение этого города не установлено)²⁹⁰, вблизи которой без особого успеха пытались рубить деревья, мешавшие коннице. Кассий тем временем, пойдя за ними следом, стал пощипывать их фланги, что, кроме численного урона, заставляло быть в постоянном напряжении. Затем Кассий устроил парфянам засаду, причем с применением их любимой тактики: небольшой римской отряд, показавшийся парфянам легкой добычей, заманил их, притворно отступая, в окружение. Парфяне вынуждены были вступить в бой в крайне невыгодных для себя условиях. Потери их оказались очень велики. В этом сражении получил смертельное ранение Осак; через несколько дней он умер²⁹¹. Кассий сообщил об этой победе Сенату в донесении, датированном 7 октября 51 года до н. э.²⁹²

Цицерон, находившийся недалеко от Мопсуестии в Киликии, судя по всему, узнал об успехе Кассия на следующий день. С одной стороны, он, надо думать, почувствовал себя спокойнее, а с другой — испытал ревность к Кассию, своему конкуренту в погоне за военной славой. В помеченном 8 октября ответном письме Аппию Клавдию Пульхру, который спрашивал о парфянах, он написал, что они вряд ли имеются где-то поблизости, если, конечно, не принимать за парфян

арабов, одетых точно так же, как они²⁹³. Вероятно, ему очень хотелось принизить значение победы Кассия. Можно также предположить, что именно для того, чтобы сравняться с Кассием, а то и превзойти его, 13 октября Цицерон напал на город Пинденисс в непокоренной части Киликии и взял его, как он сам пишет, «с большими усилиями»²⁹⁴.

Что касается потерявших Осака парфян, то Пакор увел их зимовать в Киррестику²⁹⁵. Цицерон в это время отправился в Лаодикею, оставив в Киликии часть войска под началом своего брата Квинта. Ясно было, что следующем году римлянам придется непросто²⁹⁶. Некоторое время в Риме решали, кто выступит против парфян: Цезарь со своей армией или же командование будет поручено Помпею²⁹⁷. Наконец сделали выбор в пользу Помпея, и Цезарь передал ему для предполагаемой экспедиции I и XV легионы²⁹⁸. Тем временем, в феврале 50 года до н. э., Дейотар написал Цицерону, что готов присоединиться к нему со своими 30 когортами, численностью 400 человек каждая, и 2 тысячами всадников. Это была серьезная сила, на которую можно было опереться до появления Помпея. В мае Цицерон вернулся в Киликию. Война с парфянами надвигалась, и ожидалось, что во главе парфянского войска выступит сам Ород. В Тарсе 5 июня Цицерону доложили о страшных «грабежах» в Киликии и волнениях в Сирии. Положение усугублялось тем, что наместник Сирии (и еще один конкурент Цицерона в борьбе за лавры на Востоке) Бибул не высовывал носа из Антиохии²⁹⁹.

Главным оружием Бибула, который в меньшей степени был воином, нежели дипломатом, были политические интриги. С целью предотвратить вторжение парфян наместник Сирии вступил в переговоры с сатрапом Орнодапатой, у которого были свои счеты с Ородом, и склонил его к тому, чтобы сместить царя с трона и посадить на него Пакора, причем последний, судя по всему, согласился войти в заговор. Ирония ситуации состояла в том, что против Орода предполагалось использовать войска, предназначенные для войны против римлян³⁰⁰. Таким образом, Бибул убивал сразу двух зайцев: отводил опасность от римской территории и ввергал парфян в междоусобную смуту. Но осуществить этот план не удалось, так как Ород, очевидно, узнал о нем и отозвал Пакора³⁰¹. Обошелся он

с мятежным сыном достаточно мягко, не в традициях своего времени: Пакору была сохранена жизнь, а позже Ород вернул ему командование войсками. В дальнейшем Пакор показал себя весьма способным полководцем.

Как бы то ни было, вторжение парфян летом 50 года до н. э., которого так опасался Цицерон, было предотвращено. Положение на границе настолько успокоилось, что к середине июля он отозвал гарнизоны, расквартированные в Апамее и других местах³⁰², а сам решил отбыть в Рим, тем более что срок его наместничества истек.

В следующем десятилетии Парфия практически не угрожала римским интересам. Отчасти это было связано, вероятно, с тем, что парфяне устремили свой взор на восток.

В 49 году до н. э. в Риме началась гражданская война, что, разумеется, значительно облегчило жизнь Ороду. Помпей даже вел с Ородом переговоры о военном союзе, направив к нему с дипломатической миссией своего родственника Луцилия Гирра³⁰³ и, возможно, еще кого-то. Ород на это согласился, но при условии, что ему достанется Сирия. Помпей на это не согласился. Возможно, он посчитал, что цена слишком высока, к тому же у него появилась причина для недовольства парфянами, поскольку Гирра они заключили в тюрьму³⁰⁴. Но вполне вероятно, что союз Помпея с Ородом был невозможен в принципе, поскольку он состоял в родстве с Крассом и Публием — через свою жену Корнелию, которая прежде была женой Публия. С другой стороны, после поражения, которое нанес ему Цезарь при Фарсале (48 год до н. э.), Помпей в отчаянье хотел отдаться на милость парфянского царя, надеясь, что тот даст ему войско для продолжения борьбы с Цезарем. Но друзья убедили его отказаться от этого намерения — во-первых, чтобы пощадить чувства Корнелии, и во-вторых, они полагали, что Египет, где правил Птолемей XIII, обязанный своим тронном Помпею и его стороннику Авлу Габинию, более подходит для убежища³⁰⁵. Как мы знаем, ничего хорошего из этого не вышло: Помпей был предательски убит египтянами, и его голову поднесли Цезарю³⁰⁶.

Квинт Корнифиций, назначенный в 46 году до н. э. наместником Киликии, писал Цицерону, что опасается нападения парфян³⁰⁷, но эти опасения не оправдались. В 45 году до н. э.

уже новый наместник Гай Антистий Вет осадил в Апамее взбунтовавшегося приверженца Помпея Квинта Цецилия Басса, которого поддержало несколько легионов. Басс позвал на помощь парфян, и явившийся на его зов Пакор заставил Вета отступить с большими потерями³⁰⁸. Впрочем, оставаться в Апамее надолго парфяне не пожелали; не дожидаясь наступления зимы, основные их силы ушли на свою территорию³⁰⁹.

Цезарь, закрепившись у власти, твердо решил покончить с парфянской проблемой и приступил к подготовке большой кампании, которую собирался возглавить сам. Удар по Парфии предполагалось нанести через территорию Малой Армении³¹⁰. Масштабы подготовки приобрели невиданный прежде характер. Были набраны и снаряжены шестнадцать легионов и 9 тысяч всадников³¹¹, причем шесть легионов вместе с приданными им легковооруженными солдатами и кавалерией под командованием Марка Ацилия Канина³¹² были заранее отправлены зимовать поближе к будущему театру военных действий — в Аполлонию³¹³ и еще один легион — в Сирию³¹⁴. Внучатый племянник Цезаря будущий основатель Римской империи Октавиан, которого диктатор хотел назначить начальником конницы, был послан в Аполлонию будто бы изучать философию, а на деле — готовиться к походу³¹⁵. В Малую Азию переправили золото, которым собирались оплачивать расходы действующей армии³¹⁶, в фессалийской Деметрии заготовили много оружия³¹⁷. И, разумеется, было продумано, как управлять Римским государством, пока диктатор будет воевать³¹⁸.

Основательные приготовления красноречиво свидетельствуют о том, сколь серьезным противником считали римляне парфян³¹⁹. Но в марте 44 г. до н. э. Цезарь был убит, и поход не состоялся.

Весной 43 года до н. э. Гай Кассий Лонгин, получивший от Сената проконсульский империй над всеми восточными провинциями, все-таки сумел одолеть Цецилия Басса; при этом остававшиеся при Бассе парфянские конные лучники влились в его армию. Возможно, в 42 году до н. э. они участвовали в решающей битве римской гражданской войны, когда возле македонского города Филиппы сошлись войска, с одной стороны, республиканцев Марка Юния Брута и Гая

Кассия Лонгина, а с другой — цезарианцев во главе с Марком Антонием и Октавианом³²⁰.

После победы при Филиппах Антоний, считавший себя наследником планов Цезаря, вынашивал идею войны с парфянами³²¹. В конце лета 41 года до н. э. он находился в Тарсе, откуда отправился в Сирию, где назначил наместником Луция Децидия Саксу³²². Тот отправил римскую кавалерию на богатую Пальмиру, но ее жители, заранее узнавшие об нападении, успели бежать на парфянскую территорию и вскоре вернулись обратно, но уже вслед за парфянским войском³²³. Тут надо иметь в виду, что римское влияние в Сирии после поражения Красса в полной мере так и не восстановилось, и во многих сирийских городах правили тираны, которые были так или иначе связаны с Парфией. Попытки сместить их, как правило, приводили к тому, что они начинали искать защиты в Парфии, и это провоцировало вторжения парфян.

В следующем году, когда Антоний находился в Египте, парфяне вновь перешли Евфрат и вторглись в Сирию большими силами. Во главе парфянского войска были Пакор и Квинт Лабие³²⁴ — посол, которого накануне сражения при Филиппах Брут и Кассий отправили в Парфию просить о помощи³²⁵. Узнав о репрессиях, которыми победители подвергли побежденных, Лабие остался в Парфии. Собственно, именно он и уговорил Орода напасть на римские провинции в Сирии, пока Антоний предпочитает объятия Клеопатры государственным дел.

Нападение Пакора и Лабие на Апамею закончилось неудачей, но затем им сопутствовал успех. Дело в том, что многие близлежащие гарнизоны укомплектованы старыми солдатами Брута и Кассия, и они охотно переходили на сторону Лабие. Это предопределило дальнейшую судьбу Саксы. В решающем сражении он был легко разбит парфянской кавалерией, превосходящей верных ему солдат не только числом, но и боевыми качествами; при этом его люди продолжали перебегать к Лабие. Отчасти этому способствовали обращенные к ним послания, которые направлялись в римский лагерь привязанные к стрелам. Саксе не оставалось ничего, как, воспользовавшись ночной темнотой, бежать в Антиохию и без боя отдать противнику Апамею.

Монета с изображением Квинта Лабиена

На этом, однако, Лабиен и Пакор не успокоились и, разделив войско, пошли — первый на север в погоню за Саксой, а второй — на юг, в направлении Палестины. Лабиен выдавил Саксу из Антиохии и настиг его в Киликии. Оказавшись в безвыходном положении, Сакса сдался и был казнен. Лабиен же продолжил поход по Малой Азии и захватил почти все малоазийские города, почти не встретив сопротивления. Исключение составили Миласа, Алабанда и Стратоникея в Карики, причем знаменитый оратор и правитель Миласы Гибрей попал в число личных врагов Лабиена, поскольку, когда узнал, что тот выпустил монеты с надписью **LABIENVS PARTHICVS IMP (ERATOR)** («Лабиен парфянский император») ³²⁶, сказал: «А я провозглашаю себя карийским императором». Поэтому после захвата Миласа подверглась страшному разорению, и особенно досталось дому Гибрея, который, впрочем, успел сбежать на Родос³²⁷. Алабанда также вынуждена была открыть ворота. А вот Стратоникея выдержала долгую осаду, но так и не сдалась³²⁸. Позже Октавиан Август особо отметил Стратоникею за ее отпор парфянам³²⁹. Но это был частный случай.

В остальном дела Лабиена шли весьма успешно. По сути, он сделался властителем большей части Малой Азии, дойдя, возможно, до Лидии и Ионии, и даже стал собирать налоги с захваченной территории. Здешний наместник Луций Мунаций Планк бежал на острова³³⁰.

В это время Пакор, продвигавшийся по побережью, и один из его полководцев Барзафарн, шедший восточнее, через территорию, где стояли римские гарнизоны, встретились на юге. Некоторые города — например, Сидон и Птолемида — встречали их с почестями. Таким образом, ими была захвачена вся Сирия, за исключением Тира, взять который Пакор без поддержки с моря не сумел³³¹.

Не менее важные события происходили в Иудее, где закончилось владычество священнического рода хасмонеев. Иудейский царь и первосвященник Гиркан II правил только номинально. Реальная же власть находилась в руках Фазаеля и Ирода (будущего Ирода I Великого), сыновей Антипатра Идумейского, который проложил им дорогу к трону, когда во время борьбы Помпея с Цезарем оказался на стороне победителя и поставил царя под свой полный контроль. С этим никак не хотел согласиться племянник Гиркана Антигон, но все его попытки захватить власть — формальную у дяди и настоящую у сыновей Антипатра — терпели неудачу. В наступающих парфянах Антигон увидел свой шанс и предложил им за помощь 1000 талантов и 500 иудейских женщин. Поскольку он и раньше демонстрировал лояльность парфянам, Пакор решил помочь ему и направил в Иудею отряд всадников под командованием своего тезки виночерпия Пакора. Появление парфян привело к тому, что иудеи в массовом порядке стали переходить на службу к Антигону. В конце концов объединенное войско Антигона и парфян разбило неприятеля и пошло на Иерусалим.

Бывший в это время в городе автор апокрифической Книги Еноха выражал надежду на то, что Иерусалим станет препятствием для коней парфян и завоеватели начнут воевать между собой³³². Но надежде этой не суждено было сбыться. Виночерпий Пакор вошел в город с 500 всадниками, причем не как завоеватель, а как посредник между двумя группами иудеев. Состоялись переговоры, в результате которых Гиркан

и Фазаель отправились договариваться дальше к парфянскому военачальнику Барзафарну. Пока ничего не вызывало подозрений противников Антигона: чтобы их исключить, виночерпий оставил при Ироде в Иерусалиме 200 всадников и 10 «благородных» — представителей знати, служивших в армии в качестве катафрактов, отправив остальную кавалерию сопровождать Гиркана и Фазаеля. Барзафарн уважительно принял их и вместе с ними направился навстречу царевичу Пакору, но, когда они достигли Экдиппы на побережье, парфяне объявили Гиркана и Фазаеля пленниками.

Тем временем виночерпий Пакор решал сложную задачу пленения Ирода. Он пытался выманить его за пределы городских стен, но до Ирода уже дошло известие о том, что произошло с братом, и он не поддавался на обман. В конце концов он с большей частью своей семьи бежал ночью из города, отбился от погони и достиг крепости Масады у юго-западного побережья Мертвого моря. Парфяне же удовлетворились тем, что разграбили Иерусалим и его окрестности.

В результате всех этих событий Антигон стал царем в Иерусалиме, ненадолго восстановив фактическое правление Хасмонейской династии. Разумеется, что при этом он целиком и полностью зависел от парфян. Фазаель покончил с собой, а Гиркан был увезен в Парфию³³³. Антигон сам нанес Гиркану увечье — откусил ему уши, чтобы он, согласно иудейскому закону, не мог более претендовать на место первосвященника³³⁴.

Таким образом, практически все азиатские владения Рима перешли к Парфии или, во всяком случае, испытывали исходящую от нее угрозу. Парфянское влияние хорошо иллюстрируется поспешностью, с которой царь набатейских арабов Малику I подчинился требованию парфян изгнать Ирода со своей территории³³⁵. Марк Антоний знал об этом, но ничего не предпринял³³⁶, поскольку гражданская война в Италии продолжалась и ему было явно не до Nabatei. Впоследствии, когда Ирод стал иудейским царем, это стоило Малику больших денег, так как именно Ироду Клеопатра поручила взимать с набатейского царя дань, назначенную Антонием³³⁷.

Но уже в 39 году до н. э. Марк Антоний достаточно укрепился в Риме, чтобы думать о новой кампании против парфян³³⁸. С наступлением весны он отправил в Малую Азию Публия

Вентидия Басса³³⁹, который весьма неожиданно оказался перед Лабиеном. В силу ряда обстоятельств, в том числе, вероятно, и по причине уверенности, что римляне ничего ему смогут противопоставить, Лабиен имел под началом лишь небольшой отряд, набранный из местных жителей, — войско, с которым он совсем недавно осаждал малоазийские города, было рассредоточено, а его парфянские союзники ушли на свою территорию. Положение его оказалось таково, что он даже не смог вступить в битву и был вынужден бежать в Сирию.

Вентидий Басс пошел за ним. Причем и он, и Лабиен ожидали подкреплений, и эти подкрепления явились, по совпадению, в один и тот же день: к Бассу — тяжеловооруженные воины, к Лабиену — парфянская конница, которая сразу самоуверенно пошла в атаку, не согласовав свои действия с Лабиеном. Но коль скоро лагерь Вентидия находился на возвышенности, успеха парфянам достичь не удалось: римляне встретили их крутых склонах, где преимущества конницы оказались сведены на нет. Парфяне отступили, но римляне не дали им опомниться и внезапно атаковали. Удар легионов Вентидия Басса был столь силен, что парфяне побежали, а затем и вовсе ушли в Киликию, не сделав даже попытки соединиться с Лабиеном, которому в этой ситуации не оставалось ничего, как спасаться бегством. Однако перебежчики донесли о его планах Вентидию Бассу; на пути отряда Лабиена была устроена засада, и он был почти целиком разгромлен. Лабиену удалось уйти, но вскоре его все-таки пленили и казнили. Так закончилась жизнь «парфянского императора»³⁴⁰.

Вентидий на этом не остановился и очистил от парфян Киликию. Кроме того, он отправил Помпедия Силона во главе отряда всадников охранять Аманские Ворота на пути в Сирию³⁴¹. Но Помпедий не сумел выполнить поставленную задачу и был разбит парфянским военачальником Фарнапатом³⁴². Когда дело уже шло к полному уничтожению его отряда, прибыл с подкреплением Вентидий и кардинально изменил ход сражения. Почти все парфяне и их начальник Фарнапат погибли³⁴³.

Все это, надо полагать, способствовало тому, что в конце 39 года до н. э. Пакор ушел из Сирии. Военные действия тем не менее продолжались во многих местах. Особенно упорное

сопротивление римлянам оказывал остров Арадос. Вентидий дошел до Иерусалима и некоторое время стоял неподалеку от него лагерем, но осадить город не решился. Затем он пошел на север, где другие города, находившиеся в руках парфян, представились ему более легкой добычей, а у Иерусалима оставил отряд под командованием Силона³⁴⁴. Зимовать Вентидий ушел в Каппадокию³⁴⁵.

Ранней весной 38 года до н. э., когда Вентидий еще не был готов покинуть зимние квартиры, Пакор вернулся в Сирию³⁴⁶. Ситуация в очередной раз перевернулась: над римлянами нависла угроза восстания местных народов, которые со всей очевидностью предпочитали иметь дело с парфянской администрацией, а не с римскими наместниками, которые драли с них три шкуры³⁴⁷. Оказавшись в столь опасном положении, Вентидий решил действовать хитростью. Выяснив, что один из союзных римлянам местных правителей — Фарней³⁴⁸ из Киррестики — предательски сговорился с парфянами, Вентидий вместо того, чтобы его наказать, стал обращаться с ним так, будто полностью ему доверяет. Он принялся прикидывать при Фарнее различные варианты развития событий и говорил, что опасается такого варианта, какого на самом деле хотел больше всего. Фарней обо всем этом сообщал Пакору, и тот под влиянием этих сведений начал корректировать свои планы. Римляне, как он уверился, уповали на то, что парфяне пойдут через Зевгму по самому короткому пути, ибо тогда они смогут, расположившись на холмах, избежать обстрела парфянских лучников; если же он переправится через Евфрат ниже Зевгмы, то Вентидия ничего не спасет. Поэтому Пакор повел войска по длинному пути через Киррестику³⁴⁹, причем сорок дней у него отняло строительство моста через широкий в этом месте Евфрат.

Это дало возможность Вентидию лучше подготовиться к сражению и быть на месте будущей битвы за три дня³⁵⁰ до подхода парфян. Он разбил лагерь на возвышенности около Гиндара, немного западнее реки Хафрин, и не стал мешать переправе парфян через Евфрат. Из этого они сделали вывод, что у него слишком мало сил, и едва ли не с ходу парфянская кавалерия атаковала римский лагерь. Но встречным ударом она была отброшена к холмам, а затем большей частью унич-

тожена римскими тяжеловооруженными воинами и пращниками. Решающим фактором стала смерть Пакора, после чего в парфянском войске началась паника, приведшая к беспорядочному бегству³⁵¹.

Свою версию событий дает Юстин, который утверждает, что в атаку пошли легионы Вентидия, нанесли парфянам поражение и стали их преследовать. Но тут Пакор увидел, что римский лагерь остался без защиты и напал на него с отрядом, который был при нем. Но Пакор не учел, что у римлян имеются резервы; они вступили в дело и уничтожили отряд Пакора³⁵². Как бы то ни было, часть парфян погибла при обратной переправе через Евфрат, другие бежали к царю Коммагены Антиоху, тестю Орода³⁵³, который открыто встал на сторону парфян. Голову Пакора римляне провезли по всем мятежным городам Сирии, что, как утверждается, сильнее всего воздействовало на сторонников парфян и способствовало приведению их к покорности³⁵⁴.

Римляне, судя по всему, очень высоко ценили Пакора. Иначе трудно объяснить, почему они посчитали, что его убийством смыли позор поражения при Каррах³⁵⁵. Во всяком случае, они были уверены, что его смерть — это тяжелый удар по Парфии. Вероятно, так оно и было. Пакор был талантливым полководцем и энергичным правителем. Именно его усилиями, как утверждает Аммиан Марцеллин, Ктесифон стал лучшим образцом для «персидских» (то есть парфянских) городов, в него начался приток населения, а сам город был обнесен стенами и обрел греческое название³⁵⁶.

Можно сказать, что с гибелью Пакора парфяне упустили последний шанс добиться успеха в борьбе с Римом. Не встречая после этого препятствий, Вентидий подчинил всю Сирию и стал последовательно наказывать сторонников парфян. Не все, впрочем, в этом прошло гладко, и не по вине Вентидия. Царь Антиох был осажден в своей столице Самосате и, чтобы как-то выпутаться из этого положения, предложил римлянам выкуп в тысячу талантов. Но Марк Антоний, который к этому времени достиг театра военных действий и очень хотел урвать хотя бы немного славы, это предложение отверг. Он отставил Вентидия от командования и лично продолжил руководить осадой, надеясь взять Самосату, когда из Иудеи подойдет

Ирод с пехотой и конницей. Но на пути Ирода оказались парфяне, он задержался и прибыл на место, когда Антоний уже решил осаду снять, причем вместо обещанной Вентидию тысячи талантов он был рад получить от неуступчивого Антиоха хотя бы триста³⁵⁷.

Что касается Вентидия, то он вернулся в Рим и в ноябре 38 года до н. э. отпраздновал триумф³⁵⁸. Марку Антонию также был пожалован триумф, но так как он отсутствовал в Риме, празднование не состоялось.

В 37 году до н. э. Ирод, опираясь на помощь римлян, взял Иерусалим и стал царем иудеев. Антигон был пленен, доставлен в Антиохию и казнен здесь по приказу Антония. Вскоре после своего вступления на трон в 37 году до н. э. Ирод отправил к парфянам просьбу освободить бывшего первосвященника Гиркана, и парфянский царь Фраат IV, для которого Гиркан не представлял ни ценности, ни опасности, отпустил его в Иудею. Гиркан вернулся в Иерусалим, где прожил в почете до 30 года до н. э., когда дочь Александра, недовольная правлением Ирода, втянула его в направленные против царя тайные переговоры с набатейцами. Но Ирод заговор раскрыл, и Гиркан был казнен³⁵⁹.

Гибель Пакора, которому Ород намеревался передать царство, очень сильно повлияла на уже немолодого царя и, возможно, ослабила его ум. У него было тридцать сыновей, но тем сложнее оказалось выбрать нового преемника. Ород предпочел Фраата, старшего из тех³⁶⁰, кто имел право на трон Аршакидов. Как выяснилось впоследствии, он сделал крайне неудачный выбор.

Глава VI Антоний и Армения

Фраат IV стал наследником престола в конце 38 года до н. э.³⁶¹ и, не успев еще толком осмотреться в новом качестве, попытался отравить своего престарелого отца при помощи аконита³⁶². Но Ород II выжил, и тогда сын, уловив момент, задушил его³⁶³. Затем, чтобы исключить угрозу своей власти, он разделался со своими братьями как потенциальными претендентами на трон, а спустя еще какое-то время покончил с теми представителями парфянской знати, которые не успели бежать в отдаленные города и даже в другие земли. Кое-кто даже отправился к римлянам — среди них был знаменитый богач Монес, один из парфянских военачальников в только что закончившейся войне с Римом³⁶⁴. Явившись к Марку Антонию, Монес просил дать ему римских солдат, обещая без труда завоевать Парфию.

Марк Антоний в знак расположения отдал Монесу три города — Лариссу (Сизару), Аретусу (Рестан) и Иераполис (Манбидж)³⁶⁵ — и пообещал ему парфянский трон. Но видя, сколь удачно для Рима — при таком безумном правлении Фраата — складывается ситуация, Антоний и сам был не против

повоевать. Но действовать было решено обстоятельно, хорошо подготовившись. В рамках этой подготовки в конце 37 или в начале 36 года до н. э. Публий Канидий Красс силой вынудил стать римским союзником царя Армении Артавазда II, а затем разбил иберов и албанов, дабы во время будущей кампании они не могли напасть на римлян с тыла³⁶⁶.

С востока на Парфию алчно поглядывал гунн Чжи-чжи, чья столица находилась на реке Талас в Западном Туркестане. Он строил планы вторжения в Бактрию и Парфию, но они не осуществились³⁶⁷.

Пока римляне готовились к войне, Фраат сумел договориться с Монесом, и тот решил вернуться в Парфию. Антоний не только стал ему мешать, но и в какой-то мере способствовал его возвращению, полагая, что иначе может оттолкнуть лояльно настроенных к Риму парфян. Была у Антония и еще одна цель — усыпить бдительность Фраата. Поэтому вместе с Монесом в Парфию отправились послы, которые должны были передать Фраату, что Рим готов заключить мир при условии, что парфяне вернут знамена, захваченные у Красса, и тех его людей, которые еще живы³⁶⁸.

Приготовления к войне тем временем шли полным ходом. Самым важным было договориться с союзниками, чтобы они помогли кавалерией, с которой у римлян дело традиционно обстояло хуже, чем у парфян. Наибольшие надежды в этом смысле возлагались на царя Армении Артавазда³⁶⁹.

В конце апреля или первых числах мая³⁷⁰ Антоний повел войска к Евфрату и неожиданно для себя обнаружил, что парфяне готовы к вторжению. Но так как его планы были ближе скорее к планам Цезаря, который хотел идти на парфян через Армению³⁷¹, чем Красса, решающего значения это не имело. Антоний прошел через Зевгму, предположительно в Каране (Эрзуруме) встретил вспомогательные войска, пришедшие от северных союзников, и провел смотр армии³⁷².

Под началом Антония было около 100 тысяч человек — из них 60 тысяч легионеров в составе шестнадцати легионов, 10 тысяч иберийских и кельтских конников и 30 тысяч союзных воинов — как кавалеристов, так и легковооруженных солдат, в том числе 7 тысяч пехотинцев и 6 тысяч покрытых броней всадников Артавазда³⁷³.

Армянский царь предложил Антонию напасть на своего давнего врага Мидию Атропатену, правитель которой, также Артавазд, принял сторону парфян. Но проводник повел римлян из Зевгмы к границам Атропатены по пути вдвое большему, чем прямая дорога, и был уличен в пособничестве парфянам; позже подозрение в предательстве пало и на самого Артавазда³⁷⁴. Сложно сказать, имело ли все это под собой реальную почву; возможно, обвинения, брошенные проводнику и армянскому царю, связаны с желанием сделать их ответственными за понесенное поражение.

Чтобы ускорить наступление, Антоний оставил под охраной двух легионов, командовать которыми поручил Оппию Стациану, медленно идущий по бездорожью обоз и всех вьючных животных³⁷⁵. Были оставлены также осадные орудия, которые тащили за собой на 300 повозках из-за Евфрата, так как в Армении не росли подходящие для их сооружения деревья. Направляясь к столице Мидии Атропатены Фрааспе (Тахти-Сулейман) ³⁷⁶, Антоний взял с собой только кавалерию и лучшие пехотные части. Фрааспа была осаждена, но за неимением осадных башен, застрявших где-то в пути, Антонию пришлось строить огромные насыпи³⁷⁷.

Фраат понимал, что осада хорошо укрепленной, с сильным гарнизоном Фрааспы задержит Антония, и поэтому предпочел вместо того, чтобы идти на помощь городу, напасть на обоз. Многие римляне, бывшие при обозе, в том числе и Стациан, были убиты³⁷⁸, многие взяты в плен, а осадные машины и прочее имущество уничтожено. Среди захваченных парфянами в плен оказался царь Понта Полемон. Антоний, получивший известие об этом нападении и поспешивший на помощь Стациану, нашел только трупы. Считается, что именно гибель обоза стала главной причиной неудачи римского вторжения.

То ли накануне этого сражения, то ли сразу после него, потеряв надежду на победу римлян, их покинул Артавазд³⁷⁹, уведший с собой, помимо собственных войск, еще и некоторых других союзников общей численностью 16 тысяч человек.

Таким образом, Антоний попал в весьма трудное положение. Вскоре его армия стала испытывать нехватку самого необходимого. Пришлось отправлять отряды по округе в поис-

Монета с изображением Фраата IV

ках еды, но эти отряды, если были маленькими, становились легкой добычей парфян, а если многочисленные, хорошо вооруженные и достаточно боеспособные, то это ослабляло осаду, чем пользовались защитники Фрааспы, которые совершали вылазки и уничтожали осадные сооружения. При этом легионеры несли тяжелые потери от парфянских стрел. После одной из стычек, в которой принял участие большой отряд римских фуражиров и вроде бы была одержана победа, римляне были изумлены, подсчитав, что убили всего восемьдесят парфян, тогда как их собственные поражения оборачивались куда большими потерями³⁸⁰.

Римляне начали падать духом. Дошло до того, что во время одной из вылазок горожане обратили в бегство солдат, находившихся на насыпи. Антоний наказал трусов, прибегнув к децимации, то есть казнил каждого десятого. Остальным был выдан в качестве пайка ячмень вместо обычной пшеницы³⁸¹.

Приближалась зима, и обе стороны все больше обозначали желание прекратить войну. На римскую армию надвигался голод, что в зимнее время грозило двойными трудностями. Фра-

ат же не хотел воевать зимой, поскольку парфяне не имели к этому привычки, — он опасался, что его солдаты попросту разбегутся. Антоний инициировал переговоры, предприняв попытку получить знамена Красса и захваченных парфянами пленников, но парфяне оказались несговорчивы, и он вынужден был снять осаду и уйти от Фрааспы.

Парфяне предполагали, что римляне пойдут назад той же дорогой, что и пришли, и устроили на ней засады, но мард^{*382}, симпатизировавший римлянам, предложил Антонию провести его армию по холмам, где было больше шансов избежать нападения конных лучников. К тому же этот путь был короче, и на нем легче было добыть пищу, так как он пролегал через деревни. Антоний доверился марду, и два дня, не испытывая никаких проблем, шел по указанной им дороге. Но на третий день, когда римляне, ослабив бдительность, двигались открытым походным порядком, они неожиданно уперлись в место, где дорога была затоплена из-за разрушенной плотины. Недавно сделанный пролом в плотине говорил о том, что это сделано специально. Антоний отдал приказ построиться в боевой порядок, и едва только это произошло, как появилась парфянская кавалерия, атаку которой римляне отбили с большим трудом.

Чтобы иметь возможность двигаться вперед, пусть и медленно, Антоний построил своих солдат прямоугольником, отрядив на фланги для прикрытия пращников и копейщиков, а коннице поставил задачу отвечать на парфянские атаки контратаками³⁸³. На пятый день такого марша один из командиров, известный своей храбростью Флавий Галл, предложил Антонию, как ему казалось, многообещающий план. Когда парфяне пошли в очередную атаку, он вместо того чтобы, как обычно, отвести легковооруженных солдат внутрь прямоугольника под защиту тяжелой пехоты, как поступали римляне все последние дни, бросился с ними на врага. Галл рассчитывал внезапным ударом нанести парфянам значительный урон, но план его не сработал. Парфяне быстро опомнились, вскоре окружили его солдат, и Галл вынужден был просить о помощи. Но несколько посланных к нему отрядов были из-

* Племя мардов обитало в Южной Армении.

рублены парфянами в клочья. Гибель отряда Галла казалась делом времени, и хуже того, смятение охватило все римское войско. Часть его уже устремилась в беспорядочное бегство, когда сам Антоний ринулся в бой во главе Третьего легиона, проложил себе путь через поток бегущих римлян и отбросил парфян, уже готовых торжествовать полную победу.

В этом сражении погибли около 3 тысяч римлян, еще 5 тысяч были ранены, в том числе Галл, грудь которого пробили четыре стрелы; вскоре он умер³⁸⁴. На следующий день парфяне, полагая, что дух римлян сломлен и пора с ними покончить, пошли в новую атаку. Легионы встретили их, построившись «черепахой»³⁸⁵. При этом построении, служащем надежной защитой от стрел, щитоносцы опускаются на одно колено и выставляют перед собой щиты, за которыми укрываются другие воины. Парфяне, видя римлян, преклоняющих колена, вообразили, что те готовы сдаться. Но как только они приблизились к черепахе, она раскрылась, и legionеры бросились из-за щитов им навстречу, разя мечами тех, кто оказался в первых рядах, и заставляя бежать других.

Утомительное отступление римлян продолжилось. Солдаты были ослаблены из-за голода, который выступал союзником парфян. Не имея возможности печь хлеб, римляне жевали сухое зерно, которого, впрочем, было мало, и пытались употреблять в пищу попадавшиеся на пути дикие растения, от чего многие болели.

В какой-то момент, когда, как показалось, натиск парфянской армии несколько ослаб, Антоний решил пойти равнинной местностью, так как узнал, что холмы впереди слишком круты и, главное, безводны. Но тут в римский лагерь явился человек по имени Митридат, назвавшийся двоюродным братом Монеса, попросил, чтобы к нему вышел переводчик, знающий язык парфян, и сообщил через него, что на равнине римлян поджидает парфянское войско; следовательно, если Антоний покинет холмы, его постигнет судьба Красса. Если же он пойдет по холмам, то в конце концов выйдет к реке с хорошей водой, за которой парфяне вряд ли станут его преследовать. Слова Митридата вызвали доверие, и Антоний решил и дальше идти трудным холмистым путем; мард-проводник утверждал, что безводную местность можно преодолеть за

сутки марша. В качестве награды Митридат получил столько золотых сосудов, сколько смог спрятать под своей одеждой, и ускакал.

Воинам был отдан приказ наполнить водой все имеющиеся сосуды; некоторые даже наполнили шлемы. Ночью римляне свернули лагерь, но скрыть от парфян свой уход им не удалось. Понимая, что противник может ускользнуть, парфяне, обычно воюющие только при свете дня, пошли в прямом смысле вплотную за легионами и на рассвете атаковали римский арьергард. Но это было все, на что они оказались способны.

Куда больший урон римские солдаты в этот день нанесли себе сами. Измученные жаждой, они стали отбирать воду друг у друга, и вскоре армия Антония превратилась в неуправляемую толпу. Солдаты посмели даже наброситься на носильщиков багажа своего командующего. В сумятице многие думали, что это напали враги. О том, насколько все было серьезно, говорит клятва, взятая Антонием с одного из своих телохранителей, что он убьет его, как только последует приказ.

Вскоре, правда, он понял, что причина происходящего не в нападении парфян, а в безобразном поведении собственных солдат. Антоний объявил привал и чуть ли не силой, благодаря сохранившим холодный рассудок командирам, навел хотя бы подобие порядка. И вовремя, поскольку парфяне и в самом деле атаковали. Римляне построили «черепаху» и постепенно двинулись в сторону спасительной реки, которая, как выяснилось, оказалась совсем близко. Сначала переправили раненых, последней на противоположный берег перебралась кавалерия, прикрывавшая отступление.

Как и говорил Митридат, парфяне прекратили преследование, и через шесть дней римляне обычным походным порядком дошли до границы между Мидией и Арменией на реке Аракс. Прошло 27 дней после их ухода от стен Фрааспы³⁸⁶.

Отступая, римляне выдержали восемнадцать оборонительных боев. Марк Антоний сумел спасти свою армию от полного уничтожения, но потерял около 35 тысяч человек³⁸⁷. Фраат в честь победы перечеканил захваченные тетрадрахмы Антония и Клеопатры³⁸⁸.

Антоний считал Артавазда II, чей уход в значительной степени predetermined несчастье его армии, предателем, но,

оказавшись в Армении в зависимом от армянского царя положении, обращался с ним с подчеркнутым дружелюбием. Впрочем, это означало только то, что он согласен был дожидаться более удобного случая, чтобы его наказать.

Из Армении, получив от Артавазда необходимое снаряжение и продовольствие, Антоний быстрым маршем, несмотря на суровую зиму, пошел к сирийскому побережью, где между Бейрутом и Сидоном в местности Левка Кома («Белая деревня») дождался прибытия Клеопатры, которая привезла деньги для выплаты жалованья солдатам. Денег, впрочем, оказалось недостаточно, и Антоний добавил свои и залез в карманы союзников³⁸⁹. Затем Антоний и Клеопатра отправились в Александрию, где провели зиму. Там Антоний получил известие, что Фраат IV и царь Мидии Атропатены Артавазд поссорились, не сумев поделить добычу, захваченную у римлян. В результате Артавазд, испугавшись, что Фраат лишит его трона, обратился к Антонию с предложением заключить союз против Парфии, а заодно и против своего давнего врага армянского Артавазда, причем послом к нему он отправил плененного во время недавней войны царя Понта Полемона³⁹⁰. Антоний счел это предложение весьма выгодным для себя и позже отблагодарил Полемона за посредничество, включив в состав его царства Малую Армению.

Нового союзника Антоний тут же включил в свои планы, задумав идти весной на Парфию через Мидию Атропатену, встретившись с мидийским Артаваздом у Аракса. Он уже отправился в поход, но с полпути вернулся в Александрию, дабы успокоить ревнивую Клеопатру, когда узнал, что его законная жена Октавия направляется к нему из Рима. Царю Мидии Атропатены он написал письмо, попросив его подождать до следующей весны³⁹¹.

При этом была сделана попытка выманить в Египет армянского Артавазда, но тот на уловку не поддался. Тогда Антоний затеял сложную комбинацию, отправив в Армению офицера Квинта Деллия с поручением договориться о выдаче одной из дочерей армянского монарха за их общего с Клеопатрой сына. Переговоры, судя по всему, окончились неудачей, и ранней весной 34 года до н. э. Антоний отправился в Армению сам. Поскольку он ехал через Палестину, его некоторое время

сопровождал Ирод; Клеопатра провожала его до Евфрата³⁹². Не пересекая границы Армении, Антоний предложил Артавазду личную встречу, но армянский царь, подозревая, что ничем хорошим для него это не кончится, отказался, и тогда Антоний двинулся к столице Армении Артаксате. После этого Артавазду уже ничего не оставалось, как явиться в лагерь Антония, где он был арестован и посажен на цепь. Есть предположение, что это связано было не только с поведением Артавазда во время парфянского похода, но и с тем, что Артавазд против Антония во внутриримских разборках хотел использовать Октавиан³⁹³.

После этого Антоний без особого труда одолел старшего сына царя Артакса, разграбил Артаксату, захватив богатую добычу, и оккупировал остальную Армению. Артаксу же пришлось бежать к Фраату. Разместив в Армении римские гарнизоны, Антоний вернулся в Египет, прихватив с собой Артавазда и почти все его семейство. Артавазд был проведен в триумфальном шествии Антония, а спустя три года был казнен³⁹⁴.

В 33 году до н. э, провозгласив сыновей, которых Клеопатра родила от него, царями царей и назначив Александру Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею — Финикию, Сирию и Киликию³⁹⁵, Антоний отправился в новый поход. Он дошел до Аракса и заключил с мидийским Артаваздом союз против Октавиана и парфян. При этом царь Мидии Атропатены получил часть армянской территории, и было достигнуто соглашение о браке его дочери Иотапы и сына Антония. Кроме того, Антоний добился возвращения знамен легионов Стациана.

Вслед за этим, опираясь на помощь римлян, Артавазд разбил парфянское войско, данное Фраатом Артаксу, дабы он мог вернуть свое царство. Правда, чуть позже, когда римские войска ушли, Артавазд потерпел разгромное поражение и бежал под защиту римлян, потеряв разом Армению, куда возвратился Артакс, и Мидию, которая отошла к Фраату. Все римляне, которые по тем или иным причинам оставались на этих территориях, был убиты³⁹⁶.

Забегая вперед, скажем, что царем Артакс оказался не самым популярным. Недовольство армян его правлением было

настолько велико, что около 20 года до н. э. они стали просить римлян отпустить брата Артакса Тиграна, дабы тот занял трон. Октавиан Август не только отпустил Тиграна, но и послал против Артакса армию под командованием своего пасынка Тиберия. Однако еще до подхода Тиберия Артакс был убит, и Тигран без помощи римлян сумел занять армянский трон, став на нем третьим по счету Тиграном. Создается впечатление, что таким образом был восстановлен контроль Рима над Арменией, но есть косвенные данные, что Тигран спустя некоторое время подпал под парфянское влияние³⁹⁷.

Впрочем, Парфия уже переживала не лучшие времена. Вскоре после победы над мидийским Артаваздом в Парфии началась давно назревавшая борьба за власть, и около 31 года до н. э. некто Тиридат открыто возглавил мятеж парфянской знати³⁹⁸. Среди греческих надписей в Сузах есть одна сильно поврежденная, которая, по предположению Ф. Кюмона, упоминает именно Тиридата, покрывшего себя славой победой над Антонием; таким образом, можно сделать вывод, что Тиридат был одним из парфянских военачальников³⁹⁹. И Тиридат, и Фраат пытались привлечь на свою сторону Октавиана, но тому, занятому войной с Антонием, было не до парфян. А к тому времени, когда Антоний и Клеопатра потерпели поражение в битве при Акциуме в 31 году до н. э. и покончили с собой, чтобы не участвовать в триумфе Октавиана, Тиридат уже сверг Фраата, который бежал к «скифам».

Но уже через год Фраат и его «скифские» союзники изгнали Тиридата из Парфии. Фраат водворился на престоле, а Тиридат сбежал в Сирию, где Октавиан позволил ему поселиться⁴⁰⁰. При этом Тиридат сумел выкрасть младшего сына Фраата и увез его с собой в Сирию. Фраат, в свою очередь, отправил посольство к Октавиану с просьбой вернуть сына и выдать Тиридата. Но Октавиан сделать это не спешил и, отправившись в Рим, забрал с собой как Тиридата, так и сына парфянского царя. В конце концов Фраату было выдвинуто условие об обмене сына на римские боевые знамена, захваченные у Красса. Мальчик вскоре был возвращен, но знамена вернулись в Рим спустя годы.

Весной 26 года до н. э. Тиридат сделал попытку вернуться в Парфию. Он пошел вдоль Евфрата и двигался, вероятно,

Римская монета с парфянином, возвращающим знамя

так быстро, что Фраат не успел вывезти гарем и убил своих жен, дабы они не достались врагу⁴⁰¹. Тиридат снова захватил власть, но правление его, судя по тому, что единственные его монеты этого периода датированы маем 26 года до н. э., было коротким. Возможно, впрочем, что именно в это время он успел выпустить и монеты с надписью *φιλορωμαίο* («любящий римлян») ⁴⁰². Вскоре, если верить сообщению Юстина⁴⁰³, он вновь сбежал к Октавиану, который был в Испании.

Последние сведения о неугомонном Тиридате относятся к марту 25 года до н. э., когда он занял Селевкию и чеканил монеты на здешнем монетном дворе. Но уже к маю там чеканились монеты Фраата. Более Тиридат нигде не упоминается. На основании текста надписи, найденной в Спалато, предполагается, что у Тиридата был сын — римский гражданин Гай Юлий Тиридат, который погиб, командуя парфянским вспомогательным соединением в составе римской армии⁴⁰⁴.

Что касается Октавиана, то война на Востоке, несомненно, входила в его планы — хотя бы уже потому, что слишком чувствительны были римские поражения в предыдущих стол-

кновениях с парфянами⁴⁰⁵. В во время кампании, которую он планировал, по крайней мере часть войск должна была следовать по маршруту Антония. Но мечты Октавиана уводили его значительно дальше границ Парфии — в Бактрию и Индию. Римские агенты (сохранилось имя одного из них — Ликот), вероятно, не раз побывали в этих странах⁴⁰⁶.

Борьба за трон в Парфии предоставила римлянам шанс воспользоваться слабостью своего самого сильного соперника, но Октавиан предпочел сохранить нейтралитет. По-видимому, он не хотел ввязываться в парфянские дела без должной подготовки. В конце 20-х годов до н. э. он отправил в Сирию крупную армию во главе с Тиберием, но и это, судя по всему, было только демонстрацией силы, поскольку римляне отказались от войны в обмен на то, чего они так долго добивались, — возвращение знамен армии Красса и пленных. Переживающая смуту Парфия согласилась на это без споров.

Знаменательное событие произошло 12 мая 20 года до н. э.⁴⁰⁷ Принять знамена и пленных послан был Тиберий⁴⁰⁸. Значительность этого события в глазах современников невозможно переоценить. О нем имеются многочисленные литературные упоминания. Октавиан счел необходимым сказать о нем в своей автобиографии, скопированной в Monumentum Ancyranum*. Возвращение знамен запечатлено на монетах, которые чеканились на императорском и сенатском монетных дворах, а также в Азии и Испании. В Риме по этому случаю возвели триумфальную арку⁴⁰⁹. Знамена пронесли под нею и в конце концов поместили в храм Марса Ультора⁴¹⁰.

В Парфии возвращение знамен, которые считались важнейшим трофеем и свидетельством славы парфян, еще больше увеличило недовольство правлением Фраата, под которым и без того время от времени качался трон. Над страной постоянно витала тень смуты, и это делало ее крайне уязвимой. Сильная власть в Парфии ушла в прошлое, империя Аршакидов постепенно скатывалась к хаосу.

* Анкирский памятник (*лат.*) — надпись-билингва начала I века н. э., вырезанная на стенах храма Августа и Рима в городе Анкира (современная Анкара).

Глава VII Спор за Евфрат

В том же 20 году до н. э., вскоре после того, как Парфия выдала знамена и пленников, Октавиан отправил подарок Фраату IV — итальяскую девушку-рабыню по имени Муза, которую парфянский царь сделал наложницей. Если написанный по-гречески пергамент, обнаруженный в Авромане, датировать по селевкидской эре, то у Фраата в это время было по меньшей мере четыре царицы — Оленнеейра, Клеопатра, Басейрта и Бисфейбанапс⁴¹¹. Муза родила Фраату сына, который получил имя отца, но больше известен под уменьшительным именем Фраатак. После этого положение Музы изменилось — из наложницы она стала царицей.

К 10 году до н. э. Фраатак достиг возраста, в котором мог претендовать на престол, и Муза убедила царя расчистить для него путь к правлению, отправив старших сыновей от других жен в Рим. Четверо сыновей — Сераспадан, Фраат, Родасп и Вонон, — а также жены двоих из них и четверо их сыновей⁴¹² были переданы Фраатом тогдашнему наместнику Сирии Марку Тицию⁴¹³. Опасение, что между сыновьями начнется борьба за власть, выросло не на пустом месте. Иосиф Флавий упоми-

нает парфянского царя по имени Митридат, который находился у власти в какой-то период между 12 и 9 годами до н. э., одновременно с Фраатом, но будучи к нему в оппозиции, то есть, возможно, отхватив у него какую-то часть территории⁴¹⁴. С этим Митридатом, надо полагать, был связан богатый землевладелец, вавилонский иудей Замарис, который с сотней родственников и вооруженным на свои средства отрядом из пятиста всадников бежал из Парфии в Антиохию, где был принят наместником Сирии Гаем Сентием Сатурнином⁴¹⁵. В любом случае отправить сыновей в Рим было не худшим решением. Римляне с ними обращались весьма уважительно, с учетом их статуса; один из них, Фраат, построил храм в Неме, посвященный, очевидно, богине Изиде⁴¹⁶.

В конце I века до н. э. римляне вновь вторглись в Армению, поскольку после смерти Тиграна III, случившейся в конце 7 года до н. э., престол заняли нежелательные для них его дети — Тигран IV и его сестра-жена Эрато⁴¹⁷. Экспедицию, призванную сделать царем римского кандидата Артавазда (возможно, брата Тиграна III), вновь было поручено возглавить Тиберию⁴¹⁸, однако он задержался на Родосе, и дело решилось без него⁴¹⁹. Тигран и Эрато были низложены, и по меньшей мере на три года воцарился Артавазд III.

Тем временем Муза шаг за шагом устраняла препятствия перед Фраатаком на пути к трону. Последний шаг был сделан во 2 году до н. э., когда был отравлен Фраат, который, несмотря на преклонный возраст, не хотел уходить в мир иной самостоятельно⁴²⁰. Фраатак, он же Фраат V, вступил на престол в непростой момент. Было беспокойно в Армении, где римского ставленника Артавазда III не приняла местная знать. Парфия, традиционно вовлеченная в армянские дела, не могла остаться в стороне, и приняла участие в его свержении. Таким образом, около 1 года до н. э. Тигран и Эрато вновь получили власть⁴²¹. Рим этого потерпеть не мог, если, конечно, хотел сохранить свое влияние в Армении. Восстанавливать римский престиж было отправлено быстро собранное войско, командовать которым Октавиан Август поручил внуку Гаю.

Когда в Парфии узнали о приближении Гая, Фраатак отправил посольство к Октавиану, чтобы выяснить намерения римлян; кроме того, он просил вернуть братьев — вероятно,

Монета с изображением Фраата V
Монета с изображением Музы

ему спокойнее было бы держать их при себе, нежели думать, что римляне при желании могут превратить любого из них в претендента на парфянский престол. Ответное послание, в котором он назывался не Фраатом, а Фраатаком, содержало ультимативное требование уйти из Армении и отказаться от царского титула⁴²². Фраат ответил не менее резко. В свою очередь, Тигран IV, из-за которого заварилась вся каша, понимая, что у него нет достаточных сил для защиты от римлян и участь его будет незавидна, сделал попытку заключить мир с Октавианом и был переадресован к Гаю. Трудно сказать, каково могло быть при таком раскладе сил соглашение, но почти сразу после этого Тигран погиб в стычке с аланами, а Эрато отреклась от престола.

В известном смысле происшедшее облегчило римско-парфянские переговоры, которые состоялись на острове посреди Евфрата, причем на одной стороне реки в это время стояла армия Гая, а на другой — Фраата V. Позже Гай и Фраат обедали сначала на римской стороне, потом на парфянской, тем самым в типично восточном духе демонстрируя друг дру-

гу честные намерения. Римский историк Веллей Патеркул, бывший трибуном при Гае, описывает Фраата как «юношу выдающегося положения»⁴²³. Предложенные Фраатом условия мира устроили римлян, которые получили то, ради чего, собственно, затеяли поход: Фраат отказался от претензий на Армению. Что же касается братьев Фраата, то они остались в Риме⁴²⁴.

Вернувшись из похода, Фраат V женился на своей матери Музе. Это событие, датируемое 2 годом н. э.⁴²⁵, привело в ужас греков и римлян⁴²⁶. Но подобные браки были в обычае среди зороастрийских магов. Тут необходимо заметить, что зороастрийский культ претерпевал в это время изменения: то, что прежде было характерно только для жреческой верхушки, воспринималось всем населением. Так, например, тела теперь не хоронили, а оставляли разлагаться под открытым небом, затем собирали кости и помещали их в скальные ниши⁴²⁷.

Гай же, заключив соглашения с Фраатом, пошел в Армению, где посадил на трон Ариобарзана, сына мидийского царя Артабаза. Но против Ариобарзана тут же, еще когда Гай был в Армении, поднялось восстание, и римский военачальник применил силу. Он осадил крепость Артагиру⁴²⁸, в которой засел Аддуй — скорее всего, сатрап, поставленный парфянским царем, но не пожелавший признать соглашение с римлянами. В конце концов 9 сентября 3 года н. э. стороны сели за стол переговоров, во время которых Аддуй пообещал показать, где спрятаны некие сокровища, и подсунул Гаю их список, а когда римский военачальник углубился в его изучение, нанес удар мечом. Римляне захватили крепость, но Гай так и не сумел оправиться от раны и умер в следующем году от ее последствий⁴²⁹.

Ариобарзан просидел на армянском троне не больше года — в дело вмешались естественные причины, над которыми римляне были не властны. Когда он умер, царем стал его сын Артавазд. Но, как бы то ни было, Армению римлянам удалось подчинить⁴³⁰. Правда, есть указания на то, что Август подумывал о расширении границ империи за пределы Евфрата⁴³¹ и все действия римлян в Армении лишь предваряли задуманное ими нападение на Парфию, которое не состоялось из-за смерти Гая⁴³².

Фраат V после женитьбы на матери тоже недолго находился у власти⁴³³. Около 4 года н. э.⁴³⁴ он был свергнут и, возможно, убит или же изгнан в Сирию, где вскоре умер⁴³⁵. Разделавшись с Фраатом, парфянские вельможи отправили делегацию к царевичу Ороду, принадлежавшему к аршакидской династии, но быстро об этом пожалели. Ород III, заняв трон, стал демонстрировать неимоверную жестокость, в том числе и в отношении тех, кто позвал его царствовать. Это привело к новому заговору, и около 6 года н. э.⁴³⁶ Ород был убит — то ли на празднике, прямо за столом, то ли во время охоты⁴³⁷.

После этого парфяне отправили посольство в Рим с просьбой отпустить одного из бывших там сыновей Фраата IV. Октавиан провел с ними переговоры, но для окончательного решения вопроса переадресовал их к Тиберию, который занимался в это время усмирением взбунтовавшихся германских племен⁴³⁸. Пришлось послам ехать в Германию. Впрочем, их труды не пропали даром: старшему из сыновей Фраата IV — Вонону — римляне позволили вернуться⁴³⁹.

Но и Вонон, приобретший за время долгого пребывания в Риме тамошние привычки да еще и притащивший за собой римских друзей, разочаровал парфян. Он не любил охоту, без которой не мыслила себя парфянская знать, не интересовался лошадьми, что в глазах парфян маркировало его как чужака, был равнодушен к местным праздникам, но при этом общался со своим окружением в свободной манере — словом, был весьма далек от традиционного образа восточного владыки. Все это раздражало вельмож и привело их к мысли призвать в цари еще одного представителя династии Аршакидов, имевшего также родственные связи с саками, — Артабана III, который был в это время царем Мидии Атропатены⁴⁴⁰. Артабан с охотой принял приглашение, но первая его попытка занять парфянский трон, предпринятая в 9/10 году, не удалась. Вонон с верными ему армейскими частями наголову разбил мидийское войско, и Артабану пришлось бежать в горы, где он мог сколько угодно держать оборону в неприступных крепостях. Вонон вообразил, что на этом мятеж подавлен, и надчеканил старые тетрадрахмы Музы и Фраатака изображением крылатой Победы, несущей пальмовую ветвь, которое симво-

лизировало его победу, а чуть позже выпустил драхмы с надписью: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΝΟΩΝΗΣ ΝΕΙΚΗΣΑΣ ΑΡΤΑΒΑΝΟΝ («Царь Вонон, побеждающий Артабана») ⁴⁴¹. Но торжество его оказалось преждевременным, так как Артабан набрал новое войско и вновь явился в Парфию. На этот раз удача оказалась на стороне мидийца, и побежденный Вонон бежал в Селевкию. Артабан же вошел в Ктесифон и около 12 года н. э. ⁴⁴² был провозглашен царем.

Но и Вонон не остался без царства: из Селевкии он отправился в Армению, в очередной раз лишившуюся царя — Артавазд, сын Ариобарзана, был убит, а Тигран, внук царя Ирода Великого, прибывший по решению Октавиана Августа ему на смену, не устроил армян и был свергнут ⁴⁴³. Вонон оказался вовремя в нужном месте и без особого труда сел на армянский трон. Но Артабану III не хотелось иметь под боком правителя, который имел вполне понятные причины его ненавидеть, он устал угрожать Армении войной, и в конце концов в 15 или 16 году н. э. ⁴⁴⁴ Вонон счел за благо отречься от престола. Прихватив с собой изрядные богатства, он отправился под защиту легата пропретора* Сирии Кретики Силана ⁴⁴⁵, который позволил ему поселиться в Антиохии и сохранить царский титул, однако же учредил за ним строгий присмотр.

В 14 году н. э., незадолго до отречения Вонона, умер Октавиан Август, и императором стал Тиберий. Довольно скоро ему пришлось вплотную заняться Парфией и Арменией, поскольку пришло известие, что Артабан III задумал прибрать к рукам армянский трон и посадить на него своего сына Орода. Для Рима такое усиление Парфии было неприемлемо. В 18 году н. э. Тиберий отправил в Армению своего приемного сына Германика, наделив его чрезвычайными полномочиями ⁴⁴⁶. По прибытии в Артаксату, Германик обнаружил, что Армения, со времени отъезда Вонона остающаяся без царя, склоняется в сторону сына понтийского царя Полемона Зенона, который вырос здесь и усвоил обычаи и образ жизни армян. Кандидатура Зенона устроила римлян, и Германик короновал его при большом стечении народа, причем присутствующие, величая

* Официальный титул наместника некоторых провинций Римской империи в эпоху принципата.

царя, называли его Артаксием (Арташесом) по названию своей столицы⁴⁴⁷. Это имя и закрепилось за ним.

Из Армении Германик отправился в Сирию и здесь принял послов Артабана III. Парфянский царь, видимо, смирившись с тем, что его армянский проект не может быть осуществлен, предложил возобновить договор, заключенный Гаем и Фраатом V, и выразил готовность ради этого прибыть на границу, к Евфрату, где традиционно встречались для переговоров римляне и парфяне. Кроме того, Артабан просил, чтобы Вонона перевели на жительство подальше от Антиохии, поскольку он, пользуясь близостью границы, сеет среди парфян смуту. Германик ответил в тоне весьма уважительном, однако даже не упомянул о встрече, предложенной парфянским царем, которая, вероятно, не состоялась. Что же до Вонона, то он исполнил просьбу Артабана, переведя его в город Помпейополис в Киликии⁴⁴⁸. В это же время Германик отправил посольство в Месену, которая еще недавно находилась в вассальной зависимости от Парфии. Это говорит о том, что Месена, вероятно, обрела независимость, и это не кажется удивительным, если иметь в виду чехарду на парфянском престоле⁴⁴⁹.

В 19 году н. э. Вонон, которому не нравилось пребывать в золотой клетке, подкупил стражу и с ее помощью попытался бежать во время охоты. Но добравшись до реки Пирам, он обнаружил, что мост разрушен, — и здесь его настигли. Его снова заключили под стражу, и почти сразу после этого он был убит начальником охраны Реммием. Есть основания полагать, что Реммий был причастен к побегу и опасался разоблачения⁴⁵⁰.

После этого в течение десяти лет на Востоке воцарилось спокойствие и не происходило никаких значимых событий. Более того, между 19 и 32 годами лишь однажды, и то на короткий срок, в Сирию назначался римский наместник. В остальное время должность наместника Сирии Тиберий держал вакантной, что, кстати, позднее, когда парфяне беспрепятственно вошли в Армению, поставили ему в вину⁴⁵¹.

Отсутствие военной активности привело к тому, что у нас почти нет сведений об этом периоде⁴⁵². Упоминания заслуживает лишь послание, адресованное Артабаном в декабре 21 года городу Сузы, — единственный дошедший до нас царский документ аршакидского периода⁴⁵³.

Пользуясь затишьем на границах, Артабан приступил к усилению своей власти. Причем использовались самые разные методы. Иосиф Флавий в подробностях сообщает о двух братьях-иудеях, Анилее и Азинее, которые собрали в Северной Вавилонии самое настоящее разбойничье войско и даже нанесли поражение парфянскому сатрапу. Артабан справился с ситуацией просто — пригласил братьев к себе на службу и назначил их управлять областью, которой они, по сути, и так управляли⁴⁵⁴. Эта схема отлично работала в течение пятнадцати лет, пока не разразилось восстание в Селевкии.

После смерти в Армении царя Артаксия (Арташеса) III, до вступления на престол звавшегося Зеноном, Артабан III соблазнился возникшим шансом и сделал армянским царем старшего сына, известного нам как Аршак⁴⁵⁵. При этом, словно позабыв о прежних своих мирных устремлениях, он в оскорбительном тоне требовал, чтобы Тиберий отдал сокровища, вывезенные Вононом в Сирию и Киликию, в противном случае угрожая захватить все те земли, которыми раньше владели Ахемениды и Селевкиды⁴⁵⁶.

Артабан правил долго, из чего можно сделать вывод, что ему удалось приструнить аристократию и восстановить вертикаль власти в стране. Знать этим, разумеется, была недовольна и, как могла, противодействовала усилиям царя. Поначалу она больше роптала, не решаясь на открытое сопротивление, но после того, как дипломатические успехи в Армении окончательно уверили Артабана в собственном могуществе и он почти перестал считаться со своими вельможами, некоторые из них решили действовать. Двое видных представителей знати, Синнак и евнух Абд, тайно посетили Рим, где уговаривали римлян вмешаться в парфянские дела. Из их слов следовало, что стоит наследному парфянскому принцу появиться на границе Парфии, как все парфяне тут же признают его своим царем. Тиберий поддался на эти речи и отправил в Сирию Фраата, последнего и самого младшего из сыновей Фраата IV, который прожил в Риме чуть ли не полвека и уже находился в летах. Но едва доехав до Сирии, Фраат умер — возможно, сказались возраст и тяготы путешествия, но не исключено, что жизнь его прервалась насильственно, как это часто случалось с претендентами на престол, особенно если на престоле сидел

Монета с изображением Артабана III

такой человек, как Артабан. Парфянский царь не церемонился со своими противниками: так, узнав о поездке Синнака и Абда к Тиберию, он приказал отравить Абда, а Синнака оставил в живых лишь только из внутривполитических соображений, но предъявил ему множество претензий, которые создали хорошую почву для расправы в будущем.

В 35 году н. э. Тиберий повторил попытку и отправил поближе к Парфии другого аршакидского принца — на этот раз Тиридата, внука Фраата IV. Одновременно он назначил Луция Вителлия легатом пропретором Сирии, поручив ему возвести Тиридата на парфянский престол. Облегчить задачу Вителлию должно было утверждение на армянском троне враждебного парфянам царя. Подходящей кандидатурой для этого был признан иберийский царевич Митридат, борющийся за власть со своим братом царем Иберии Фарсманом I. Римляне успешно помирили братьев, предложив Митридату армянский трон, а Фарсману вознаграждение, если он сумеет посадить брата на этот трон. Иберийский царь с энтузиазмом взялся за выполнение этой задачи, так как удаление на безопасное рассто-

яние опасного соперника служило для него дополнительным стимулом⁴⁵⁷. Его агенты подкупили слуг Аршака, и он был убит, после чего Фарсман без труда захватил Артаксату. Когда Артабан узнал о происшедшем, он тут же велел идти в поход на Армению сыну Ороду.

Ород отправился в путь, даже не набрав достаточного количества войска. Парфянская армия почти целиком состояла из всадников. Две армии встретились и некоторое время стояли друг против друга, не решаясь вступить в бой. Ород, видя значительное численное превосходство противника, хотел избежать битвы, но парфянские воины, жаждущие добычи и уверенные, что одержат над иберами победу, едва ли не заставили его сражаться. Чаши весов некоторое время колебались, ни те, ни другие не желали уступать. Все решил поединок Фарсмана и Орода, которых судьба свела на поле боя. Фарсман рассек шлем Орода и нанес ему рану, после чего парфянские всадники защитили Орода. Но уже пронесся слух, что Ород убит, и парфяне, пав духом, бросились в бегство⁴⁵⁸.

В следующем году Артабан решил наказать иберов и сам выступил во главе войска. Но Вителлий сделал все, чтобы затруднить его действия. Сначала его агенты подбили напасть на парфянскую территорию алан, и те беспрепятственно прошли через горные проходы Кавказа, которые контролировали иберы⁴⁵⁹, хотя между ними и иберами была вражда; о том, чтобы эта вражда не помешала аланам, позаботились, разумеется, римляне. Сам Вителлий выступил в поход и перед этим распространил слухи, будто рассчитывает захватить Месопотамию. Артабан ему поверил: он раздумал атаковать Армению и решил защищать Месопотамию, поскольку трезво оценивал свои силы и понимал, что не сможет вести войну на два фронта. Но Вителлий, отведя парфянскую угрозу от Армении, на Месопотамию не пошел. К этому времени он уже нашел себе союзников внутри Парфии, пустив в дело римское золото: было подкуплено несколько вельмож и щедро оплачивались услуги тех, кто распространял недовольство Артабаном, говоря о его жестокости в мирное время и военных неудачах, которые обрекают подданных на гибель. Артабан стремительно терял поддержку знати, и наконец дело повернулось так, что ему в опасении за свою жизнь пришлось бежать с небольшим

отрядом телохранителей-чужеземцев к восточной границе царства, где он рассчитывал опереться на союзные племена⁴⁶⁰.

Парфия осталась без царя. Вителлий решил, что наступил удобный момент, чтобы посадить своего кандидата на парфянский трон, и Тиридат в сопровождении римских легионов и союзных отрядов был отправлен к Евфрату. Когда были совершены жертвоприношения и получены благоприятные знамения, через реку навели мост из лодок, и армия перешла на парфянскую территорию. Здесь Тиридата встретил парфянин Орноспад, который прежде служил у Тиберия и был награжден римским гражданством⁴⁶¹. Затем прибыл Синнак с парфянским войском, которое приветствовало Тиридата, и один из парфянских вельмож, Абдагас, преподнес ему царские украшения.

Тиридат устраивал высшую парфянскую знать, живущих в Парфии греков и вообще всех тех, кто был настроен про-римски. Греческие города Месопотамии — такие как Никефорий и Антемусия — всячески приветствовали его; к ним присоединялись некоторые парфянские города — например, Гал и Артемита⁴⁶². Особенно шумно его встретила Селевкия, в которой сторонников Артабана, которые были в меньшинстве, лишили власти и передали ее сторонникам Тиридата⁴⁶³.

По обычаю, Тиридат был коронован представителем рода Суренов. Коронацию провели не сразу: ждали приезда двух влиятельных вельмож — Фраата и Гиерона. Фраат, вероятно, был сатрапом Сузианы — важнейшей парфянской провинции⁴⁶⁴. Но они так и не появились — вполне возможно, потому, что вели в это время переговоры с Артабаном.

После коронации Тиридат, чье финансовое положение было не из лучших, осадил крепость, где остались сокровища и гарем Артабана. Обладание царским гаремом должно было окончательно легитимизовать права Тиридата на трон. Как мы знаем, Фраат IV, чтобы не дать такой козырь покусившемуся на трон военачальнику, умертвил своих наложниц, когда возникла опасность, что они могут ему достаться.

Положение Тиридата было непростым. Ему предстояло доказать, что, несмотря на жизнь в Риме, он остался в сути своей парфянином, поскольку Парфия, как правило, отторгала царей, занявших престол благодаря поддержке римлян. Веро-

ятно, он и пытался это сделать, но партия, ориентированная на исконные парфянские традиции, тоже не дремала. Важную роль в ней, возможно, играли те самые два вельможи, Фраат и Гиерон, которые избежали присутствия на коронации. Поиск фигуры, которую можно было бы противопоставить Тиридату, привел все к тому же Артабану, чья песня, казалось бы, давно уже была спета.

Недавно еще могущественный царь был найден в Гиркании, где, одетый в грязные лохмотья, жил в жалкой лачуге и существовал за счет охоты. Явившихся к нему Фраата и Гиерона он встретил недоверчиво, подозревая, что ему готовят ловушку, но постепенно начал понимать происходящее, посчитав, что хотя они и лгут, распинаясь в любви к нему, но ненависть их к Тиридату непритворна. Тем не менее Артабан еще долго колебался, прежде чем решился на какие-то действия и продолжал ходить в лохмотьях, дабы усилить сочувствие к своей участи. В конце концов он собрал отряд из саков и двинулся вглубь парфянской территории, по пути набирая солдат.

Одни советники Тиридата рекомендовали ему как можно быстрее навязать Артабану сражение, пока тот не успел набрать достаточно войск. Другие, во главе которых был Абдагас, предлагали перебраться в Месопотамию и дожидаться подхода римских легионов и союзных им войск. Тиридат, которому воинственность свойственна не была, решил отступить, что вызвало в верных ему частях разброд и привело к массовому дезертирству, и вскоре отступление превратилось в бегство. Причем некоторые кочевые племена переметнулись к Артабану. Теперь уже о том, чтобы окопаться в Месопотамии, не было и речи, и Тиридат проследовал дальше, в Сирию, куда явился лишь с горсткой приближенных⁴⁶⁵.

Таким образом, Артабан, не встретив никакого сопротивления, вернул себе трон. Тиберий был, конечно, не в восторге от такого поворота событий, но, желая формально завершить войну, в конце 36 года н. э. дал указание Вителлию предпринять для этого усилия. Артабан хотел того же. Он и Вителлий встретились посреди Евфрата, на мосту, построенном из лодок. Условия, на которых они договорились, неизвестны; мы знаем лишь о том, что вслед за этим сын Артабана Дарий отправился в Рим — вероятно, в качестве заложника⁴⁶⁶. В честь

окончания переговоров римский союзник правитель Галилеи Ирод Антипа устроил на этом же мосту богатый пир. Иосиф Флавий сообщает, что парфяне подарили римлянам иудея ростом в семь локтей*.

Артабан победил, но все его прежние достижения в результате соперничества с Тиридатом пошли прахом. Хозяйственную жизнь Парфянского царства постигла разруха. Да и вообще более чем полувековая борьба за трон между царями и постоянно возникавшими претендентами явно не пошла на пользу стране. Это отражают данные нумизматики: с начала христианской эры до 40 года есть периоды, для которых неизвестны царские монеты. Следовательно, парфянские цари не владели городами, где имелись монетные дворы, или не чеканили монеты по причине бедности и общего неустройства. Так, например, около 36 года восстала и до 43 года сохраняла фактическую независимость Селевкия, где находился крупнейший монетный двор⁴⁶⁷. События вокруг Анилея и Азинея, о которых мы уже упоминали, хорошо иллюстрирует положение в Парфии в это время.

Артабан, повторно заняв трон, довольно быстро понял, что не сможет вернуть себе прежнюю власть. Он вынужден был признать фактическую независимость областей на севере страны, и вскоре ситуация показалась ему настолько безнадежной, что он добровольно, не дожидаясь, пока переполнится чаша недовольства всеобщей разрухой, отрекся от престола, покинул Парфию и с громадной толпой своих родственников и сторонников отправился в Адиабену, к своему соседу и вассалу Изату II. Впрочем, это еще не было концом истории его пребывания на парфянском троне. Но прежде чем ее завершить, скажем несколько слов о вассальных царях Адиабены.

У царя Изата I было двое детей — Елена и Монобаз. Согласно распространенному в то время в этой части света обычаю, они состояли в браке. Монобаз унаследовал трон около 30 года н. э. Дабы уберечь сына, будущего Изата II, которому, как это часто бывало в восточных государствах, исходили угрозы от сводных братьев, рожденных другими женами, Монобаз I отправил его к царю Харакса Адинерглу⁴⁶⁸. Там Изат принял

* 3 метра 15 сантиментов.

иудаизм. Когда он вырос, отец отдал ему Гордиену, а после смерти Монобаза I около 36 года Изат II стал царем Адиабены. Иудаизм вслед за ним также приняла Елена⁴⁶⁹.

Парфянским царем после отъезда и отречения Артабана был избран его воспитанник Киннам. Тут, однако, окружение Артабана, прибывшее вместе с ним в Адиабену, стало убеждать Изата выступить посредником между Киннамом и Артабаном. Царь Адиабены написал письмо, в котором предложил вернуть трон Артабану, но получил от парфян ответ, что, коль скоро Киннам уже занял престол, то так тому и быть. Но не так думал сам Киннам — по причине неясной: то ли он испытывал расположение к Артабану, то ли не ощущал крепость трона под собой и опасался за свою жизнь — во всяком случае, Киннам отрекся от престола в пользу Артабана и даже сам надел корону на его голову, когда он явился в Парфию. Изат же за посредничество получил город Нисибис и земли, отторгнутые у Армении⁴⁷⁰, а также особые привилегии, которых не было у других вассалов.

Артабан после этого прожил мало: есть основания думать, что он умер около 38 года. На парфянский престол вступил Готарз II⁴⁷¹. Он, предположительно, не принадлежал к Аршакидам; возможно, Готарз был родом из Гиркании, и его отца звали Гев⁴⁷². У него было два брата, Артабан и Вардан, в которых он видел соперников и поэтому попытался расправиться с ними, однако удалось это только наполовину: Артабана он убил вместе с женой и сыном, но Вардан спасся бегством. Это отозвалось Готарзу потерей трона. В 39 году, то есть на второй год его правления, знать, которая, судя по всему, вершила все дела в стране, призвала на царство Вардана, и тот, если верить Тациту, преодолел 3 тысячи стадиев* с поразительной скоростью — всего за два дня⁴⁷³. Его неожиданное появление привело к бегству Готарза к сакам, где он тут же принялся плести интриги против Вардана.

Желая выглядеть настоящим монархом, Вардан решил подчинить Селевкию, которая с 36 года жила сам по себе, и взять под контроль ее монетный двор. Он осадил город, но

* Римский стадий равнялся 185 метрам. Соответственно, 3000 стадиев равно 555 километрам.

Монета с изображением Готарза II

овладеть им было не так-то просто, — Селевкия имела надежные укрепления и снабжалась продовольствием. В качестве базы для осады Вардан использовал Ктесифон, и поэтому, возможно, Аммиан Марцеллин приписал ему основание этого города⁴⁷⁴.

Но пока Вардан безуспешно бился о стены Селевкии, Готарз во главе саков и гирканцев вернулся в Парфию. Вардан прекратил осаду и пошел на восток, навстречу брату. Оба готовились к сражению, но тут выяснилось, что биться им, собственно, не за что, поскольку парфянские вельможи не хотят видеть на троне ни того, ни другого. В этой непростой ситуации братья сумели отбросить прошлые обиды и договориться. Вардан остался царем, но и Готарз получил царские привилегии и вместе с ними восточные провинции Парфии.

Сообщение Филострата⁴⁷⁵ наводит на мысль, что Вардан владел относительно небольшой территорией. Он обосновался в Вавилоне, так как Селевкия, по-видимому, все еще отказывалась ему подчиняться. Но в начале лета 42 года Вардан снова явился под стены Селевкии, где, видимо, изменилось

соотношение сил между партиями, и город добровольно открыл ему ворота⁴⁷⁶. Таким образом, отпадение Селевкии, которое длилось семь лет, подошло к концу.

Тем временем произошли перемены на армянском троне. Ибер Митридат, ставший царем Армении по решению Рима, чем-то прогневил своих покровителей. Калигула, император с 37 года, вызвал его в Рим, подержал в тюрьме и отправил в изгнание⁴⁷⁷. Но сразу после смерти Калигулы в 41 году новый император Клавдий велел Митридату отправляться в Армению и отвоевать трон, который, вероятно, пока он был в Риме, какое-то время оставался вакантным, а затем был захвачен парфянами.

Митридат благодаря римским частям и отрядам иберов, которых прислал его брат Фарсман, относительно легко справился с поставленной задачей. Но заняв повторно трон, он — возможно, потому что уселся на него вопреки желанию подданных, — начал править с такой звериной жестокостью, что армяне обратились за помощью к Вардану, который, не имея достаточных сил сам, задумал повоевать руками парфянского вассала царя Адиабены Изата II. Тот, однако, ответил Вардану отказом, что и неудивительно, поскольку пять сыновей Изата находились в Риме в качестве гарантии его лояльности. Вардан это принимать во внимание не пожелал и решил наказать неуступчивого вассала, начав против него военные действия. Правда, вскоре он повернул к Евфрату, где, чтобы отвлечь внимание Вардана от Армении, наместник Сирии Вибий Марс усиленно делал вид, будто готовится перейти границу и напасть на Парфию⁴⁷⁸.

Но главная опасность подстерегала Вардана дома, где знати не понравилось то, что он слишком прочно утвердился на троне, и она стала подбивать Готарза к захвату власти. Тот поддался соблазну, набрал в Гиркании войско и около 43 года выдвинулся к реке Эринд⁴⁷⁹, у переправы через которую его встретил Вардан. Произошла битва, в которой обе стороны понесли жестокие потери, но победа досталась Вардану. Он не только помешал Готарзу переправиться, но и заставил его отступить, а затем после еще нескольких сражений овладел территорией до реки Синд⁴⁸⁰. Дойдя до этого рубежа, его войско отказалось идти дальше, и Вардан, удовлетворившись

сооружением на берегу Синда монумента в честь одержанных побед, пошел назад.

В 45 году Готарз сделал попытку взять реванш. Братья были относительно молоды, и борьба между ними могла продолжаться еще очень долго. Но пока, в ходе следующего кровавого конфликта, который продолжался с переменным успехом около трех лет, они сражались между собой, знать — возможно, Готарз тоже приложил к этому руку — устроила против Вардана заговор, который увенчался успехом: смерть настигла Вардана во время любимого парфянского развлечения — охоты, что уже, как мы знаем, случалось с царями Парфии⁴⁸¹.

Готарз, надо полагать, был уверен, что теперь-то он остался единственным претендентом на трон, но мнения насчет будущего царя у парфянских вельмож разделились. Одних Готарз вполне устраивал, но другие — впрочем, их было меньшинство — хотели видеть на троне Мехердата, сына Вонона I и внука Фраата IV, который почти всю жизнь провел заложником в Риме. В конце концов парфянское неприятие всего романизированного победило, и Готарз все-таки снова стал царем.

Заняв престол, он принялся самым жестоким образом уничтожать своих противников⁴⁸², которым не осталось ничего более, как уповать на помощь Рима, и они вновь стали просить прислать в Парфию Мехердата⁴⁸³. Клавдий воспринял их обращение благосклонно и приказал наместнику Сирии Гаю Кассию Лонгину проводить Мехердата к месту его будущего царствования⁴⁸⁴. Понятно было, что без боя Готарз власть не отдаст, поэтому к походу готовились тщательно. В 49 году Мехердат и Кассий Лонгин с некоторым количеством римских войск дошли до Зевгмы, где сначала остановились, чтобы дожидаться парфянских сторонников Мехердата, но Кассий требовал идти дальше, пока противник не подготовился должным образом. О том же через своих посланников просил глава влиятельнейшего рода Каренов, который поддерживал кандидатуру Мехердата.

Впрочем, быстро достичь цели все равно не получилось, так как Мехердат пошел через Армению и там задержался на какое-то время. Затем он совершил трудный переход по горам и лишь после этого, спустившись на равнину, соединился

с войском, которым командовал глава рода Каренов. Соединившись, два войска переправились через Тигр, прошли маршем Адиабену и вступили в Ниневию и Арбелу. Царь Адиабены Изат II изъявил готовность помогать Мехердату, хотя, надо признать, ничего иного ему, если, конечно, он хотел удержаться на троне, не оставалось; в глубине души Изат склонялся к Готарзу.

Готарз тем временем приготовился к обороне за рекой Корма (Адхаим?)⁴⁸⁵. Когда враг приблизился, он сделал все, чтобы оттянуть решающую битву, ибо понимал, что сил для победы у него недостаточно. И так как усилить собственное войско ему было нечем, он попытался ослабить противника, переманивая на свою сторону его солдат, в чем и достиг изрядного успеха. Первым Мехердата покинул Изат, потом от него ушли армянские отряды. Тогда, опасаясь вообще остаться без армии, он решил навязать Готарзу сражение. Но удача обошла Мехердата стороной: сначала в битве погиб Карен, чья армия, узнав о гибели своего командующего, разбежалась, а затем было рассеяно и войско, пришедшее с Мехердатом. Увидев, что терпит поражение, Мехердат бежал, доверившись некоему Парраку, который был вассалом его отца. Но Паррак заключил его в цепи и выдал Готарзу, который приказал отрезать ему уши, дабы Мехердат никогда больше не мог претендовать на трон, однако сохранил ему жизнь⁴⁸⁶.

Надо полагать, в честь этой победы Готарз около 50 года велел высечь большой рельеф на скале в Бехистуне. На этом рельефе Готарз изображен с пикой наперевес, а над его головой парит крылатая Победа, которая венчает венком его голову. Изображение сопровождается надписью: ΓΩΤΑΡΣΗΝΣ ΓΕΟΠΟΘΡΟΣ («Готарз, сын Гева»)⁴⁸⁷.

В 51 году Готарз сошел с исторической сцены: то ли он умер от какой-то болезни⁴⁸⁸, то ли пал жертвой очередного заговора⁴⁸⁹. Ему наследовал Вонон II, бывший до этого царем Мидии⁴⁹⁰. Судя по всему, Вонон правил несколько месяцев, а затем парфянский престол достался его сыну или брату Вологезу I⁴⁹¹.

Около 52 года царь Иберии Фарсман решил завоевать Армению, где по-прежнему правил его брат Митридат, и отправил туда войско под началом своего сына Радамиста. Вскоре

Монета с изображением Вонона II

Митридат был осажден в крепости Гарни, недалеко от своей столицы Артаксаты. Крепость была практически неприступна, к тому же ее защищал римский гарнизон, которым командовали префект Целий Поллион и центурион Касперий. Радамист сделал попытку подкупить Поллиона, и тот готов был заключить сделку, но Касперий отказался участвовать в предательстве. Более того, взяв инициативу на себя, Касперий отправился на переговоры к Фарсману и известил о происходящем наместника Сирии Гая Уммидия Квадрата, надеясь на его помощь. Но Фарсман обвел Касперия вокруг пальца: стал вести с ним длительные беседы, вроде склоняясь к миру, но при этом написал сыну, потребовав от него как можно скорее разделаться с Митридатом. Радамист увеличил размер взятки, и Целий Поллион, у которого после отъезда Касперия оказались развязаны руки, объявил Митридату, что римские солдаты более не станут за него сражаться. При этом Митридату были обещаны жизнь и свобода. Но стоило царю Армении покинуть крепость, как Радамист приказал его задушить. Та же участь постигла жену и всех детей Митридата.

Таким образом, Радамисту уже ничто не мешало завладеть Арменией⁴⁹².

Когда обо всем этом узнал Уммидий Квадрат, он потребовал у Фарсмана отозвать Радамиста из Армении, но тот, поскольку это требование не было подкреплено никакими действиями, и не подумал к нему прислушаться. В это время в события вмешался склонный к авантюрам прокуратор Каппадокии Юлий Пелигн⁴⁹³, который набрал войско из местных жителей, будто бы желая восстановить с ним порядок в Армении, а на самом деле — чтобы пограбить местных владельцев. Совершив несколько набегов, эта армия разошлась по домам, а сам Юлий Пелигн, к которому у пострадавших от его действий накопилось немало претензий, бежал к Радамисту. Тот хотя и владел Арменией, называть себя ее царем не спешил — возможно, он опасался реакции римлян. Но тут к Радамисту явился Юлий Пелигн и из каких-то собственных соображений уговорил его сесть на опустевший армянский трон и даже принял активное участие в его коронации.

Пока Радамист утверждался на троне, вторжение в Армению замыслил Вологез I, тоже коронованный совсем недавно. Это, кстати, предотвратило вмешательство в армянские дела римского легиона, который уже был послан Квадратом и пересек Тавр, но отозван, когда пришло известие о приготовлениях Вологеза, поскольку в близкие планы легата не входило столкновение с Парфией.

Известно, что у Вологеза, сына греческой наложницы⁴⁹⁴, было два брата — Пакор и Тиридат. Судя по тому, что братья согласились с его претензиями на трон, Вологез был старшим. Пакору, вероятно среднему брату, досталась Мидия Атропатена⁴⁹⁵, и, следовательно, оставалось найти подходящее царство для младшего, Тиридата. Армения для этого, по мнению Вологеза, подходила идеально, поскольку традиционно считалась парфянами частью их собственной страны.

В 52 году Вологез отправился в армянский поход. Он почти не встретил сопротивления и быстро занял Тигранакерт, а затем Артаксату. Но тут наступила зима, слишком суровая в этот год; армия начала страдать из-за недостатка провианта, возникла угроза бескормицы лошадей, и Вологез пошел назад. Радамист, сбежавший при появлении парфян, тут воспользо-

Монета с изображением Вологеза I

вался этим, вернулся и стал править как в ни в чем не бывало, если не считать особой жестокости по отношению к тем, кто не проявил к нему должной лояльности.

Вологез между тем нашел новую точку для приложения сил, став судьей в споре Изата II и адиабенской знати, давно уже недовольной правлением царя. Это было на руку Вологезу, который хотел, чтобы Изат отказался от привилегий, данных ему Артабаном III, и стал вровень с другими парфянскими вассалами. Изат подчиниться отказался и приготовился воевать. Он укрыл своих жен и детей в неприступной горной местности, рассредоточил по крепостям все хлебные запасы и велел уничтожить все то, что нельзя было спрятать, а затем всего с 6 тысячами всадников расположился на границе Адиабены и Мидии, шедшей по реке Верхний Заб. Вологез явился туда же со значительно большими силами и, расположившись лагерем, принялся слать Изату письма, в которых упирал на то, что адиабенский правитель должен склониться перед величием Парфии. Похоже, видя решимость Изата идти на смерть, Вологез расхотел воевать. Некоторое время

цари обменивались посланиями, пока, на счастье Изата, не пришла весть о вторжении в Восточную Парфию кочевых племен, живущих к востоку от Каспийского моря, и Вологез снялся с места, чтобы идти им навстречу⁴⁹⁶. В дальнейшем Вологезу стало не до Изата, и тот спокойно правил до самой своей естественной кончины.

Жестокость Радамиста после возвращения в Армению привела к мятежу, и он был вынужден опять бежать. Причем бегство его было настолько беспорядочное и стремительное, что, уходя от врагов, Радамист собственноручно зарезал свою беременную жену Зенобию, которая от усталости не в силах была ехать с ним дальше, дабы она не досталась врагу. Тело бросили в быструю реку Аракс. Но, вероятно, у Радамиста в последний момент дрогнула рука — иначе как объяснить, что рана, нанесенная им, оказалась не смертельна. Зенобию выловили из воды пастухи, вылечили и привели в Артаксату, где уже вовсю орудовали парфянские агенты, которые переправили ее к Тиридату. Тот оставил царицу при себе, что, по понятиям того времени, укрепляло его претензии на армянский престол, который он и занял в 54 году⁴⁹⁷.

Глава VIII Кампания Корбулона

В октябре 54 года был отравлен Клавдий, и императором стал шестнадцатилетний Нерон. В декабре в Риме узнали о воцарении в Армении Тиридата (Трдата) I и сразу начали готовиться к войне⁴⁹⁸. Легионы один за другим укомплектовывались до полной численности и отправлялись на Восток. Вассалы Рима коммагенский Антиох IV и Агриппа II, внук Ирода Великого, правящий в сирийской Халкиде, получили задание набрать армии и держать их в готовности для вторжения в Парфию. Приказано было навести заранее мосты на Евфрате. Тыл был обеспечен тем, что Малую Армению отдали Аристобулу, сыну халкидского царя Ирода и двоюродному брату Агриппы II, а Софену — Сохему, который происходил, возможно, из того же самого верного римлянам рода, что и тот, который только что унаследовал трон Эмесы⁴⁹⁹.

Командовать войсками призвали из Германии Гнея Домиция Корбулона, опытного человека, сделавшего успешную военную карьеру. В его распоряжение были отданы III Галльский и VI Железный легионы⁵⁰⁰, союзные войска, а также когорты, зимовавшие в Каппадокии. X «Легион из пролива», XII

Молниеносный легион и некоторые вспомогательные войска, набранные в восточных провинциях, были оставлены в Сирии под командованием Умидия Квадрата, который весьма ревниво относился к славе Корбулона и опасался, что тому достанутся все лавры в грядущей войне. Все союзные правители получили указание подчиняться Корбулону и Квадрату в соответствии с обстоятельствами.

Два римских полководца встретились в Киликии. Отсюда они отправили послание к Вологезу, в котором содержалось требование уйти из Армении. Вологез же, не желая выполнять это главное условие, но надеясь избежать войны, предложил римлянам несколько членов своей семьи, в том числе сына Вардана, в заложники. Судя по всему, Вологез лукавил — Вардан незадолго до описываемых событий попытался захватить трон, и, таким образом, отдав его римлянам, парфянский царь рассчитывал, во-первых, избавиться от строптивого отпрыска и, во-вторых, втянуть римлян в длительные переговоры. Переговоры состоялись, но, судя по всему, достичь своей цели Вологезу не удалось.

Знакомясь с войсками, Корбулон обнаружил, что доставшиеся ему под командование легионы, обленившиеся за время долгого мира, находятся в весьма плачевном состоянии. Тацит рассказывает, что даже многие ветераны в них едва знали, что делать с оружием, поскольку умудрились прослужить весь свой срок, не надевая ни шлемов, ни панцирей. Кое-кто из легионеров находился в преклонном возрасте; стариков и всех прочих, признанных непригодными к военной службе, отправили по домам, заменив их солдатами, набранными в Галатии и Каппадокии. Кроме того, Корбулону был передан X «Легион из пролива», место которого в Сирии занял IV Скифский легион, пришедший из Мёзии⁵⁰¹.

В конце 57 года Корбулон выступил в Армению, где провел в палатках зиму 57—58 годов. Стояли страшные холода, легионеры обмораживали руки и ноги, и поначалу многие ударились в бег, но после того, как распоряжением Корбулона была введена смертная казнь за первый проступок (а не за третий, как было принято до этого) дезертиров почти не стало. Корбулон ходил на морозе с непокрытой головой и уже

одним своим видом показывал солдатам, что положение их не так уж тяжело, как им кажется.

Когда весной 58 года потеплело, начались локальные стычки. Тиридат совершил несколько удачных кавалерийских набегов на сторонников Рима, причем ему удавалось легко избегать встреч с посланными против него войсками. Тогда Корбулон поменял тактику, оставил тщетные попытки поймать Тиридата, чьи всадники уходили от римлян, как сквозь пальцы вода, и, разделив своих людей на относительно небольшие отряды, отправил их разорять страну. В этом римлянам помогали коммагенский царь Антиох IV и пришедший со своим войском иберийский царь Фарсман I.

Вологез с большей частью своего войска в это время завяз в восставшей Гиркании⁵⁰², причем дело там приняло весьма серьезный оборот, поскольку возникла угроза вмешательства Рима, — во всяком случае, гирканцы просили римлян о содействии. Рим на эту просьбу никак не отреагировал. Впрочем, забегая вперед, заметим, что в конечном счете гирканцы справились сами и Гиркания отпала от Парфии.

Поняв, что ждать помощи от Вологеа в скором времени не следует, Тиридат предложил Корбулону мир. На что римский командующий, который также знал о трудностях Вологеа, посоветовал ему сложить с себя царские регалии и после этого просить армянский трон у Нерона; только так, дескать, Тиридат сможет утвердиться на троне без кровопролития. Вслед за этим последовали переговоры, но так как обе стороны не доверяли друг другу, в любых действиях противника подозревали вероломство да к тому же никак не могли определиться, чего же, собственно, они хотят от этих переговоров, то они и закончились ничем⁵⁰³.

После провала переговоров Корбулон приступил к решительным действиям. Он разделил римские войска на три части, командование одной сохранив за собой, поручив другую легату Корнелию Флакку и третью — префекту Инстею Капитону. На себя Корбулон принял самую трудную задачу: он атаковал наиболее укрепленную армянскую крепость Воланд и с ходу взял ее штурмом. С теми пленными, кто мог сражаться, римляне поступили безжалостно, убив всех до единого, а прочих

продали в рабство. Вслед за этим Корнелию Флакку и Инстею Капитону покорились еще три армянские крепости.

Успех воодушевил Корбулона, и он двинулся к Артаксате. Сил для обороны столицы у Тиридата было явно недостаточно. Поэтому он решил действовать хитростью, начав вблизи города маневрировать на глазах у римлян, надеясь, что их шеренги нарушат боевой порядок, дабы, воспользовавшись этим, ударить по ним всей мощью своей кавалерии. Но легионеры стояли твердо, и тогда, не решившись вступить в открытый бой, Тиридат отступил в город. Ночью Корбулону донесли, что он бежал, — как можно было полагать, к Вологезу. После этого горожане сдались без боя, и это спасло их от истребления⁵⁰⁴. Но город был разграблен и затем, по приказу Корбулона, сожжен, а его крепостные стены разрушены⁵⁰⁵. В Риме по поводу этой победы был устроен пышный праздник, состоялись молебны, были возведены триумфальные арки и поставлены статуи, причем главные почести достались Нерону.

Перезимовав, весной 59 года Корбулон пошел через земли мардов и тавранитов к другому важному армянскому городу — Тигранакерту⁵⁰⁶. По пути, хотя армия изнемогала от скудной еды и недостатка воды, были взяты, несмотря на ожесточенное сопротивление, две армянские крепости. Когда римляне приблизились к Тигранакерту, оттуда явились послы, которые сообщили, что город готов сдаться, и преподнесли Корбулону золотой венец. Но подойдя к воротам Тигранакерта, римляне обнаружили, что они заперты. Тогда Корбулон приказал обезглавить знатного армянина, прежде взятого в плен, и перебросить голову через стену в город. После этого город сдался на милость победителя, ибо его жители поняли, что в случае сопротивления с ними поступят так же⁵⁰⁷.

Что значит римская расправа над теми, кто не желает покориться, вскоре узнали защитники крепости Легерда, решившие стоять до последнего⁵⁰⁸. Приложив немало усилий, римляне взяли Легерду штурмом и перебили всех, кто в ней находился⁵⁰⁹.

Зиму Корбулон, вероятно, провел в Тигранакерте и, возможно, встретился с гирканскими послами, которые в это время возвращались из Рима домой. Затем гирканцы отпра-

вились дальше на восток, в свои земли, причем Корбулон дал им охрану⁵¹⁰.

В 60 году Тиридат попытался вернуться на трон, перейдя границу Армении со стороны Мидии Атропатены. Но солдат у него было немного, и Корбулон относительно легко его порыв погасил, сначала послав навстречу Тиридату легата Севера Верулана во главе союзных войск, а затем и сам вступил в дело. При этом он огнем и мечом покарал тех мелких владетелей, которые оказали Тиридату поддержку.

Власть римлян в Армении после этого перестала встречать какое-либо сопротивление, хотя по-прежнему значительная часть ее населения симпатизировала парфянам. Как раз в этот момент сюда явился Тигран, внук последнего царя Каппадокии Архелая, которого Нерон избрал новым армянским царем. При этом Тиграну досталась не вся Армения, от которой были отъяты изрядные куски, переданные в управление иберийскому царю Фарсману, понтийскому царю Полемону, Аристобулу из Малой Армении и Антиоху из Коммагены. Вслед за этим Корбулон отбыл в Сирию, где занял место умершего Квадрата. При этом Тиграну была оставлена значительная военная сила — в том числе 1000 римских легионеров, две союзнические когорты пехоты и два больших отряда всадников⁵¹¹.

Уже в следующем году Тигран почувствовал себя настолько уверенно, что вторгся в Адиабену с единственной целью ее разграбить. Однако неожиданно для себя ему пришлось иметь дело не только с царем Адиабены Монобазом, но и с парфянским царем Вологезом, который оставил в покое Гирканию, где ситуация для парфян становилась все хуже и хуже, и выдвинулся навстречу Тиграну. Возможно, это было сделано под давлением знати, которая была крайне недовольна тем, что Вологез не оказал поддержки Тиридату, оставив того одного против римлян и их союзников, а теперь может потерять и Адиабену. Нет сомнения, что низвергнутый с трона Тиридат всячески подогревал такие настроения парфянских вельмож, вызывая к их патриотическим чувствам.

Как бы то ни было, Вологез вновь подтвердил права своего брата на армянский трон и объявил, что всеми силами будет ему помогать. Одновременно он передал под начало парфянского аристократа Монеса большой отряд всадников, при-

казав ему, действуя согласно с Монобазом, изгнать Тиграна из Адиабены, а затем из Армении. Сам Вологез, понимая, что римляне вряд ли стерпят разгром посаженного ими на царство правителя, решил ударить по Сирии — а может быть, всего лишь продемонстрировать намерение это сделать, — дабы связать римлянам руки⁵¹².

Назревала большая война. Корбулон отправил в Армению два легиона под командованием Севера Верулана и Веттия Болана⁵¹³ — возможно, это были IV Скифский и XII Молниеносный. На Евфрате в районах, удобных для переправы, были размещены III Галльский, VI Железный и X «Легион из пролива», причем все они были пополнены местными рекрутами. Театр предполагаемых военных действий был велик, и Корбулон написал Нерону письмо, в котором просил прислать какого-нибудь опытного военачальника, чтобы тот возглавил войска в Армении.

Тигран тем временем под ударами парфян отступил к Тигранакерту, где и был осажден Монесом. Узнав об этом, Корбулон отправил послов к Вологезу, который находился в Нисибисе, и потребовал эту осаду снять, угрожая в противном случае вторгнуться в Месопотамию. Вологез не был уверен, что назревающая война принесет победу — он знал, что римляне располагают серьезными силами; к тому же корм, заготовленный для парфянской конницы, был уничтожен саранчой, и это, возможно, беспокоило его не меньше, чем ультиматум Корбулона. Впрочем, и Корбулон не хотел большой войны, надеясь урегулировать кризис дипломатическими средствами. В результате врагам, на первый взгляд уже готовым перегрызть друг другу глотки, удалось договориться. Решено было, что Вологез отправит посольство в Рим, где на переговорах и будет принято решение о судьбе Армении. А пока, чтобы разрядить обстановку, Монес по приказу Вологеза снял осаду с Тигранакерта, и все парфянские войска вернулись на свою территорию. Взамен — об этом, однако, было объявлено не сразу, — римляне велели Тиграну покинуть Армению. Вместе с ним ушли к каппадокийской границе римские легионы⁵¹⁴.

Нерон принял во внимание просьбу Корбулона и назначил наместником Каппадокии Луция Цезенния Пета, по коман-

дование которого были переданы три легиона — IV Скифский, XII Молниеносный и V Македонский, который недавно прибыл из Мёзии, а также союзные войска из Понта, Галатии и Каппадокии; III Галльский, VI Железный и X «Легион из пролива» остались под началом Корбулона⁵¹⁵. Предположительно, легионерам выдали жалованье серебряными монетами, которые специально отчеканили в Кесарии Каппадокийской⁵¹⁶. Корбулон со своими легионами расположился на Евфрате таким образом, чтобы успеть встать на пути парфян, в каком бы направлении они ни пошли.

Все эти приготовления были совершены очень вовремя, так как вскоре вернулось из Рима ни с чем парфянское посольство и Вологез решил возобновить военные действия⁵¹⁷. Сначала он хотел идти на Сирию, но, увидев, сколь хорошо римляне подготовились к обороне на Евфрате, решил оккупировать Армению. Пет, однако, его опередил: с двумя легионами — IV Скифским во главе с Фунизуланом Веттонианом и XII Молниеносным под командованием Калавия Сабина — он перешел через Евфрат и двинулся к Тигранакерту. При этом V Македонский легион он оставил зимовать весьма далеко от основных событий войны — в Понте⁵¹⁸, и это, как выяснилось впоследствии, было первой его серьезной ошибкой.

Сам Пет, которого холода застали чуть ли не на марше, остановился на зимовку в Рандее на притоке Евфрата реке Арсаний, не имея достаточных запасов продовольствия для людей и фуража для коней⁵¹⁹. И тут он совершил вторую ошибку, дав отпуска тем легионерам, которые об этом попросили, не задумываясь о том, что сильно ослабляет свое войско. Да еще и разделил свое войско: отправил 3 тысячи человек охранять проходы в горах Тавра и одну когорту в крепость Арсамосата, где находились его жена и маленький сын. Возможно, Пет посчитал, что это — помимо решения иных задач — поможет, за счет уменьшения числа воинов в лагере, справиться с нехваткой провизии.

Тем временем в поход выступил и Вологез. Узнав о приближении парфянского царя, Пет вместо того, чтобы укрепиться в лагере, пошел ему навстречу, но Вологез, пользуясь численным преимуществом, легко заставил его отступить. Пет вернулся в свой лагерь и, только теперь осознав серьезность

своего положения, отправил гонца к Корбулону с просьбой о помощи. Корбулон, получив послание Пета, распорядился выделить из трех легионов по тысяче пехотинцев, из вспомогательной конницы восемьсот всадников и такое же число воинов из союзнических когорт. Но пока они готовились к маршу, положение Пета еще больше ухудшилось. Парфяне подошли вплотную к его лагерю, пресекли все вылазки римлян, перебив при этом немало римских солдат, и начали планомерную осаду. Ясно было, что римлянам долго не продержаться. Пет, еще недавно до крайности самоуверенный, впал в отчаянье. Он отправил к Корбулону еще одно совсем уж отчаянное письмо, настоящий вопль о помощи, умоляя его прийти как можно скорее и спасти хотя бы знамена гибнущих легионов.

Корбулон, который до этого явно не спешил оказать поддержку Пету, считая, что с возрастанием опасности для попавших в беду возрастает и слава за оказанную им помощь, понял, что далее медлить нельзя, и тут же выступил, причем пошел кратчайшим путем — через Коммагену и Каппадокию. Он избежал ошибок, сделанных Петом, и погрузил на верблюдов, которые шли за войском, большой запас пшеницы.

Вскоре ему навстречу стали попадаться беглецы, которым удалось просочиться сквозь парфянские порядки из осажденного римского лагеря. Корбулон понял, что дело совсем плохо, и пошел уже с той скоростью, какую только могли выдержать люди. Но Пет его не дождался и вступил в переговоры, целью которых было сохранить жизнь и свободу в обмен на выполнение едва ли не любых условий. Он просил о встрече с Вологезом, но царь свиданием его не удостоил и назначил главным переговорщиком с парфянской стороны командующего кавалерией Вазака. Тот, зная о приближении Корбулона и понимая, что времени мало, поспешил заключить соглашение как можно скорее. Поэтому переговоры продлились всего два дня. Когда договоренность — при участии царя Адиабены в качестве свидетеля — была достигнута, Корбулон находился всего лишь в трех днях пути. Разумеется, что условия соглашения были весьма выгодны парфянам.

Собственно, все их обязательства сводились к тому, чтобы снять осаду и отпустить римлян восвояси. Римляне же должны были уйти из Армении, оставив парфянам все свои укрепления, снаряжение и продовольствие. Они также обязались построить мост через реку, текущую перед лагерем, как символ одержанной парфянами победы, и этот мост позже парфянам пригодился. По условиям соглашения, Вологез должен был отправить новое посольство к Нерону⁵²⁰. Корбулон утверждал позже, что Пет поклялся перед боевыми знаменами в присутствии присланных парфянских царем свидетелей, что ни один римлянин не вступит в Армению, пока не придет ответ от Нерона⁵²¹.

Ходили слухи, что римские легионы были проведены под ярмом и претерпели другие унижения, начало которым положили армяне. Не успели римляне покинуть лагерь, как они явились туда и стали отбирать у запуганных легионеров оружие и одежду, а те не смели противиться, боясь дать повод к резне⁵²².

Уход Пета больше напоминал паническое бегство. Он шел к Евфрату, не заботясь об отстающих раненых. Встретившись, наконец, с Корбулоном, который уже знал о постигшем римлян несчастье, он стал убеждать его тотчас идти в наступление на парфян. Но Корбулон от такого безрассудства отказался и вернулся в Сирию. Пет провел зиму в Каппадокии.

Вскоре Вологез отправил Монеса к Корбулону с требованием оставить укрепленные пункты на восточном берегу Евфрата. На мосту, построенном римлянами, состоялись переговоры. Корбулон согласился удовлетворить это требование в обмен на уход парфян из Армении. На том и договорились.

Весной 63 года в Рим прибыло парфянское посольство, цель которого сводилась к тому, чтобы добыть армянский трон для Тиридата. Римляне, могло показаться, ничего не имели против этого, но хотели, чтобы Тиридат явился за инвеститурой к Нерону. Парфяне же настаивали, чтобы он получил царские регалии от римлян на месте, при изображении императора и в присутствии легионов, ссылаясь на то, что жреческие обязанности мешают ему прибыть в Рим. На это римляне не согласились, но получившие богатые подарки послы уехали

домой в полной уверенности, что еще немного — и Парфия своего добьется.

Римляне же стали готовиться к новой войне в Армении. IV Скифский и XII Молниеносный легионы, которые потеряли своих лучших людей и потеряли присущий римлянам победный дух, отправили в Сирию, куда наместником был назначен Гай Цестий Галл. Все военное командование передали Корбулону, увеличив при нем численность войск за счет XV Аполлонова легиона, который привел из Паннонии Марий Цельс. Пет был возвращен в Рим, после чего влияние Корбулона на события возросло так сильно, что Тацит считал возможным сравнить его положение с тем, какое было у Помпея в соответствии с законом Манилия⁵²³.

Войска, предназначенные к походу, были собраны в Мелитене. В их состав входили четыре легиона — III Галльский, VI Железный⁵²⁴, V Македонский и XV Аполлонов. Также в Мелитену пришли отлично подготовленные отряды из Иллирии и Египта, причем из Египта, вероятно, была прислана часть XXII Дейотарова легиона. Сюда же прибыли войска союзных Риму царей.

Корбулон двинулся по Армении тем же путем, которым шли за сто лет до него Лукулл и совсем недавно Пет. Он взял и разрушил несколько родовых гнезд армянских сановников, которые отпали от Рима и переметнулись к парфянам, когда от Тиридата и Вологеза явились послы с предложениями о мире. В ответ Корбулон дал понять, что готов с ними договариваться. Вологез предложил встретиться в Рандее — в том самом месте, где были окружены легионы Пета. После этого знатный римлянин Тиберий Александр, присланный Корбулону в помощники, и зять Корбулона Анний Винициан явились к Тиридату, добровольно отдав себя в заложники, дабы он не опасался римской западни. А сам Тиридат в сопровождении двадцати всадников, отправился на переговоры к Корбулону.

Корбулон повторил прежнее условие: если Тиридат хочет, чтобы Рим признал его царем, он должен явиться к Нерону. И на этот раз Тиридат — видимо, уже готовый к тому, что римляне от своего не отступят, — ответил согласием. Было решено, что он снимет царскую диадему — перед построенными

ми в поле римскими и парфянскими войсками — и положит ее к подножию статуи Нерона, дабы получить обратно уже из рук самого императора.

Эти события датируются концом 63 года, но до Рима Тиридат добрался только в 66 году⁵²⁵. Вероятно, это было связано с тем, что сначала Тиридат предпочел посетить свою мать и братьев, Вологеза, бывшего в Экбатане, и царя Мидии Атропатены Пакора. Во время этих его перемещений, римские войска на восточной границе были готовы в любой момент перейти Евфрат и двинуться вглубь территории Армении. Похоже, что Тиридату римляне не верили, и даже то, что он отослал к Корбулону в заложницы дочь, не рассеяло их подозрительность. Имеется свидетельство, что, используя переправу около Мелитены, они даже несколько продвинулись на армянскую территорию, создавая себе плацдарм на тот случай, если снова придется воевать⁵²⁶.

Но Тиридат не отступил от договоренностей, достигнутых с Корбулоном, и отправился в Рим. При этом было сделано все, чтобы в пути соблюдались правила, связанные с его жреческим достоинством⁵²⁷: передвигались исключительно по суше, чтобы избежать осквернения воды⁵²⁸. На содержание эскорта Тиридата — 3000 всадников — римская казна выделила немалые деньги. В свите Тиридата были сыновья, два его брата и царь Адиабены Монобаз. Здесь же ехала верхом его жена, сменившая покрывало на воинский шлем. Вся дорога заняла около девяти месяцев. Добравшись до Италии, Тиридат пересел в запряженный двумя лошадьми экипаж, присланный ему в подарок Нероном. В Неаполе его встретил сам римский император. Тиридат засвидетельствовал ему свою покорность, но отказался выполнить безусловное требование римлян — снять кинжал и вместо этого приказал прикрепить свой клинок к ножнам гвоздями.

Нерон устроил в честь гостя в ПUTEОЛАХ гладиаторские бои, после чего все вместе проследовали в Рим, который был празднично убран по случаю предстоящей коронации. Здесь при большом стечении народа Тиридат, наконец, был провозглашен царем Армении и получил вожденную диадему⁵²⁹. Проведя в Риме еще какое-то время и получив дорогие подарки, он вернулся домой. С собой армянский царь вез

многочисленных мастеров, отправленных, по желанию Нерона, восстанавливать разрушенную Артаксату⁵³⁰.

После этого между римлянами и парфянами установился мир, который стал причиной исчезновения на какое-то время сведений о Парфии из римских источников. Поэтому даже о конце правления Вологеза I мы имеем довольно смутные представления; предположительно, оно завершилось в 79/80 году⁵³¹. Правда, известно, что в 66–67 годах Нерон начал готовиться к походу на кавказские Железные Ворота⁵³². Есть догадка⁵³³, что его целью были аланы, но нельзя исключать, что император испытывал соблазн ударить по Парфии. Во всяком случае, на восток был переброшен XIV Парный легион⁵³⁴, один из лучших в римской армии, и был набран новый I Италийский⁵³⁵. Но смерть Нерона в 68 году нарушила эти планы, а последовавшая за ней гражданская война окончательно их похоронила.

Когда в конце 69 года Веспасиан вступил в борьбу за трон и объявил себя императором — уже четвертым с января, — Вологез решил вмешаться в события, происходящие в Римской империи, и предложил ему 40-тысячную парфянскую конницу⁵³⁶. Письмо, которое парфянские послы привезли новоиспеченному императору, содержало следующее обращение: «Царь царей Аршак приветствует Флавия Веспасиана»⁵³⁷, в чем была, конечно же, серьезная претензия на перемены в парфяно-римских отношениях. Именно поэтому, вероятно, Веспасиан это предложение и отверг, хотя, может быть, он просто решил, что справится без посторонней помощи. В то же время он не отказался от союза с царями Сохемом из Эмесы и Антиохом из Коммагены, которые пришли к нему со своими войсками.

Впрочем, ответ Веспасиана Вологезу был выдержан в дружественном тоне, а чуть позже в Парфию и Армению он отправил посольства, дабы подтвердить мирные отношения с ними⁵³⁸. Вологез ответил взаимностью, направив в 71 году по случаю римских побед над иудеями сыну и наследнику Веспасиана Титу вместе с поздравлениями золотую корону⁵³⁹.

Правда, в 72 году прочный, казалось бы, мир едва не был нарушен⁵⁴⁰. Луций Цезенний Пет, вновь оказавшийся на востоке, теперь уже как наместник Сирии, сообщил Веспасиану,

что царь Коммагены Антиох IV и его сын Епифан, до этого лояльные Риму, замышляют с Вологезом антиримский союз. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности, но в Риме всполошились. Такой поворот событий не сулил империи ничего хорошего: в этом случае парфяне получили бы базу для наступления на Сирию и Киликию, к тому же вблизи столицы Коммагены Самосаты находилась одна из наиболее удобных на Евфрате переправ. Поэтому Пету был направлен приказ пресечь поползновения Антиоха, и он выступил в поход с X «Легионом из пролива» при поддержке союзных отрядов Аристобула из Халкиды и Сохема из Эмесы.

Наступление Пета застало Антиоха врасплох, и он, забрав жену и младших детей, оставил свою столицу, позволив римлянам овладеть ею без боя. Похоже, Антиох вообще не хотел воевать и желал все уладить миром. В то же время его сыновья Епифан и Каллиник, наскоро набрав небольшое войско, выступили против римлян. Состоялось сражение, которое длилось весь световой день и закончилось только из-за темноты, чтобы утром, как все думали, возобновиться, поскольку ни одна из сторон не сумела одержать победу. Но на рассвете коммагенское войско обнаружило, что Антиох бежал. Не желая далее биться за дело беглеца, коммагенцы стали переходить на римскую сторону. В конце концов при Епифане и Каллинике остались всего лишь человек десять охраны, и им пришлось искать защиты у Вологеза⁵⁴¹.

Парфянский царь гордых царевичей принял, но затем, видя в них только повод к ухудшению отношений с Римом, выдал их Веспасиану. Антиох также попал в руки к римлянам, которые отнеслись к нему с достаточным уважением. Свергнутого царя поселили в Спарте, предоставив ему содержание, которое позволило ему жить соответственно царскому достоинству⁵⁴². Что касается Коммагены, то ее, как и Малую Армению, римляне присоединили к империи в качестве провинции⁵⁴³. Именно это, возможно, и было главной целью похода Пета. Веспасиан здесь ничего нового не изобрел: он лишь продолжил политику поглощения приграничных царств, которую начал Тиберий.

Число легионов, постоянно дислоцированных на востоке, постепенно росло. Правда, V Македонский легион был воз-

вращен в начале 71 года в Мёзию. Но зато в Сирии и присоединенной к ней Коммагене в 72 году стояли III Галльский, IV Скифский и VI Железный, в Иудее обосновался X «Легион из пролива», в Каппадокии, Малой Армении и Галатии, где, судя по всему, в начале правления Веспасиана легионов не было, теперь находились XII Молниеносный и, возможно, XVI Стойкий Флавиев⁵⁴⁴.

Примерно в это время в Парфию с севера вторглись аланы⁵⁴⁵, обитавшие на территории близ Азовского моря. Договорившись с царем Гиркании⁵⁴⁶, они прошли через Железные Ворота Кавказа и оттуда в Мидию Атропатену, правитель которой, брат Вологеза I Пакор, был вынужден оставить свое царство. Бегство его было, очевидно, столь спешным, что ему не удалось увезти свой гарем, и он достался аланам; позже Пакор выкупил у них жену и наложниц. Овладев Мидией Атропатеной, аланы не успокоились и напали на Армению, наголову разбив ее войско, а царя Тиридата чуть-чуть не захватили в плен: аланский воин накинуд ему на шею аркан, который Тиридат в последний момент перерубил мечом. Разграбив Армению, аланы удовлетворили свой аппетит и повернули назад.

Впрочем, они продолжали угрожать Парфии, и в 75 году Вологез даже просил Рим оказать помощь в борьбе против аланов, но Веспасиан ему в этом отказал, чем немало испортил с парфянами отношения, и так уже готовые пойти трещинами после вторжения римлян в Коммагену⁵⁴⁷. Но римляне и сами, надо полагать, ощущали угрозу, исходящую от аланов, и отслеживали их передвижения. Не случайно римское войско находилось у одного из перевалов Кавказа⁵⁴⁸, и тогда же по указанию Веспасиана было оказано содействие царю Иберии Митридату в укреплении его столицы Мцхеты.

Все эти меры в равной степени могли быть направлены как против аланов, так и против парфян. О том, что с парфянами далеко не все складывалось гладко, говорит факт получения в 76 году Марком Ульпием Траяном, отцом будущего императора, знаков отличия за какую-то неведомую нам победу над парфянами⁵⁴⁹.

Глава IX

Парфия в свете торговых отношений и данных античной литературной традиции

За сто лет, события которых описаны в последних четырех главах, произошли важные перемены в экономике и торговле, которые не могли не оказать влияния на жизнь Парфии. Богатство Рима росло, соответственно увеличивалась и его склонность к роскоши, спрос на которую удовлетворялся редкими, а потому особенно желанными товарами с Дальнего Востока. Но все дороги Великого шелкового пути, по которому они доставлялись, либо проходили непосредственно через территорию Парфии, либо контролировались парфянами. Соответственно, таможенные пошлины, которыми облагались торговые караваны, обогащали парфянскую казну, что дало возможность Тациту сравнить ее с казной Рима⁵⁵⁰.

Разумеется, что имелся соблазн пойти в обход Парфии, дабы эти пошлины не платить. Однако суммы, взыскиваемые парфянским правительством, хотя и были высоки, не могли сравниться с поборами мелких царьков, которые возникали со своими отрядами чуть ли не через каждые несколько километров. Так что караванщикам приходилось, скрепя сердце, платить сильной централизованной власти, которая взамен обеспечивала какую-никакую защиту от разного рода шаек.

Данными о парфянских таможах мы не располагаем. Зато мы знаем, как позднее функционировали римские таможи в перешедшем под власть Рима междуречье Тигра и Евфрата⁵⁵¹, и можем предположить, что, по крайней мере вначале, между римлянами и парфянами в этом смысле было немного различий. В любом случае нет сомнений, что парфянское правление принесло процветание Месопотамии в целом и месопотамской торговле в частности. Об этом свидетельствует и значительное увеличение населения этих мест в парфянский период. Вероятно, именно парфяне прорыли к востоку от Тигра оросительный канал Нахрван длиной 400 километров, что значительно улучшило отдачу от местного сельского хозяйства.

При Вологезе I неподалеку от Вавилона был основан город Вологазия, или Вологезокерт⁵⁵². Вероятно, Вологез хотел перенести сюда столицу из Селевкии, где то и дело предпринимались попытки покуситься на его власть⁵⁵³. Вологезокерт неоднократно упоминается в надписях из Пальмиры как пункт назначения пальмирских караванов. По мере того, как этот город обретал статус значительного торгового центра и параллельно росло значение более парфянского в этническом смысле Ктесифона на противоположной стороне реки, Селевкия начала приходить в упадок. Этому способствовали также римские вторжения, каждое из которых приводило к разрушениям.

По мере изменений, которые происходили на торговых путях, интерес Рима к Востоку рос все сильнее, и это четко зафиксировано в римской литературе. Важно то, что многие римские авторы не только были современниками, а то и участниками описываемых ими событий, но и занимали в иерархии Рима весьма высокое положение, что предопределяло их близость к первоклассным источникам информации. Не менее важно и то, что они отражали настроения современного им римского общества, — а эти настроения обнаруживают непрекращающийся рост интереса к происходящему на Востоке. Так как многие сочинения хорошо датируются по приведенным в них данным, то у нас есть возможность четко проследить, как этот интерес развивался.

Знания Суллы о Парфии были невелики. Он считал парфян варварами и по этой причине вообще ими не интересовался, не представлял их истинную силу и уж точно не

задумывался, какое будущее их ждет⁵⁵⁴. Цицерон недалеко ушел от Суллы: до того, как стать наместником в Киликии, он знал о парфянах немного и полагал их весьма мирным народом⁵⁵⁵. Красс много говорил о Бактрии и Индии, еще не отправившись завоевывать Восток, но и его сведения о парфянах были чрезвычайно скудны. В этом, казалось, не было никакой надобности — столь велика была вера в то, что римские легионы несокрушимы. Но парфяне доказали обратное, показав преимущества конных лучников и катафрактов перед пешим войском. Впрочем, катастрофе при Каррах нашли множество причин, и, возможно, поэтому ее оказалось недостаточно для осознания всем римским обществом того, что ему противостоит сила, с которой необходимо считаться. Мало кто, вероятно, даже тогда понял, что произошло на самом деле.

Цицерон, став наместником Киликии — территории, которая находилась под угрозой парфянского нападения, возымел некоторое представление об опасности, исходящей от парфян, но, когда эта опасность сделалась явной и он стал просить Рим прислать помощь, там не особо обеспокоились и в итоге никакой помощи не оказали. Но если мы вспомним, что Помпей после Фарсальской битвы прикидывал возможность своего выступления против Цезаря с парфянским войском, то поймем, что, во всяком случае, те, кто имел отношение к армии, уже воспринимали военные возможности Парфии совершенно серьезно. Об этом говорят и мероприятия по подготовке к войне с Парфией, которые провел Цезарь, прекрасно понимавший, сколь сложную задачу ему предстоит решить. Однако обычно-му римскому обывателю слово «Парфия» по-прежнему ничего не говорило. Тем более болезненным было прозрение римского общества, которое вдруг обнаружило под боком у Римского государства воинственного и жадного до побед врага.

Это произошло в 40 году до н. э., когда парфяне под совместным командованием парфянского царевича Пакора и римлянина Лабиена огнем и мечом прошли по восточным территориям Рима. Ими были захвачены четыре римские провинции — Азия, Памфилия, Киликия и Сирия. Два года почти все азиатские владения Рима, без которых уже, казалось, нельзя представить его торговлю, пребывали в руках парфян.

Здесь действовали парфянские законы, и деньги отсюда текли теперь не в западном, а в восточном направлении, в Парфию.

Рим полнился слухами. Ситуацию усугубляло то, что среди его населения было множество выходцев из азиатских провинций, которые вели с ними торговые дела и, уж во всяком случае, сохраняли прежние связи. На них происшедшее сказалось в первую очередь. А то, что Парфия овладела карийским и, скорее всего, ионийским побережьями, доставляло массу неудобств римским официальным лицам, поскольку здесь они, как правило, меняли водный путь на сухопутный, когда направлялись на Восток.

Вскоре, правда, Вентидий Басс отбросил парфян за Евфрат. Но не успело римское общество успокоиться и, по обыкновению, объяснить недавние парфянские победы стечением каких-то случайных обстоятельств, как от парфян чудом спаслась, потеряв при этом множество людей, еще одна римская армия, которой на этот раз командовал Антоний. Это закрепило образ Парфии в сознании римского общества и сделало модной тему Востока вообще. В обиход вошло немало фраз, так или иначе отсылающих к парфянским событиям, ссылки на которые можно обнаружить уже у Лукреция⁵⁵⁶ и в первых поэмах Вергилия⁵⁵⁷, но после вторжения Пакора и Лабиена в Сирию количество их возрастает.

Без парфянских реалий на обходились эпические поэмы и пьесы⁵⁵⁸. В «Эклогах» Вергилия⁵⁵⁹, а позднее в его «Георгиках»⁵⁶⁰ и «Энеиде»⁵⁶¹ полно упоминаний о Парфии, Мидии, Бактрии и даже Индии. Большой интерес к Востоку был у Горация особенно в связи с возвращением римских знамен и походом Тиберия, который, как мы знаем, планировался, но не состоялся⁵⁶². Множество намеков на планы восточной кампании Октавиана Августа можно найти у Проперция. Раннюю литературную традицию продолжил Овидий, проявлявший интерес к экспедиции Гая в Армению⁵⁶³. У современника Овидия поэта Граттия Фалиска не раз и не два встречаем описания гирканских собак, что позволяет сделать вывод о действительном существовании такой породы⁵⁶⁴. Сенека⁵⁶⁵, Лукан⁵⁶⁶, Силий Италик⁵⁶⁷ тоже не могли избежать восточных реалий, хотя пользовались довольно избитыми фразами. А вот Папиний Стаций демонстрировал прекрасную осведом-

ленность о событиях на Востоке⁵⁶⁸; присутствие конкретики в его сочинениях не должно удивлять — ведь он был другом Абасканция, секретаря императора Домициана, и получал сведения из первых рук. Марциал дает много исторической информации, касающейся Востока⁵⁶⁹, кое-что о событиях после прихода к власти Адриана мы можем почерпнуть у Ювенала⁵⁷⁰. «На бедрах носят кони тавро, огня помету, парфян же распознаешь ты сразу по тиарам» — так сказано одним из авторов позднегреческого сборника «Анакреонтика»⁵⁷¹.

В результате всей этой литературной работы постепенно устоялись, стали литературными штампами выражения «парфянский лук», «ложное отступление», «смертоносный выстрел с оборотом назад», «армянский тигр», «гирканская собака», «ассирийские красители и пряности», «индийская или ассирийская слоновая кость», «негостеприимный Кавказ», «прохладный Тигр», «широкий Евфрат», «прекрасный Ганг», «индийский Гидасп», «шерсть серов*». Они настолько плотно вошли в язык, что жили еще долго после того, как события, связанные с ними, стали историей.

Упоминания о Востоке в последующие века все более становятся похожи на шаблон. Позднейшие авторы⁵⁷² следуют устоявшейся традиции и часто цитируют произведения предшественников, в том числе ныне утраченные⁵⁷³. Но даже христианские писатели, например один из учителей церкви Иероним Стридонский (342 — 419 или 420), упоминают парфян⁵⁷⁴.

Когда у Рима появился новый соперник — государство Сасанидов, его по привычке называли Парфией. Так, скажем, у римского поэта Клавдия Клавдиана, который активно употребляет «парфянскую» лексику, упоминая «гирканского тигра», «мидийцев» и т. д.⁵⁷⁵, можно найти как путаницу на этот счет, так и правильную идентификацию. Эта традиция дожила, по меньшей мере, до Боэция (ок. 480 — 524 или 526)⁵⁷⁶ и авторов «Латинской антологии»**⁵⁷⁷ и через них попала в английскую литературу⁵⁷⁸.

* Народ в Индии.

** Латинская антология (Anthologia Latina) — собрание позднеантичных латинских стихов небольшого объема, опубликованное немецким филологом Александром Ризе в 1869–1879 годах.

Глава X Траян в Армении и Месопотамии

Приложив немало усилий и заплатив дорогую цену, дабы решить вопрос об армянском престоле, Рим сумел хотя бы на время сохранить Армению в сфере своего влияния. Этому способствовало и то, что в 72 году в Парфию вторглись аланы, и она вынуждена была защищать свои восточные границы, на которые долгое время обращала мало внимания. Воспользовавшись тем, что парфяне повернулись к востоку, Рим на какой-то период ослабил свой интерес к Азии и переключился на иные направления. В результате о том, что происходило в эти годы в Парфии, мы знаем очень мало. Очевидно лишь то, что во второй половине I века западная граница Парфии по-прежнему проходила по Евфрату⁵⁷⁹.

Отмечен выпуск в апреле 78 года на монетном дворе Селевкии-Ктесифона монет царя Пакора II. Но там, причем в тот же самый месяц, чеканил свои монеты Вологез I⁵⁸⁰. Из этого мы можем сделать вывод, что у Вологеза, который пребывал на парфянском престоле уже много лет, появился сильный соперник. Борьба между ним и претендентом на трон продолжалась до конца 79 года, когда Вологез, судя по данным

нумизматики, ушел в небытие⁵⁸¹. Пакор II⁵⁸² крайне редко упоминается в источниках, причем нигде не говорится, был ли он родственником Вологеза. Очевидно, однако, что трон он приобрел отнюдь не мирным путем.

Из важных событий этого времени необходимо упомянуть появление в 79 году на Востоке Лже-Нерона, в роли которого выступил некто Теренций Максим родом из Малой Азии. Назвавшись чудесно спасшимся императором и довольно быстро обзаведясь сторонниками, он некоторое время скитался по восточным провинциям и в конце концов обратился за защитой к Артабану IV, который объявил себя парфянским царем, притом что Пакор II никуда не делся и даже чеканил монеты в Селевкии в 80–81 годах⁵⁸³. Не исключено, что у Артабана были столь же далеко идущие, сколь и фантастические планы посадить Лже-Нерона на императорский трон. Но вскоре обман Лже-Нерона раскрылся — а может быть, просто изменились планы Артабана — и самозванец был предан казни⁵⁸⁴.

Затем и сам Артабан IV исчез с политического горизонта. Во всяком случае, к 82/83 году ни он, ни кто-либо еще из соперников Пакора II более не чеканил свои монеты. Пакору в 89 году также пришлось, по требованию императора Домициана, принять участие в судьбе Лже-Нерона, но уже другого, чье имя история не сохранила. Этот Лже-Нерон в конечном счете был выдан римлянам⁵⁸⁵.

У Домициана под конец его правления, возможно, был план войны на Востоке. Во всяком случае, поэмы Стация, получавшего свежую информации о посещавших императора идеях, наполнены мыслями о такой экспедиции⁵⁸⁶. Предполагалось, что одна римская армия переправится через Евфрат у Зевгмы и пойдет на Бактрию, а потом, может быть, и дальше — на Индию. Другая армия должна была занять Месопотамию. В Сирию был направлен опытный военачальник, прежде уже повоевавший на Востоке, Марк Меций Целер, чтобы заблаговременно подготовить бывшие там легионы к войне⁵⁸⁷.

Но в 96 году Домициан умер. План его, однако, не был предан забвению, хотя и подвергся значительной коррекции. Ставший в 98 году императором Траян, при котором западные

Монета с изображением Вологеза II

рубежи империи распространились до естественной преграды — Атлантического океана, перенесся центр тяжести римской внешней политики на Восток, задумал, судя по всему, решить парфянскую проблему раз и навсегда. Считается, что в самом начале его правления между ним и Пакором⁵⁸⁸ возник спор по какому-то пограничному вопросу, но вряд ли именно это определило его дальнейшие действия.

У Пакора, вероятно, хватало трудностей и без отношений с римлянами. Его монеты в это время чеканились в Селевкии-Ктесифоне с большими перерывами, причем один составил пять лет (88–93 годы), а другой — восемь (97–105 годы). Мы знаем, что в 105/106 году в Парфии появился еще один царь — Вологез II, а в 109/110 году чеканить свои монеты стал Хосрой — брат или зять Пакора⁵⁸⁹. Между Вологезом II и Хосроем началась борьба за трон⁵⁹⁰, но при этом и Пакор продолжал существовать и править какой-то частью страны. Как все это уживалось вместе, трудно сказать.

Последний датированный выпуск монет Пакора относится к 96/97 году, что дало повод предположить, что вскоре после

этого Пакора уже не было в живых. Но согласно китайским источникам, в 101 году парфянский царь Мань-цю, которого принято отождествлять с Пакором, послал китайскому императору в дар львов и страусов⁵⁹¹. Есть и еще одно свидетельство в пользу того, что Пакор пребывал в добром здравии и продолжал играть важную роль в парфянской политике. Царь даков Децебал, долго и кроваво воевавший с Траяном, подарил Пакору раба Каллидрома — судя по имени, грека, который несколько лет жил при Пакоре. В конце концов ему досталась гемма с изображением Пакора⁵⁹². Можно предположить также, что Пакор отправил в помощь дакам парфянских катафрактов, — во всяком случае, одетые в броню воины на колонне Траяна, которые считаются сарматами, с таким же успехом могут считаться парфянами⁵⁹³. И, вероятно, именно Пакора II упоминает в одной из своих поэм Марциал⁵⁹⁴. В 110 году⁵⁹⁵ Пакор решил заработать, продав Абгару VII, сыну адиабенского царя Изата, Осроену, которая в свое время входила в состав армянской державы Тиграна II, а затем перешла к парфянам; при этом Осроена осталась в вассальной зависимости от Парфии.

О дальнейшей судьбе Пакора ничего не известно, хотя есть сведения о его монетах, чеканенных в 115/116 году⁵⁹⁶. Зато в источниках появляются его сыновья. Его сын Аксидар примерно в 110 году или немногим позже занял армянский трон, причем поспособствовал ему в этом Хосрой, который сверг правившего в Армении Тиридата (об этом Тиридате мы почти ничего не знаем)⁵⁹⁷. Видимо, Хосрой, когда это произошло, уже окончательно сменил Пакора и утвердился в качестве парфянского царя. Судя по всему, действия Хосроя в Армении вызвали недовольство Рима и стали поводом римских кампаний против Армении и Парфии, которые, впрочем, все равно назревали⁵⁹⁸.

Траян к этому времени одолел даков и мог вплотную заняться Парфией, тем более что к этому его вынуждало происходящее в Армении. К тому же он знал, что Парфия, которую претенденты на престол рвут на части, переживает состояние анархии, и это повышало соблазн отхватить часть ее территории. Осенью 113 года, предположительно 27 октября⁵⁹⁹, Траян отбыл морем из Рима, что, собственно, можно считать

первым актом военной кампании⁶⁰⁰. В Афинах его уже ждало парфянское посольство: убоявшийся войны Хосрой просил о мире и предлагал заменить Аксидара на армянском троне, которого, впрочем, он уже успел сместить, его братом Партамазирисом. Траян не удостоил послов ответом и отказался принять привезенные ими подарки⁶⁰¹.

Затем он отправился, возможно по морю, в Эфес⁶⁰² и далее через Ликию в Киликию, а в начале 114 года уже был в Антиохии⁶⁰³, куда также прибыли послы с изъявлением лояльности и подарками от правителя Осроены Абгара VII, который пытался лавировать между парфянами и римлянами, всеми силами демонстрируя дружеские чувства как к тем, так и к другим. Из Антиохии Траян совершил поездку в Гелиополь, чтобы задать тамошнему оракулу вопрос об исходе войны с Парфией⁶⁰⁴. Кроме того, находясь здесь, он принял участие в освящении в храме Юпитера части добычи, захваченной у даков, по поводу чего будущий император Адриан сочинил стихи⁶⁰⁵.

Подготовка к войне велась тщательно. Против Парфии были собраны значительные силы: в дополнение к легионам, постоянно дислоцированным в Палестине и Сирии, из Паннонии были переброшены ветераны, прошедшие через дакийские войны, а также легионы из Египта⁶⁰⁶. Мы не обладаем полной информацией о войсках, которыми располагал Траян, но наверняка можем утверждать, что против парфян были готовы выступить IV Скифский⁶⁰⁷ и VI Железный⁶⁰⁸ легионы из Сирии, X «Легион из пролива»⁶⁰⁹ и по крайней мере часть III Киренаикского легиона⁶¹⁰ из Иудеи, а также XVI Стойкий Флавиев из Коммагены⁶¹¹. К ним, возможно, следует добавить I Вспомогательный, II Неустрашимый Траянов, VII⁶¹² и XI Клавдиевы, XV Аполлонов и XXX Победоносный Ульпиев легионы⁶¹³. Из Египта в Сирию также были отправлены многочисленные вспомогательные отряды под командованием префекта Валерия Лоллиана⁶¹⁴.

Из Антиохии Траян перебрался в Мелитену, поближе к армянской границе⁶¹⁵, и здесь получил заносчивое послание от Партамазириса, который к этому времени, без согласия римлян, возложил на себя царскую диадему и желал в этом своем новом качестве встретиться с Траяном. Не получив ответа, Партамазирис вскоре написал еще одно письмо, куда

более сдержанное, в котором просил прислать для переговоров наместника Каппадокии Марка Юния. Траян отправил к нему сына Юния; тем временем римляне без сопротивления вошли в Арсамосату⁶¹⁶. Сам же Траян явился в Саталу, дабы принять здесь прибывших продемонстрировать свою лояльность Риму правителей с Кавказа и Прикаспия. Среди них были царь албанов, которого Траян одарил золотом, а также цари иберов, сарматов и колхов⁶¹⁷. Особо Траян отличил богатыми подарками царя гениохов и махелонов Анхиала⁶¹⁸. Эти события, вероятно, нашли отображение на римских монетах с надписью REGNA ADSIGNATA (то есть «вверенные царства») ⁶¹⁹. Часть владетелей привели в Саталу к Траяну свои войска, в том числе брат иберийского царя Митридата Амазасп, который, однако, вскоре умер и был похоронен около Нисибиса⁶²⁰.

Обзаведшись многими совсем не лишними союзниками, Траян, наконец, решил встретиться с Партамазирисом, чего тот так долго добивался. Римский император принял армянского монарха в крепости Элегея, к западу от современного Эрзерума, в присутствии всей своей армии. Началась встреча с того, что Партамазирис снял диадему и положил к ногам Траяна. Армия при виде этой сцены радостно взревела, вообразив, что Партамазирис сдался на милость императора, а сама сцена впоследствии была изображена на римской монете с надписью REX PARTHVS («парфянский царь»)⁶²¹. Но Партамазирис вовсе не думал о сдаче — он надеялся, что диадема вернется к нему обратно, как это когда-то произошло с Тиридатом I. Однако он просчитался: в намерения Траяна не входило оставлять его на троне.

Поняв, что надежды его не оправдались, Партамазирис стал просить Траяна о разговоре с глазу на глаз, полагая в этом свой последний шанс. Разговор состоялся, но, видно, ничего приятного для себя Партамазирис не услышал, поскольку после него он выглядел взбешенным. Расставшись с Траяном, он бросился вон из римского лагеря, но легионеры, по приказу Траяна, не дали ему уйти. Партамазириса подвели к императору, и тот потребовал, чтобы следующий их разговор был при воинах, дабы его мог слышать каждый желающий. Партамазирис стал говорить, что явился к Траяну не как побежденный,

а лишь за тем, чтобы получить из его рук армянский трон. Траян же сказал, что у Армении больше не будет царя, так как с этого момента она становится римской провинцией⁶²².

Партамазирису и бывшим при нем парфянам было позволено уйти из римского лагеря, но армяне из его свиты, которые в одночасье стали римскими подданными, получили приказ остаться. Напоследок Партамазирис упрекнул Траяна за то, что он так с ним обошелся, поблагодарив, однако, за то, что он отпустил его с миром⁶²³. Но стоило бывшему армянскому царю выехать за пределы лагеря, как командир римского отряда, данного ему в сопровождение, убил его⁶²⁴. Позднее Траян заявил, что это было сделано по его приказу, поскольку Партамазирис заслужил наказание⁶²⁵.

Пока происходили эти события, римский полководец родом из берберов Луций Квиет, в свое время отличившийся в боях с даками, был послан привести в повиновение воинственных мардов, живших восточнее озера Ван⁶²⁶ и, как, во всяком случае, сообщает Арриан, преуспел в этом⁶²⁷. Примерно в это же время на границе земель лазов и сагинов⁶²⁸, недалеко от Железных Ворот, был оставлен римский гарнизон⁶²⁹.

Таким образом, покорение Армении и связанных с нею территорий шло своим чередом, причем давалось это значительно проще, чем можно было предполагать в начале кампании. Траян лично руководил решением этой задачи: отдавал приказы войскам, вникал в сведения, которые сообщали лазутчики, давал указания распускать ложные слухи о передвижении римских отрядов, делал выговоры провинившимся и т. д.⁶³⁰.

Когда Армения стала римской провинцией⁶³¹, туда был назначен наместник-прокуратор. До нас дошли имена первых троих — это Луций Катилий Север⁶³², Гай Атилий Клавдий⁶³³ и Тит Гатерий Непот⁶³⁴. Завоевание Армении было отмечено монетой с надписью ARMENIA, выпущенной на Крите⁶³⁵. А Траян в связи с этим событием присоединил к своему официальному титулу еще один, которым особенно гордился, — Optimus («Лучший») ⁶³⁶.

Убедившись, что Армения никуда из его рук не уйдет, Траян двинулся на юг, в сторону Мардина и Нисибиса, входивших в это время, вероятно, в состав Адиабены⁶³⁷. Здесь была взя-

та крепость Аденистра, где находился союзный парфянам правитель Адиабены Мебарсап, причем важную роль в этом сыграл центурион Сентий, ранее отправленный с посланием к Мебарсапу, который заточил его под арест⁶³⁸. Когда римляне подошли к Аденистре, Сентий поднял восстание среди пленных. Восставшие убили командира местного гарнизона и открыли ворота римлянам. Мебарсап бежал в собственно Адиабену⁶³⁹. Вслед за этим Луций Квиет без боя занял Сингару⁶⁴⁰, Либану⁶⁴¹ и, возможно, Тебету⁶⁴². Некто Манн, о котором известно только, что он правил территорией около Эдессы, отправил в помощь Мебарсапу своих воинов, но все они погибли в боях с римлянами⁶⁴³.

Продолжая свое победное шествие, римляне заняли столицу Осроены Эдессу. Как только Траян подошел к городу, Абгар VII отправил ему навстречу своего юного сына Арбанда. Траян попенял ему за то, что войска Абгара не участвовали в военной кампании римлян. Арбанд честно ответил, что причина в страхе, который Осроена испытывает перед парфянами. После этого перед римлянами предстал и сам Абгар, вышедший из города в сопровождении 250 катафрактов и заявивший, что готов добровольно отдать Осроену Риму, хотя сам немало заплатил за нее. Римлянам он преподнес дары — панцири, коней и 60 тысяч стрел. Траян принял три панциря и вернул остальное. Абгара он переназначил осроенским правителем, хотя, по Арриану, в Эдессе существовали силы, которые этого не хотели⁶⁴⁴.

Примерно в это время к Траяну явились послы от Манисара — вероятно, взбунтовавшегося парфянского вассала⁶⁴⁵, против которого начал поход Хосрой. Манисар успел захватить какие-то территории в Месопотамии и Армении и теперь сообщал, что готов отдать их римлянам. Траян, однако, отказался заключать с ним договор, заявив, что серьезно будет разговаривать с Манисаром лишь тогда, когда тот явится сам и подтвердит все свои обещания⁶⁴⁶. Насколько важным считали римляне личное изъявление покорности, свидетельствует военная экспедиция, затеянная против Спорака, правителя Антемусии — района между Каррами и евфратской Апамеей. Этот Спорак навлек на себя беду тем, что не явился вместе с прочими царьками, когда те прибыли продемонстрировать

Монета с изображением Хосроя I

свое повиновение силе римского оружия. В результате ему пришлось бежать из своего города Батны⁶⁴⁷.

Если не считать похода Хосроя против Манисара, источники ничего более не говорят о участии в военных действиях парфян. Можно предположить, что они предпочли в этот период сопротивляться силами своих верных вассалов — таких, как Мебарсап. Возникают вопросы: в чем причина бездействия парфян и где вообще была их армия? Ответ на них дают монеты, отчеканенные в Селевкии-Ктесифоне в 105/106 году и в последующие несколько лет. Судя по ним, Вологез II и Хосрой непрерывно воевали за власть в Парфии, причем монетный двор принадлежал то одному, то другому. Не забудем и Пакора, который, очевидно, какое-то время был третьим участником внутрипарфянской борьбы⁶⁴⁸. Претенденты на единоличную власть в Парфии ожесточенно бились между собой, им было не до внешнего врага. Страна пребывала в жутком хаосе, и организовать сопротивление римлянам было просто некому.

Завершив дела в Эдессе, Траян направился в Антиохию, где и провел зиму 114/115 годов, едва не став в начале 115 года⁶⁴⁹

жертвой катастрофического землетрясения, превратившего в руины большую часть города. Император со свитой, когда Антиохию и гору Касий близ нее сотрясали подземные толчки, обретался под открытым небом на ипподроме. Число жертв при этом достигло десятков тысяч, среди прочих погиб консул Марк Педон Вергилиан.

За кампанию 114 года, особенно за взятие Нисибиса и Батны, Траян получил победный титул* Parthicus («Парфянский»), окончательно закрепленный за ним римским Сенатом 20 февраля 116 года⁶⁵⁰, уже после захвата Ктесифона⁶⁵¹.

Всю зиму войска, оставленные в Нисибисе и его окрестностях⁶⁵², занимались строительством судов⁶⁵³. С наступлением весны эти суда перевезли по суше к Тигру, где из них стали делать мост для переправы. Пока из одних судов строили мост, с других, сновавших по реке, лучники прикрывали строителей, поскольку с противоположного берега велся непрерывный обстрел. Но когда переправа была наведена, враг ушел без боя⁶⁵⁴. Больше в источниках об этом флоте нигде не говорится, и остается предположить, что его построили только для того, чтобы преодолеть Тигр. После этого римские войска устремились вглубь Адиабены, которая, очевидно, находилась под контролем Хосроя⁶⁵⁵, и вскоре вся она была захвачена. Территория Адиабены вошла в новую римскую провинцию, названную Ассирией⁶⁵⁶.

Мы точно не знаем маршруты следования Траяна, но установить, каким путем шли при нем римские войска, можно, сравнив его кампанию с другими, более поздними и лучше описанными в источниках экспедициями. Бесспорно, что армия Траяна находилась на Евфрате, — об этом в письменных источниках есть многочисленные свидетельства⁶⁵⁷; кроме того, в Дура-Европос на Евфрате была воздвигнута триумфальная арка. Упоминаний в источниках о том, что на Тигре действовало еще одно римское войско, нет. Мы считаем, что часть армии Траяна спустились по Евфрату на судах, тогда как

* Отличие победных титулов от всех остальных в том, что они давались военачальнику (в республиканский период) или римскому императору только после военной победы. Траян, кроме победного титула, «Парфянский», носил также победные титулы «Германский» и «Дакийский».

другая часть шла параллельно реке. Периодически — там, где встречались утесы и изгибы реки, — эти две части расходились, например, в районе Дура-Европос⁶⁵⁸.

Римляне прошли мимо высокой стены, о которой говорили, что ее построила Семирамида⁶⁵⁹, прошли через города Фалигу⁶⁶⁰ и Дура-Европос, где соорудили упомянутую арку. Затем миновали Анату⁶⁶¹ и вышли к Озогардане, где был проведен смотр войск⁶⁶²; на месте этого смотра еще во времена Аммиана Марцеллина, то есть более чем через двести лет после описываемых событий, существовало специально устроенное для Траяна возвышение⁶⁶³. Ниже современного Багдада, где Евфрат и Тигр близко подходят друг к другу, были начаты работы по транспортировке всей флотилии к Тигру. Сначала хотели вырыть канал, но затем распространились слухи, что Евфрат расположен намного выше Тигра, и это, вероятно, заставило изменить первоначальный замысел. Есть также версия, что канал не стали рыть из-за того, что в реках был слишком низкий уровень воды, поскольку дело происходило глубокой осенью. Как бы то ни было, лодки перевезли к Тигру на повозках и на них — во всяком случае, часть войска — достигли Ктесифона, который сдался без боя. Здесь римляне захватили богатую добычу, в том числе золотой трон Хосроя и его дочь. Сам Хосрой бежал, как только Траян вошел в город⁶⁶⁴.

О Селевкии источники не говорят; возможно, она осталась в руках Пакора, поскольку здесь, опять-таки предположительно, чеканились в это время его монеты. Если принять версию, что Пакор был еще жив и во внутрипарфянских распрях, дабы вернуть трон, пытался найти в римлянах союзников, то им не было никакого смысла атаковать Селевкию.

В честь одержанных побед на монетах, датированных этим временем, была помещена надпись *PARTHIA CAPTA* («покоренная Парфия») ⁶⁶⁵. Монеты с легендой *ARMENIA ET MESOPOTAMIA IN POTESTATEM P.R. REDACTAE* («Армения и Месопотамия переданы под власть римского народа») были выпущены в ознаменование создания двух новых провинций⁶⁶⁶.

Взяв Ктесифон, император отправился вниз по Тигру с флотилией из 50 судов; сам он следовал на большой, плохо управляемой, но чрезвычайно искусно украшенной галере,

где во время движения собирал военный совет⁶⁶⁷. По пути было захвачено несколько городов, в том числе Акра⁶⁶⁸, Ората⁶⁶⁹ и Апамея-на-Тигре⁶⁷⁰, располагавшаяся в том месте, где Тигр разделяется, — налево течет сам Тигр, а направо — его приток Селас⁶⁷¹. Далее Тигр тек по землям Харакены, царь которой Аттамбел V, несмотря на угрозы парфян, продолжал хранить верность Траяну; это, впрочем, не было оценено по достоинству, и Аттамбел получил приказ впредь платить Риму дань⁶⁷². Есть указание на то, что, когда флотилия добралась до Персидского залива, здесь на берегу была воздвигнута статуя Траяна⁶⁷³. Судя по всему, это путешествие состоялось зимой 115/116 года.

Обратно Траян следовал через Борсиппу и остановился неподалеку от нее, в Вавилоне, где совершил жертвоприношение в комнате, в которой, как считалось, умер Александр Македонский⁶⁷⁴. В Вавилоне, в начале весны 116 года, его настигло известие, что взбунтовались территории, только что присоединенные к империи, причем многие оставленные там римские гарнизоны, подвергшись внезапному нападению, не смогли дать мятежникам должный отпор и были уничтожены. Произошло все это, надо полагать, из-за того, что римляне, как и прежде, не придавали значения разведке — в отличие от парфян.

В результате происшедших событий брат Хосроя Мехердат (форма имени Митридат) вернул Парфии часть территории в долине Среднего Евфрата. Правда, Мехердату сильно не повезло: он умер, упав с коня. Ему наследовал его сын Санатрук, который одновременно стал и царем Армении⁶⁷⁵. Этот Санатрук одержал несколько локальных побед над римскими отрядами, которые понесли большие потери.

Траян отправил против восставших две армии — под командованием Луция Квиета и Аппия Максима Сантры. Луций Квиет захватил после осады Нисибис, а затем сжег Эдессу, которой уже владели парфяне. Что же до Абгара VII, то он к этому времени бежал в Бактрию или Гирканию. Кроме того, Квиет, по приказу Траяна, перебил всех иудеев, которые во время восстания выступили с парфянами заодно⁶⁷⁶. В сущности, действия иудеев можно рассматривать в ряду других их антиримских выступлений в период владычества Рима на

Сестерций императора Траяна с надписью REX PARTHVS DATVS

Востоке. Другой римский полководец, Максим, оказался не столь удачлив: его армия была разгромлена, а сам он погиб от руки некоего Арбака (Аршака?) ⁶⁷⁷. Чуть позже римское войско, которым командовали Эруций Клар и Юлий Александр, безжалостно расправилось с Селевкией-на-Тигре, разграбив и предав город огню.

Хосрой направил на помощь Санатруку своего сына Партамаспата во главе большой армии. Но вскоре между двоюродными братьями Санатруком и Партамаспатом начались трения, о чем в конце концов узнали и римляне. Траян увидел в этом шанс разрушить всю парфянскую военную стратегию и, не скупясь на посулы, пригласил Партамаспата на тайную встречу. После этого Партамаспат повернул оружие против Санатрука и наголову разбил его войско, а затем захватил его самого и убил ⁶⁷⁸. За это Траян на созванном в Ктесифоне собрании парфян (вероятно, проримски настроенных) и римлян объявил Партамаспата царем и увенчал его диадемой ⁶⁷⁹, что нашло отражение на монетах с надписью REX PARTHVS DATVS («царь, данный парфянам») ⁶⁸⁰.

В Армении, однако, сопротивление римлянам продолжилось и после смерти Санатрука. Возглавил его Вологез II. Он столь успешно воевал против наместника Луция Катилия Севера, что тот оказался перед трудным выбором: или признать за Вологезом права на территорию и договариваться, или подвергнуть себя и свои отряды смертельной опасности. Север счел за благо заключить перемирие и обратился за инструкциями к императору. Траян, вникнув в ситуацию, отправил к Вологезу послов и согласился отдать ему часть Армении, опасаясь в случае продолжения военных действий потерять значительно больше — вплоть до того, что ему самому будет заперт выход из Месопотамии⁶⁸¹.

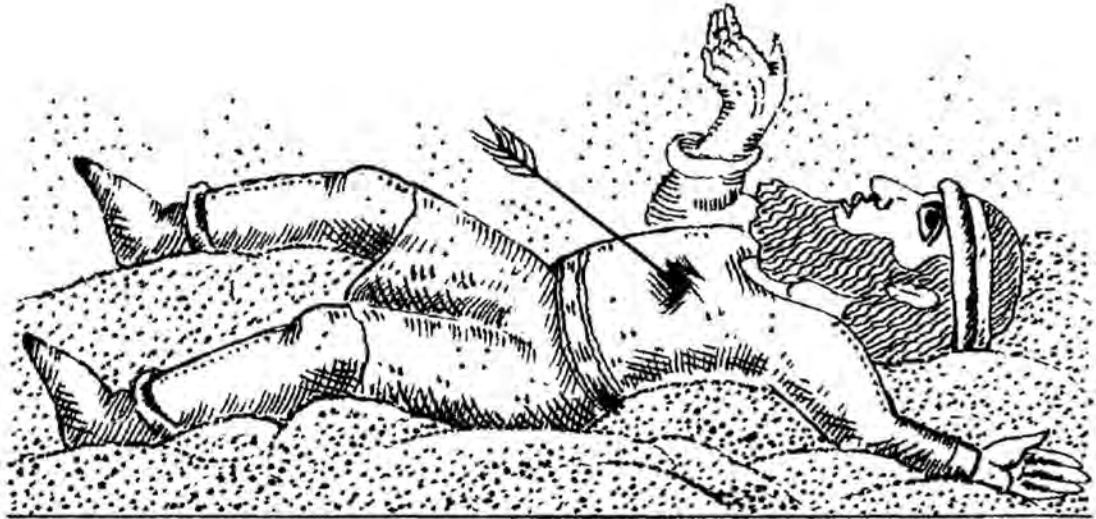
В конце весны 117 года Траян пошел⁶⁸² на север вдоль Тигра, оказался вблизи Хатры, которая, возможно, была центром парфянского сопротивления⁶⁸³, и осадил ее. Тут римляне с опозданием обнаружили, что в окрестностях нет ни еды для людей, ни корма для коней, очень мало воды, да и та весьма плоха. Дион Кассий пишет, что успеха осады не хотел бог солнца и, кроме того, римлянам досаждали тучи мух, которые настойчиво садились на пищу и падали в воду. Во время приступа возникла неразбериха, и Траян, которого затянуло в самый центр битвы, чудом остался жив, когда была отбита атака римской конницы и она в беспорядке отступила. Римляне смогли разрушить часть городской стены, но проникнуть в образовавшуюся брешь им так и не удалось. Прошло еще несколько дней страданий войска под палящим солнцем, и осада была снята⁶⁸⁴. Неудача под Хатрой послужила своего рода сигналом для отступления римских войск повсюду, причем не только с Тигра и Нижнего Евфрата, но даже из более северных городов, вплоть до Дура-Европос, откуда римляне ушли до наступления осени 117 года⁶⁸⁵.

Впрочем, весна еще не закончилась, как Траян задумался о новом походе в Месопотамию, поскольку стало ясно, что иначе новые провинции не удержать. Партамаспат лишился парфянского трона (позже, уже от императора Адриана, он утешился тем, что получил Осроену), и имеются основания считать, что вновь усилился Хосрой⁶⁸⁶. Но осуществить свои планы императору не было суждено. После осады Хатры он ощутил недомогание, а затем чувствовал себя все хуже и хуже

и, наконец, поняв, что болезнь одолевает, решил возвращаться в Рим. Траян умер в пути, в начале августа 117 года⁶⁸⁷.

Восточная кампания Траяна не была успешной, хотя иногда ее оценивают по-другому⁶⁸⁸. Во всяком случае, она оказалась бесполезной. Об этом говорит хотя бы то, что сам Траян видел необходимость повторить поход в следующем году. Неудача эта кажется тем большей, что силы парфян были разобщены и римляне не встретили, во всяком случае сначала, серьезного отпора. Но как только парфяне нашли способ объединиться, все изменилось — разгорелось антиримское восстание, заставившее императора трубить отступление. Его войска потерпели ряд поражений, самым чувствительным из которых стала гибель легионов Максима. Впрочем, подробное, в деталях, историческое исследование о кампании Траяна еще впереди.

Глава XI Гибель Парфянской империи

С восшествием на престол нового императора Адриана, пришедшегося Траяну двоюродным племянником, внешняя политика Рима круто изменилась. Не склонный, в отличие от дяди, к завоеваниям, Адриан тут же отказался от претензий на новые провинции, вернул их парфянам и уже осенью 117 года, посчитав, что дела на Востоке завершены, отправился на Дунай. Таким образом, граница между Римом и Парфией вновь пролегла по Евфрату⁶⁸⁹. В то же время, дабы восславить военные успехи Траяна, Адриан учредил Парфянские игры, которые происходили в течение многих лет⁶⁹⁰.

Парфия хотя и получила подарок от Адриана, все равно, насколько можно судить, лишилась в результате внутреннего раздора некоторых своих территорий. Так, известно, что к Адриану были отправлены послы из Бактрии⁶⁹¹, что, вероятно, говорит об обретении ею независимости. Как только римляне ушли, вновь, судя по всему, началась ожесточенная борьба за власть между Хосроем и Вологезом II. Постепенно в нее оказались втянуты и римляне, и к 123 году возникла угроза новой парфянской войны. Адриан, который весьма

дорожил установившимся миром, прибыл к Евфрату и сумел успокоить ситуацию⁶⁹². Видимо, в качестве акта миролюбия в 128/129 году римский император освободил дочь Хосроя, плененную Траяном десять с лишним лет назад при взятии Ктесифона, и пообещал отдать золотой трон⁶⁹³. Тем не менее год этот оказался для Хосроя несчастливым — видимо, он вынужден был окончательно уступить власть Вологезу и, возможно, даже умер; во всяком случае, мы не знаем монет Хосроя, выпущенных после 128/129 года⁶⁹⁴.

Вологез, который еще при Траяне завладел частью территории Армении, около 136 года вынужден был воевать с аланами⁶⁹⁵, которые, подстрекаемые иберийским царем Фарсманом II, напали на Албанию, затем вторглись в Мидию Атропатену и пошли дальше в Армению и Каппадокию. Вероятно, об этом нашествии аланов упоминает арамейский летописец Мешихазеха⁶⁹⁶. Он пишет о войске, которое напало на Гордиену. Против этого войска выступила 20-тысячная парфянская армия, набранная Вологезом в Ктесифоне. Командовали ею царь Адиабены Рахбахт и полководец, которого Мешихазеха называет «Аршак» (как мы знаем, это тронное имя, но в данном случае речь не идет о парфянском царе). Врагу удалось заманить парфян в западню, и спастись — стараниями Рахбахта, который бился героически и сам погиб в сражении, — смогли немногие. После этого перед врагами парфян открылась дорога на Месопотамию. Но тут фортуна оказалась на стороне парфян, так как вдруг на родные места их врагов напал еще один народ, и они ушли на восток, чтобы защитить свою территорию. Надо полагать, что либо народ, напавший на Гордиену, либо те, кто напали на этот народ, либо и те, и другие были аланами. Есть сведения, что Вологез, не в силах остановить алан силой, безуспешно пытался откупиться от них. Настоящей же преградой на их пути стали римские войска, расквартированные в Каппадокии, которыми командовал историк Флавий Арриан, бывший тогда здесь наместником. Поскольку участие иберийского царя в этих событиях было очевидно, Вологез (что лишний раз подчеркивает приемлемые в это время отношения Парфии и Рима) пожаловался на Фарсмана Адриану⁶⁹⁷. Тот и сам был настроен к Фарсману враждебно, так как территориальные

Монета с изображением Вологеза III

претензии иберийского царя касались земель, находящихся под римским протекторатом. Фарсман был приглашен в Рим, но ответил отказом, резонно рассудив, что ничем хорошим для него это не кончится. После этого он и Адриан обменялись оскорблениями⁶⁹⁸.

Следует заметить, что, по данным нумизматики, между 128/129 и 147 годами, то есть в период между последним следом в истории Хосроя и концом правления Вологеза II, на территории Ирана был еще один царь — Митридат IV, о котором в письменных источниках упоминаний нет. Имя его нам сообщают бронзовые монеты с легендами на пехлеви и изображениями орла, буйволов, коней⁶⁹⁹.

После смерти в 138 году Адриана императором стал усыновленный им Антонин Пий. Во время его правления на парфянской границе царило спокойствие — по крайней мере не происходило ничего, что могло бы привлечь внимание римских историков. В мае 148 года в Парфии начал чеканить свои монеты Вологез III, которому трон, вероятно, достался после смерти отца по наследству, то есть без борьбы⁷⁰⁰. Он

правил примерно до конца марта 192 года, причем начал свое правление весьма воинственно, с планов подчинить себе всю Армению. Поход против армян, по утверждению античных авторов, не состоялся лишь потому, что его предостерег от этого в своем письме Антонин Пий⁷⁰¹. Но как бы то ни было, для Рима это был тревожный сигнал, на который надо было реагировать, и в Сирию в качестве предупреждения парфянам были посланы дополнительные войска⁷⁰².

Впрочем, римляне имели достаточно свидетельств о внутренней слабости Парфии и чувствовали себя вполне уверенно. В это же время Антонин принимал посольство от гирканцев и бактрийцев⁷⁰³, ощущавших себя властителями собственных территорий и действующих без оглядки на Парфию. Чуть позже римляне возвратили в Осроену престарелого Абгара VII⁷⁰⁴, который после кампании Траяна скрывался от парфян в Бактрии или Гиркании. О слабости парфян говорит и отказ Антонина вернуть золотой трон Хосроя, хотя это уже было обещано Адрианом⁷⁰⁵.

Тем не менее в 161 году, получив известие о смерти Антонина Пия и вступлении на престол соправителей Марка Аврелия и Луция Вера, парфяне напали на Армению и свергли сидевшего на троне царя Сохема, посаженного римлянами вместо парфянского ставленника царя Вагарша I, который утвердился на троне после кампании Траяна и был признан в свое время Адрианом. Вологез, горевший желанием отомстить за прежние поражения парфян, видел в этом восстановление справедливости.

Против парфян выступил наместник Каппадокии Марк Седаций Севериан⁷⁰⁶, в распоряжении которого был всего один легион. Севериан шел той же дорогой, что и Траян, когда подвергся неожиданному нападению превосходящих сил парфян, которыми командовал военачальник Хосрой, и отступил в Элегею. Парфяне пошли за ним, взяли Элегею в осаду, и в состоявшемся трехдневном сражении почти всех римлян перебили, а Севериан покончил жизнь самоубийством⁷⁰⁷. Затем Вологез захватил Эдессу, низложил римского ставленника Мануса и посадил на осроенский трон некоего Ваала⁷⁰⁸, о котором мы ничего не знаем. Затем парфяне двинулись на юг, переправились через Евфрат, ударили по рим-

ским отрядам, занимавшим его западный берег⁷⁰⁹. Наместник Сирии Аттидий Корнелиан вынужден был отступить⁷¹⁰, хотя о проникновении парфян далеко вглубь римской территории речи пока не шло. Тем не менее положение складывалось критическое: местное население встречало парфян дружелюбно, и римляне стали всерьез опасаться, что оно выступит на стороне Вологеза⁷¹¹.

В Риме поняли, что надо принимать решительные меры, и в Сирию отбыл Луций Вер, чтобы взять на себя общее командование. С ним вместе отправились лучшие римские военачальники — Авидий Кассий, Стаций Приск и Марций Вер.

Были сосредоточены внушительные силы. Войска собирались отовсюду⁷¹². Три легиона — I легион Минервы под началом Марка Клавдия Фронтон⁷¹³, II Вспомогательный легион, командование которым позже принял на себя Квинт Антистий Адвент⁷¹⁴, и V Македонский во главе с Публием Марцием Вером⁷¹⁵ — пришли с Рейна и Дуная. Также в кампании участвовали частично или полностью легионы III Галльский⁷¹⁶, III Августов⁷¹⁷, I Вспомогательный⁷¹⁸, X Парный⁷¹⁹ и, предположительно, II Неустрашимый Траянов⁷²⁰.

Войска, которые были в Сирии дислоцированы постоянно, находились в ужасном состоянии — они были плохо вооружены, а некоторые воины никогда не участвовали в боевых действиях и не умели толком обращаться с оружием⁷²¹. Воевать с ними показалось Луцию Веру невозможным⁷²². Крайне встревоженный, он сделал попытку решить дело путем дипломатии, но Вологез отказался вести переговоры⁷²³. Тогда обескураженный Вер удалился в Антиохию, где устроил свой главный штаб. Здесь, не предпринимая никаких действий, он провел лето и осень в разного рода удовольствиях, а зимовать отправился в Лаодикею⁷²⁴. Ни один из источников не говорит о его личном участии в парфянской кампании, если не считать того, что он ненадолго, как утверждается, по настоянию своего штаба, съездил к Евфрату⁷²⁵.

К счастью для Рима, у армии были и более деятельные военачальники. В условиях самоустранения от командования императора за подготовку легионов к войне взялся уроженец Сирии Авидий Кассий⁷²⁶, известный как поборник строгой дисциплины. Пока он занимался муштровкой сирийских

войск, Стаций Приск в начале 163 года перешел армянскую границу, взял штурмом Артаксату⁷²⁷ и, низложив Аврелия Пакора⁷²⁸ (его имя указывает на римское гражданство), которого парфяне поставили править Арменией, восстановил на престоле Сохема⁷²⁹. Последнее событие зафиксировано надписью на монетах Луция Вера — REX ARMEN. DAT («царь, данный армянам») ⁷³⁰. На этих монетах Сохем стоит перед Вером, который сидит на троне в императорском облачении. Власть Сохема была подкреплена римским гарнизоном, который расположился в основанном Приском вблизи Артаксаты новом городе Кайнеполисе.

После этого в течение по меньшей мере года никаких военных действий не происходило, причем западный, сирийский берег Евфрата по-прежнему оставался за парфянами. Лишь в начале 164 года Кассий предпринял активные действия, решив захватить крепости Даусару и Никефорий на противоположном, парфянском берегу⁷³¹. Чтобы форсировать реку, был построен понтонный мост, причем весьма необычным для того времени способом — понтоны собирались в тылу, спускались на воду выше того места, где должен был появиться мост, и далее сплавлялись до нужного места. Строители моста были под постоянной защитой лучников, находившихся в башне на ближнем к чужому берегу понтоне⁷³².

Переправившись через Евфрат, Кассий пошел вдоль течения на юг и после осады заставил сдаться Даусару и Никефорий⁷³³. Затем опять в боевых действиях последовал годичный перерыв, во время которого римляне готовились к походу вглубь парфянской территории. В начале 165 года Кассий наконец продвинулся еще дальше на юг и после кровопролитного боя захватил⁷³⁴ Дура-Европос⁷³⁵. Победа была полная — парфянский полководец Хосрой бежал с поля битвы. С этого момента самая западная крепость парфян на следующие столет стала самой восточной крепостью римлян.

От Дура-Европос Кассий направился к Селевкии, где среди населения преобладали греки, всегда сочувствующие римлянам и встретившие их доброжелательно. В декабре 165 года был заключен какой-то договор, по которому, видимо, город должен открыться римлянам, избежав при этом штурма и разграбления, но что-то помешало его исполнить, и это по-

служило поводом для легионов, среди которых был III Галльский, пойти на приступ, в результате чего значительная часть Селевкии погибла в пожаре. Правда, раскопки в Селевкии свидетельствуют, что разрушения там были меньше, чем можно предположить на основании письменных источников⁷³⁶. Многие авторы, и среди них историк парфянских войн Азиний Квадрат, винят в нарушении мирного соглашения горожан, но есть и такие, кто возлагает вину за это на Кассия⁷³⁷. Возможно, нападение Кассия на Селевкию было связано с тем, что в городе уже после достижения договоренности с римлянами произошел переворот и пропарфянская партия одолела проримскую. После Селевкии римляне взяли также Ктесифон, разрушили царский дворец и многие другие здания, а его жителей обратили в рабство⁷³⁸.

Победа римлян была, казалось, полная, но тут на них свалилась неожиданная беда — в войске началась эпидемия, предположительно, оспы⁷³⁹. С каждым днем она выкашивала все больше солдат, и в конце концов оставшиеся в живых ушли из захваченных городов, побросав добычу⁷⁴⁰. Многие из них умерли на обратном пути⁷⁴¹, а те, кто дошли до сирийских городов, принесли с собой заразу, которая быстро распространилась дальше по римскому миру и дошла до Рейна и Галлии⁷⁴².

В общем, мы довольно мало знаем об этой войне, хотя сведения о ней, возможно, удастся расширить при условии, что мы сумеем разобраться во многочисленных, но, к сожалению, беспорядочно расположенных пассажах у Лукиана. Например, у него есть такие строки: «Аршак убивал женщину в то время, как евнух Арбак заносил над ним свой меч. Спатина-мидийца, убитого золотой чашей в бровь, волочили за ноги с пиршества телохранители»⁷⁴³.

Как только римляне ушли, парфяне растеклись по освобожденной ими территории. Сохем также не смог удержаться на армянском троне и бежал в Сирию. Но спустя всего несколько месяцев римляне нанесли контрудар, пройдя через Месопотамию и захватив Эдессу, в которую был возвращен ее прежний царь Манус⁷⁴⁴. Затем был взят Нисибис⁷⁴⁵. Во время этого похода римляне продвинулась так далеко, что по окончании его Вер имел полное право выпустить монеты

с легендой L. VERUS AUG. ARM. PARTH. MAX. MEDIC («Луций Вер Август Армянский Парфянский Величайший Мидийский») ⁷⁴⁶.

Несколько лет спустя — возможно, в 168 году — Марций Вер⁷⁴⁷, назначенный в 166 году наместником Каппадокии, послал своего подчиненного Фукидида⁷⁴⁸ в Армению, и тот в очередной раз посадил Сохема на армянский трон. Положение там, однако, продолжало оставаться сложным, пропарфянская партия никуда не делась и продолжала интриговать в пользу Вологеза, а тут еще прибывший из Парфии сатрап Тиридат убил вождя гениохов, живших на армянской территории. В конце концов ситуация настолько накалилась, что в Армению, дабы навести там порядок, решил отправиться Луций Вер⁷⁴⁹. Состоялись его переговоры с Тиридатов, во время которых обнаглевший парфянин сделал движение мечом в направлении императора. Любопытно, что римляне после этого сохранили ему жизнь, ограничив наказание высылкой в Британию⁷⁵⁰.

Итоги этой войны обозначили дальнейшее движение к гибели Парфянской державы. В сферу влияния Рима окончательно были возвращены Армения и Осроэна. Также за ним была закреплена вся территория к западу от реки Хабур, левого притока Евфрата. Империя завладела важной крепостью Дура-Европос и теперь контролировала караванные пути из Пальмиры в Вавилонию⁷⁵¹.

В 175 году Вологез, бывший уже в годах, сделал последнюю попытку возобновить борьбу против Рима, выбрав для этого, как ему, наверное, казалось, удачное время⁷⁵². В Риме назревала гражданская война, поскольку командующий римскими войсками на Востоке Авидий Кассий провозгласил себя императором, а действующий император Марк Аврелий находился на Дунае и, по слухам, тяжело болел (его соправитель Луций Вер умер в 169 году). Но мятеж Кассия был быстро подавлен, а Марк Аврелий вскоре появился на парфянской границе, и порыв парфянского царя угас.

Затем полтора десятилетия римско-парфянские отношения не были отмечены какими-либо важными событиями. В сентябре 191 года у Вологеза III появился соперник — об этом свидетельствуют монеты, которые выпустил в Селевкий Во-

Монета с изображением Вологеза IV

логез IV. В марте 192 года селевкийский монетный двор вновь начал чеканить монеты Вологеза III, но, видимо, это был последний год правления монарха, занимавшего парфянский трон более сорока лет⁷⁵³.

Перемены на парфянском престоле совпали с борьбой за власть в Риме, где в 193 году императоры менялись каждые три месяца. Из-за того, что две соперничающие державы погрузились в собственные внутренние распри, ситуация на Ближнем Востоке оставалась неясной. Одним из претендентов на власть в Риме был популярный военачальник Песценний Нигер, к началу римской смуты направленный наместником в Сирию. В апреле 193 года он объявил себя в Антиохии императором и получил поздравления и предложения помощи как от восточных вассалов Рима, так и от западных вассалов Парфии. Есть версия, что среди тех, кто изъявил желание помогать Нигеру, был и парфянский царь Вологез IV.

Нигер все эти предложения самоуверенно отверг, но затем, когда признанный императором в Риме Септимий Север,

собрав под свои знамена значительные силы, отправился на восток, он сам стал просить о помощи. Посланцы Нигера побывали во всех землях к востоку от Евфрата, но особые надежды Нигер возлагал на Армению и Парфию. В отношении Парфии эти надежды оправдались: в отличие от вассалов Рима, которые, оценив возможности сторон, быстро передумали помогать Нигеру, Вологез его поддержал. Солдат, правда, Нигеру прислали немного — в основном это были отряды, собранные парфянскими вассалами. При этом в самой Парфии начали набирать армию, явно готовясь к большой войне⁷⁵⁴.

Вскоре Нигер потерпел поражение, и его голова, дабы ни у кого в этом не осталось сомнений, была отправлена в Рим⁷⁵⁵. Когда еще исход борьбы Севера и Нигера ясен не был, Вологез, в надежде прибрать к своим рукам Осроену и Адиабену, через своих агентов устроил мятеж против местных правителей, после частичного успеха которого осроенские и адиабенские отряды осадили Нисибис, где засели сторонники Нигера⁷⁵⁶. Когда же Нигер пал, мятежники отправили к Северу послов с просьбой оплатить ту помощь, которые они ему якобы оказали, уничтожая войска его врага. При этом они обещали отдать императору захваченную добычу и взятых в плен римлян, но отказывались покинуть захваченные города или впустить в них римские гарнизоны, а также требовали, чтобы римляне вывели с их территории остававшиеся там отряды⁷⁵⁷.

Север на это, разумеется, не согласился и в конце весны 195 года вторгся на земли за Евфратом. В Эдессе к нему присоединился царь Осроены Абгар IX, в подтверждение своей лояльности Риму отдавший в заложники сыновей и принявший римское имя Септимий⁷⁵⁸. Затем Север направился к Нисибису, где устроил свою главную квартиру. Этот марш отнял у легионеров много сил, так как проходил по безводной местности во время сильной жары.

В Нисибисе Север разделил свою армию на пять частей, отдав их под начало своих полководцев. Титу Секстию Латерану⁷⁵⁹ и Тиберию Клавдию Кандиду⁷⁶⁰ было приказано разорить окрестные территории. Три отряда под командованием Публия Корнелия Ануллина⁷⁶¹, Проба⁷⁶² и Лета⁷⁶³ были посланы в район Месопотамии, который Дион Кассий называет Архэ (его местоположение не установлено)⁷⁶⁴. Здесь Севера

получил три приветствия от Сената, который присвоил ему титулы «Parthicus Arabicus» («Парфянский [и] Арабский»), «Parthicus Adiabenicus» («Парфянский [и] Адиабенский») ⁷⁶⁵ и «Parthicus Maximus» («Парфянский Величайший»). От третьего титула он отказался ⁷⁶⁶, вероятно, желая принять его, как Траян, после захвата парфянской столицы.

Император начал готовиться к вторжению на территорию собственно Парфии, но тут в Галлии поднял мятеж Клодий Септимий Альбин, которого Север в силу политических соображений сначала усыновил и сделал своим соправителем, а затем отдалил от себя. Север остановил все свои приготовления и срочно отправился на запад империи. Воспользовавшись этим, Вологез IV быстро продвинулся на север и осадил Нисибис, который римлянам удалось удержать с большим трудом ⁷⁶⁷.

Отчасти помогло им в этом то, что Вологеза отвлекли дела на восточных рубежах Парфии, где взбунтовались мидийцы и персы ⁷⁶⁸. Он выступил против мятежников и едва не погиб в Хоросане, попав со всей своей армией в ловушку. Дошло до того, что многие парфяне бросили лошадей и попытались уйти горными тропами, где и нашли свою гибель от рук преследователей. Но в то же время были в парфянском войске и такие, кто сумел сохранить хладнокровие, перестроиться и ударить по врагу. Благодаря этому ситуация в конце концов переменилась, и парфяне погнали мятежников, как утверждает Мешихазеха, до самого моря — вероятно, речь идет о море Каспийском. Затем парфянская армия разбила в двухдневном сражении еще одну армию мятежников, и Вологез поспешил обратно ⁷⁶⁹, дабы, пока римляне решают внутренние проблемы, по возможности, обезопасить свои западные границы.

Прежде всего он решил наказать царя Адиабены Нарсеса, который отказался помочь ему в восточном походе и, не исключено, был лоялен к римлянам. Вологез вторгся в Адиабену и преследовал Нарсеса, разрушая его города и опустошая их окрестности, до тех пор, пока не захватил его в плен и не утопил в реке Большой Заб ⁷⁷⁰. Возможно, у Вологеза были и другие планы, но во второй половине 197 года в Сирию вернулся Север, и все вскоре поменялось: парфянский царь превратился из преследователя в преследуемого.

Собственно, подготовку к парфянскому походу император начал сразу после того, как в феврале 197 года в битве при Лугдунуме одолел Альбина. В рамках этой подготовки были набраны три новых легиона — I, II и III Парфянские⁷⁷¹; кроме того, планировалось, что в походе примет участие часть III Августова легиона⁷⁷². Высшие командные посты в армии Севера занимали Стацилий Барбар⁷⁷³, Луций Фабий Цилон⁷⁷⁴, Квинт Лоллиан Генциан⁷⁷⁵ и Гай Фульвий Плавтиан⁷⁷⁶.

Весной 198 года Север перешел через Евфрат и двинулся на выручку Нисибису, который все еще пребывал в осаде. Однако парфяне не приняли сражения и ушли от стен города перед самым появлением римлян⁷⁷⁷. Север же вернулся к Евфрату, погрузил там часть армии на заранее приготовленные корабли и в сопровождении другой ее части, идущей пешим порядком, тем же, вероятно, путем, что и Траян, достиг к осени⁷⁷⁸ парфянской столицы. Селевкия, судя по всему, сдалась римлянам без боя, но Ктесифон оказал серьезное сопротивление — поэтому ему, видимо, досталось от победителей больше всего — город был разграблен и разрушен⁷⁷⁹. Здесь Север, наконец, принял титул «Парфянский Величайший»⁷⁸⁰.

Но долго в Ктесифоне и его окрестностях римская армия не задержалась, так как здесь явно не хватало продовольствия для людей и корма для коней. Опять разделившись на две части, армия Севера двинулась по суше и по воде — теперь по Тигру. Подойдя уже в 199 году к Хатре, Север, как и Траян, осадил ее, но тоже потерпел неудачу. В бесплодных попытках штурма было потеряно много солдат, к тому же защитникам города удалось уничтожить римские осадные машины. Поэтому Север отступил, предположительно к Нисибису, чтобы лучше подготовиться для нападения на город в следующем году.

Он и в самом деле явился к Хатре с новыми осадными орудиями, но эта его кампания оказалась столь же неудачна, как и предыдущая. Гарнизон Хатры действовал весьма умело, и осадные орудия римлян вновь, за малым исключением, были разрушены. В то же время орудия, бывшие в городе, продолжали действовать. Они выпускали сразу по две тяжелых стрелы и поражали римлян на значительном удалении; легионы терпели большой урон, и даже жизнь императора, когда он поднимался на возвышенность, чтобы лучше видеть

происходящее, подвергалась опасности — стрелами со стен Хатры были убиты несколько его телохранителей⁷⁸¹. Когда же римляне шли на приступ, в головы им летели горшки с горячей нефтью и сосуды с насекомыми.

Невероятными усилиями нападавшим удалось пробить брешь во внешнем кольце укреплений Хатры. Но тут защитникам города неожиданно сыграла на руку алчность римского императора. Уверенный, что Хатра теперь никуда от него не денется, Север специально отложил на сутки решающий штурм, чтобы наверняка присвоить сокровища, которые хранились в храме бога Солнца, и не делиться ими с legionерами, так как считал, что они уже достаточно обогатились при разграблении Ктесифона. Горожане, однако, воспользовались передышкой и всего за одну ночь восстановили стену. Увидев, что все придется начинать сначала, legionеры, прибывшие из Европы, отказались идти на штурм. Солдаты, набранные в Сирии, оказались на свою беду более сговорчивыми — они полезли на стены и были перебиты. После этого, поняв, что еще немного, и он останется без войска, Север ушел в Сирию⁷⁸².

Очевидно, что парфянская кампания вряд ли принесла Северу удовлетворение. Ему не удалось захватить новые территории вне прежней сферы влияния Рима, а людские потери оказались столь тяжелы, что впору было говорить не о победе, а о поражении — тем более что все завершилось провалом осады Хатры. Однако нельзя не признать и то, что поход Севера значительно ослабил Парфию. Вновь подверглись опустошительному вторжению ее западные территории, вновь были разрушены столицы — причиненный ущерб, надо думать, ускорил ее движение к гибели.

После ухода Севера из Хатры источники теряют интерес к Парфии. У нас нет никаких сведений о ней вплоть до 207/208 года⁷⁸³, когда Вологеза IV сменил на парфянском троне его сын — Вологез V⁷⁸⁴. Да и о последующих нескольких годах данных немного, и мы вынуждены пользоваться косвенной информацией, понимая, что она, так или иначе, затрагивает Парфию.

Так, ставший в 211 году императором Каракалла выманил в Рим правителя Осроены Абгара IX, который слишком усилился и начал претендовать на самостоятельность в принятии

Монета с изображением Вологеза V

решений. В столице империи прибывший с дружественным визитом Абгар был посажен под арест и обратно уже не вернулся. Осроена же была подчинена прямому римскому правлению. Ту же операцию провернули с царем Армении и его сыновьями, которые конфликтовали между собой. Их уговорили приехать в Рим якобы для того, чтобы здесь, под эгидой римлян, они договорились о мире, и поступили с ними точно так же, как и с царем Осроены. Но в отличие от осроенцев армяне подчиниться римлянам отказались и восстали⁷⁸⁵.

Примерно в это же время, около 213 года, в Парфии началась новая междоусобица — на этот раз между Вологезом V и его братом Артабаном V⁷⁸⁶, который правил в Мидии и чеканил свои монеты в Экбатане, но теперь, судя по всему, решил распространить свою власть на Месопотамию. Письменная традиция утверждает, что ссору между венценосными братьями подстроил Каракалла, дабы таким образом ослабить Парфию. В то же время Дион Кассий считает, что парфянская междоусобица произошла по воле случая, а римский император просто приписал себе заслугу, которой не было⁷⁸⁷.

В любом случае, Каракалла решил воспользоваться хаосом в Парфии и отыскал предлог для войны против нее в нежелании парфян выдать ему армянского царевича Тиридата и философа-киника Антиоха из Киликии. Когда-то этот киник получил похвалу и деньги от Севера и Каракаллы за то, что поднимал дух замерзающих на лютom морозе легионеров, валяясь голым в снегу. Но затем он примкнул к Тиридату и вместе с ним переметнулся к парфянам⁷⁸⁸.

Зиму 214/215 года Каракалла провел в Никомедии, где наблюдал за сооружением двух очень больших осадных машин, которые затем разобрали, чтобы в таком виде доставить в Сирию водным путем⁷⁸⁹. Насколько мы можем судить, для участия в кампании полностью или отдельными когортами были предназначены следующие легионы: I и II Вспомогательные⁷⁹⁰, II Парфянский⁷⁹¹ под командованием Элия Деция Трициана, III Августов⁷⁹², III Итальянский⁷⁹³, III Киренаикский, IV Скифский, а также какие-то части, набранные в Германии⁷⁹⁴. Узнав, какая сила против них направлена, парфяне сочли за лучшее выдать Тиридата и Антиоха, и Каракалла решил на время поход против Парфии отложить. Вместо этого он отправил армию под командованием вольноотпущенника Феокрита против армян, а сам проследовал в Антиохию, где провел зиму 215/216 года. Здесь его настигло известие, что Феокрит потерпел жестокое поражение⁷⁹⁵.

Тем временем Артабан одолел Вологеза и к 216 году завладел Месопотамией, хотя Вологез еще по меньшей мере шесть лет сохранял какие-то территории и чеканил свои монеты в Селевкии⁷⁹⁶. В начале 216 года Каракалла направил к Артабану посольство с предложением жениться на его дочери. Таким образом, возможно, он надеялся объединить под своим правлением две великие державы, но, поскольку положительный ответ был маловероятен, то можно предположить, что Каракалла просто хотел получить повод к войне⁷⁹⁷. Впрочем, Геродиан, чьи сведения заслуживают самого осторожного подхода, утверждает, что Артабан ответил согласием. После этого Каракалла якобы переправился через Евфрат и отправился к «резиденции Артабана», причем повсюду в его честь совершали жертвоприношения, украшали венками алтари, подносили благовония и курения. По прибытии римского

императора к парфянскому двору состоялось празднование, и в самый его разгар, когда парфяне, отложив в сторону оружие, предались веселью, римляне напали на них и многих убили. Правда, Артабану удалось бежать⁷⁹⁸. Трудно сказать, насколько соответствует истине этот странный рассказ. Факты же говорят о том, что в 216 году Каракалла разорил большую часть Мидии, разрушил много крепостей и захватил Арбелу, где приказал вырыть кости парфянских царей и разбросать их по округе⁷⁹⁹.

На этом война еще не была окончена, так как Артабан отступил в горную местность и готовился продолжать борьбу. Но Каракалла уже сообщил о победе Сенату⁸⁰⁰. В Риме состоялось празднование, и были выпущены монеты с надписью VIC (TORIA) PART (HICA) («победа над Парфией») ⁸⁰¹. То, что с празднованием поспешили, убедительно доказал Артабан, который весной 217 года выступил в поход и уничтожил несколько римских гарнизонов в Месопотамии⁸⁰². Каракалла впал в растерянность, поскольку по характеру своему совершенно не способен был преодолевать трудности. Над римлянами из-за его бездействия возникла угроза поражения, но тут в дело вступил префект претория* Макрин — он составил заговор, и 8 апреля 217 года Каракалла был убит по дороге из Эдессы в Карры⁸⁰³.

В лагере легионеров в Эдессе состоялись выборы нового императора, и за неимением других кандидатов выбран был Макрин, который не пользовался у легионеров особой популярностью. Новый император решил, что у Рима сил для ведения победной войны сейчас недостаточно. Поэтому он предложил Артабану мир, вернул ему захваченных в плен парфян и осудил поведение Каракаллы, надругавшегося над царскими могилами. Артабан, однако, счел, что всего это мало — он потребовал вернуть Месопотамию, восстановить за римский счет разрушенные парфянские города и возместить золотом ущерб за поруганные гробницы.

На эти условия Макрин пойти не мог, и война продолжилась. Две армии встретились неподалеку от Нисибиса, причем

* Одно из высших должностных лиц в Римской империи, ближайший помощник императора, часто командующий войсками.

сражение не было подготовлено ни теми, ни другими — все началось со стычки парфянских и римских воинов у колодца. Битва продолжалась с переменным успехом три дня, причем парфяне получали преимущество за счет действий конницы и дромедариев (наездников на верблюдах). Чтобы помешать вражеской коннице, римляне разбрасывали перед ней железные предметы с шипами. В ближнем бою legionеры были лучше, но этого оказалось мало, и можно утверждать, что в целом успех сопутствовал парфянам⁸⁰⁴, которые численно превосходили противника. Пользуясь численным перевесом, они охватили фланги римлян и, по сути, заключив легионы в кольцо, нанесли им значительный урон.

После этой битвы Макрин еще более уверился во мнении, что Рим не готов к большой войне, и потратил на подарки Артабану и влиятельным парфянам, только бы они согласились на мир, двести миллионов сестерциев⁸⁰⁵. В сообщениях Сенату все это было представлено как великая победа, и из Рима Макрину предложили принять титул «Parthicus», но от этого у него хватило совести отказаться. Впрочем, в 218 году отчеканили монеты с надписью VICT (ORIA) PART (HICA)⁸⁰⁶. Но Макрину, бездарному полководцу и не самому храброму человеку, все это не помогло. После заключения мира он удалился в Антиохию, где погрузился в разного рода удовольствия, совершенно забыв о нуждах армии. Это привело к не самым выгодным для него сравнениям с Каракаллой, который вообще не покидал войска, и Макрина постепенно начали оставлять сторонники. В конце концов, опасаясь переворота, он вынужден был бежать, одевшись простым солдатом, но был пойман и убит где-то в окрестностях Антиохии. Такая же участь ждала его сына Диадумена, которого он сделал своим соправителем⁸⁰⁷.

Для Парфии все это уже не имело никакого значения, поскольку судьба ее была predetermined иными событиями. Правда, для нас последние годы ее падения и соответственно возвышения державы Сасанидов покрыты туманом, поскольку римские авторы не уделили им особого внимания. Арабские источники тоже о событиях этих лет мало что говорят, поскольку они лучше информированы о сасанидском периоде, чем об аршакидском. Мы знаем лишь, что конец

положил империи Аршакидов мятеж, который начался около 212 года. Во главе его стоял Ардашир, сын Папака, происходивший из династии Сасанидов, которые правили в Парсе, сохраняя некую автономию от центральной власти Парфии. Ардаширу удалось расширить свою территорию, постепенно подчиняя соседних царьков, и, усилившись, он убедил своего отца выступить против Артабана V, тем более что тот в это время воевал со своим братом Вологезом V и готовился воевать с римлянами. Папак принял титулы «бог» и «царь», затем ему наследовал сын Шапур, который вскоре, однако, погиб под упавшей на него стеной, и наконец царем стал Ардашир⁸⁰⁸.

Под его руководством около 220 года образовался антипарфянский союз, в который вошли какие-то мидийские владетели, Шахрат из Адиабены и царь Домициан из Киркука. Союзники вторглись в Месопотамию, подобно римским императорам попытались, но не смогли взять Хатру, затем опустошили Забдицену и Арзанену в среднем течении Тигра⁸⁰⁹. В сражении с ними, судя по всему, погиб Вологез V, чьи последние монеты датируются 222/223 годом⁸¹⁰. Артабан V также потерпел поражение и, как считается, был убит около 227 года, а вся территория Парфии перешла к Ардаширу. Несколько лет после борьбы против сасанидского царя продолжал сын Артабана Артавазд, бежавший в горы с остатками парфянской армии, но в конце концов его пленили и казнили в Ктесифоне⁸¹¹.

Так закончила свои дни Парфянская империя, которая долгое время была достойным соперником Рима, но в последние годы своего существования сильно обветшала и потеряла жизнеспособность. Приход на ее территорию Сасанидов означал многие перемены в системе управления, социально-политической структуре и культуре.

Список сокращений

- A. U. C. — Anno Urbis Conditaе (год от основания города [Рима])
Acad. des inscr. et belles-lettres, Mém. de litt. — Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Mémoires de littérature. Paris
AJA — American Journal of Archaeology. Baltimore
AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago
AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
Amm. Marcel. — Ammianus Marcellinus
Ampelius — Lucius Ampelius. Liber memorialis / Ed. E. Assmann. Lipsiae, 1935
Ann. Rep. Archaeol. Survey of India — Annual Report of the Archaeological Survey of India. Calcutta
Année épig. — L'Année épigraphique. Paris
Anthol. Palat. — Anthologia Palatina
APAW — Abhandlungen der Preussische Akademie der Wissenschaften. Berlin
Appian. *Bell. civ.* — Appianus. *Bella civilia*
Appian. Mith. — Appianus. *Mithridatica*
Appian. *Syr.* — Appianus. *Syriaca*
Archiv or. — Archiv orientální. Praha
Aristides. *Or. sac.* — Aelius Aristides. Orationes sacrae / Ed. G. Dindorfius. Lipsiae, 1829
Asin. Quad. — Asinius Quadratus. *Parthica*
Athen. Deip. — Athenaeus. *Deipnosophistae*
Babyl. and Or. Record — The Babylonian and Oriental Record. London
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies. London
Caesar. *Bell. civ.* — Gaius Julius Caesar. *Bellum civile*
Caesar. *Bell. Gall.* — Gaius Julius Caesar. *Bellum Gallicum*
CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge
Capit. — Julius Capitolinus // Scriptores historiae Augustae
CHI — The Cambridge History of India. New York
Cicero. *De div.* — Marcus Tullius Cicero. *De divinatione*
Cicero. *De domo sua* — Marcus Tullius Cicero. *Oratio de domo sua*
Cicero. *Ep. ad Att.* — Marcus Tullius Cicero. *Epistolae ad Atticum*
Cicero. *Ep. ad fam.* — Marcus Tullius Cicero. *Epistolae ad familiares*

- Cicero. *Manil.* — Marcus Tullius Cicero. *Oratio pro lege Manilia*
 Cicero. *Pro rege Deiotaro* — Marcus Tullius Cicero. *Oratio pro rege Deiotaro*
 Cicero. *Pro Scauro* — Marcus Tullius Cicero. *Oratio pro Scauro*
 CIG — Corpus inscriptionum Graecarum. Berolini, 1828–1877 (продолжение: IG)
 CII — Corpus inscriptionum Indicarum. Calcutta
 CIL — Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini
 Class. Rev. — Classical Review. Boston
 Claudian. *Paneg. tertio (etc.) cons. Hon.* — Claudius Claudianus. *Panegyricus de tertio (etc.) consulatu Honorii Augusti*
 CPh — Classical Philology. Chicago
 CR — Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris
 CSCO Syr. — Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Scriptores Syri. Parisiis
 Dessau — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. Berolini
 Dio Cass. — Cassius Dio Cocceianus
 Diod. Sic. — Diodorus Siculus / Ed.C. Müllerus. Parisiis, 1855
 Encyc. Brit. — Encyclopaedia Britannica. 14th ed. London; New York, 1929
 Epig. Ind. — Epigraphia Indica. Calcutta
 Euseb. *Chron.* — Eusebius Pamphilus. *Chronicon* // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte: Eusebius. V / Ed.J. Karst. Leipzig, 1911
 Euseb. *Hist.* — Eusebius Pamphilus. *Ecclesiasticae historiae* // Die griechischen christlichen Schriftsteller: der ersten drei Jahrhunderte: Eusebius. II, I / Ed.E. Schwartz, Th. Mommsen. Leipzig, 1903
 Eutrop. *Brev.* — Eutropius. *Breviarium historiae Romanae* / Ed.F. Rühl. Lipsiae, 1887
 FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / Ed.C. Müllerus. Parisiis, 1848–1874
 Frontinus. *Strat.* — Sextus Julius Frontinus. *Strategematon*
 Fronto. *De bell. Parth.* — Marcus Cornelius Fronto. *De bello Parthico*
 Fronto. *Epist.* — Marcus Cornelius Fronto. *Epistolae*
 Fronto. *Princ. hist.* — Marcus Cornelius Fronto. *Principia historiae*
 Gardner. Parthian Coinage — Gardner P. The Parthian Coinage. London, 1877.
 Gellius. *Noct. Att.* — Aulus Gellius. *Noctes Atticae*
 Grattius — Grattius. *Cynegeticon*
 Herodian. — Herodianus / Ed.K. Stavenhagen. Lipsiae, 1922
 Horat. *Carmen saec.* — Quintus Horatius Flaccus. *Carmen saeculare*
 Horat. *Ep.* — Quintus Horatius Flaccus. *Epodi*
 Horat. *Epist.* — Quintus Horatius Flaccus. *Epistolae*
 Horat. *Sat.* — Quintus Horatius Flaccus. *Satirae*
 Horat. *Od.* — Quintus Horatius Flaccus. *Odae*

- IG — Inscriptiones Graecae. Berolini, после 1877 (предыдущее изд.: CIG)
- IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat. Parisiis, 1906
- Iosephus. *Ant.* — Flavius Iosephus. *Antiquitates Iudaicae* / Ed. B. Niese. Berolini, 1885–1895
- Iosephus. *Bell.* — Flavius Iosephus. *Bellum Iudaicum* // Ibid.
- Isid. Char. *Mans. Parth* — Isidorus Characenus. *Mansiones Parthicae* (Parthian Stations by Isidore of Charax) / Ed. W. H. Schoff. Philadelphia, 1914
- Iustin. — Marcus Iunianus Iustinus / Ed. O. Seel. Lipsiae, 1935
- Iuvenal. *Sat.* — Decimus Iunius Iuvenalis. *Satirae*
- J. — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923–1958
- JA — Journal asiatique. Paris
- JAOS — Journal of the American Oriental Society. Boston
- JHS — Journal of Hellenic Studies. London
- Joan. Antioch. — Joannes Antiochenus // FHG. Vol. IV. P. 535–622
- Journ. Anthropol. Inst. — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
- JRS — Journal of Roman Studies. London
- Liv. *Ann.* — Titus Livius. *Annales* / Ed. G. Heraeus. Lipsiae, 1912
- Liv. *Epit.* — Titus Livius. *Epitomae* (= *Periochae* // Ibid.)
- Lucan. *De bell. civ.* — Marcus Annaeus Lucanus. *De bello civili*
- Lucian. *Alex.* — Lucianus. *Alexander* / Ed. C. Iacobitz. Lipsiae, 1913–1921
- Lucian. *Long.* — Lucianus. *Longaevi* // Ibid.
- Lucian. *Quomodo hist.* — Lucianus. *Quomodo historia conscribenda sit* // Ibid.
- Malalas — Ioannes Malalas. *Chronographia* // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. XV. Bonnae, 1831
- Martial. *De spect.* — Marcus Valerius Martialis. *De spectaculis*
- Martial. *Epig.* — Marcus Valerius Martialis. *Epigrammata*
- McDowell. Coins from Seleucia — *McDowell R. H.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935 (University of Michigan Studies. Humanistic Series. Vol. XXXVII)
- MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. Berlin
- Mem. Archaeol. Survey of India — Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta
- Mém. Miss. archéol. — Mémoires de la mission archéologique de Perse. Paris
- Mém. Soc. d'arch. et de num. de St.-Petersbourg — Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. Pétersbourg. St.-Petersbourg, 1847–1852
- Mom. Ancyran. — Monumentum Ancyranum
- Moses Chor. — Moses Chorenensis. *Historia Armeniaca* / Ed. Gulielmus and Georgius Whiston. Londini, 1736

- Mšihā Zkha – Mšihā Zkha // Sources syriaques / Ed.A. Mingana. I. Leipzig, 1911
- Nazarius. *Paneg.* – Nazarius. Panegyricus Constantino Augusto / Ed.G. Baehrens // XII Panegyrici Latini. Lipsiae, 1911
- NC – The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. London
- NGWG – Nachrichten der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philot.-hist. Klasse. Berlin, 1895–1933
- Nic.Dam. *De Caes.* – Nicolaus Damascenus. *De Caesare* (Nicolaus of Damascus' Life of Augustus) / Ed.C. M. Hall. Northampton, Mass., 1923 (Smith College Classical Studies. No. 4)
- OGIS – Orientis Graeci inscriptiones selectae / Ed.W. Dittenberger. Lipsiae, 1903–1905
- Orac. Sibyl. – Oracula Sibyllina / Ed.J. Geffcken // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1902
- Orosius – Paulus Orosius. *Historiae adversum paganos* / Ed.C. Zangemeister. Lipsiae, 1889
- Ovid. *Ars amat.* – Publius Ovidius Naso. *Ars amatoria*
- Ovid. *Consol.* – Publius Ovidius Naso. *Consolatio ad Liviam Augustam*
- Ovid. *Metamorph.* – Publius Ovidius Naso. *Metamorphoses*
- Petrowicz. Arsaciden-Münzen – Petrowicz A.R. von. Sammlung Petrowicz: Arsaciden-Münzen. Katalog. Wien, 1904
- Photius – Photius. *Bibliotheca* / Ed.I. Bekker. Berolini, 1824–1825
- Plin. *Epist.* – Gaius Plinius Caecilius Secundus (Minor). *Epistolae*
- Plin. *Hist. nat.* – Gaius Plinius Secundus (Major). *Historia naturalis* / Ed.C. Mayhoff. Lipsiae, 1892–1933
- Plut. *Reg. imp. apophth.* – Plutarchus. *Regum et imperatorum apophthegmata*
- Polyaenus. *Strat.* – Polyaenus. *Strategemata* / Ed.E. Woelfflin et J. Melber. Lipsiae, 1887
- PW – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Begonnen von G. Wissowa
- RA – Revue Archéologique. Paris
- Rawlinson. Sixth Mon. – Rawlinson G. The Sixth Great Orientat Monarchy. London, 1873
- Recueil de travaux – Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris, 1870–1923
- Reisner. Hymnen – Reisner G.A. Sumerisch-babylonische Hymnen nach Thontafeln griechischer Zeit. Berlin, 1896
- RN – Revue numismatique. Paris
- Ruf. Fest. – Rufus Festus / Ed.W. Foerster. Vindobonae, 1874
- Sallust. *Hist.* – Gaius Sallustius Crispus. *Historiae* / Ed.B. Maurenbrecher. Fasc. 2. Lipsiae, 1893
- SAWW – Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften Wien. Philos.-hist. Klasse. Wien. 1848

- Seneca. *De brev. vit.* — Lucius Annaeus Seneca. *De brevitae vitae*
Seneca. *De cons. ad Helviam* — Lucius Annaeus Seneca. *De consolatione ad Helviam matrem*
Seneca. *De cons. ad Polyb.* — Lucius Annaeus Seneca. *De consolatione ad Polybium*
Seneca. *De cons. sap.* — Lucius Annaeus Seneca. *De constantia sapientis*
Seneca. *Epist.* — Lucius Annaeus Seneca. *Epistolae*
Seneca. *Herc. Oet.* — Lucius Annaeus Seneca. *Hercules Oetaeus*
Spart. — Aelius Spartianus // *Scriptores historiae Augustae*
SPAW — Sitzungsberichte der Preussische Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1882–1921
Steph. Byz. — Stephanus Byzantinus / Ed.G. Dindorfius. Lipsiae, 1825
Suet. *Augustus* — Gaius Suetonius Tranquillus. *Divus Augustus*
Suet. *Iulius* — Gaius Suetonius Tranquillus. *Divus Iulius*
Syncellus — Georgius Syncellus / Ed.G. Dindorfius // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. XII – XIII. Bonnae, 1829
Tac. *Ann.* — Publius Cornelius Tacitus. *Annales*
Tac. *Germ.* — Publius Cornelius Tacitus. *Germania*
Tac. *Hist.* — Publius Cornelius Tacitus. *Historiae*
Tarn. Sel.-Parth. Studies — *Tarn W.W.* Seleucid-Parthian Studies // *Proceedings of the British Academy*. Vol. XVI. 1930.
Trog. Pomp. — Trogus Pompeius. *Prologi*
Val. Max. — Valerius Maximus / Ed.C. Kempf. Lipsiae, 1888
Vell. Pat. — Velleius Paterculus
Vergil. *Ecl.* — Publius Vergilius Maro. *Eclogae*
Vergil. *Georg.* — Publius Vergilius Maro. *Georgica*
Victor. *De Caes.* — Sextus Aurelius Victor. *De Caesaribus* / Ed.F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911
Victor. *De vir. ill.* — Sextus Aurelius Victor. *De viris illustribus Romae* // Ibid.
Victor. *Epit.* — Sextus Aurelius Victor. *Epitome* // Ibid.
Vul. Gall. — Vulcaci Gallicanus // *Scriptores historiae Augustae*
Wroth. Parthia — Wroth W. Catalogue of the Coins of Parthia in the British Museum. London, 1903.
WVDOG — Deutsche Orient-Gesellschaft. «Wissenschaftliche Veröffentlichungen». Leipzig
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Leipzig
ZDMG — Zeitschrift der Deutsche morgenländische Gesellschaft. Leipzig
Zonaras — Joannes Zonaras // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. XLIV – XLV / Ed.M. Pinderus. Bonnae, 1841–1844

Примечания

Ссылки на труды греческих и латинских авторов, если нет иных указаний, даны по изданиям в «Loeb Classical Library» — книжной серии, выходящей в издательстве Гарвардского университета, в которой представлены наиболее известные произведения древней греческой и латинской литературы. По состоянию на июль 2019 года вышло 542 тома.

- ¹ Об источниках Иосифа Флавия, см.: *Täubler E.* Die Parthernachrichten bei Josephus. Berlin, 1904.
- ² Об организации Парфянской империи см. публикации о раскопках в Дура-Европос, Селевкии-на-Тигре, Сузах и превосходный очерк М. И. Ростовцева (САН. Vol. XI. P. 113—120).
- ³ *Wilson H. H.* Ariana Antiqua. A Descriptive Account of the Antiquities and Coins of Afghanistan. London, 1841; *Prinsep H. T.* Note on the Historical Results deducible from Recent Discoveries in Afghanistan. London, 1844.
- ⁴ Здесь мы опираемся на мнение доктора Г. Филда, куратора отдела физической антропологии в Музее естественной истории, который проанализировал публикацию В. Рота о парфянских монетах в коллекции Британского музея; см также: *Ujfalvy K. J. de.* Iconographie et anthropologie irano-indiennes // *L'Antropologie*. Т. XI. 1900. P. 199—203.
- ⁵ Страбону (Strabo XI. 7. 1; 9. 2—3) следуют: *Bevan E. R.* The House of Seleucus. Vol. I. London, 1902. P. 284; *Sykes P. M.* A History of Persia. 2nd ed. Vol. I. London, 1921. P. 307. Ср.: *Rawlinson.* Sixth Mon. P. 17, 42 f.
- ⁶ Strabo XI. 9. 2; Apollodorus. *Parthica* (= Strabo XI. 7. 3); Iustin. XLII. 1; Arrian. *Parthica* Fr. 1 // Photius. Cod. 58.
- ⁷ *Herzfeld E.* Sakastan // AMI. Bd. IV. 1932. S. 36; *McGovern W. M.* The Early Empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the part they played in World History with special reference to the Chinese sources. Chapel Hill, 1939.
- ⁸ *Klauber E. G.* Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig, 1913. Nr. 21—22; *Thompson R. C.* The Prisms of Esarhaddon and Ashurbanipal. London, 1931. P. 21; *Herzfeld E.* Medisch und Parthisch // AMI. Bd.

- VII. 1934. S. 26—29; *Cameron G. G.* History of Early Iran. Chicago, 1936. P. 170—174.
- ⁹ Ср.: *Olmstead A. T.* History of Assyria. New York, 1923. P. 46—47; САН. Vol. III. P. 1. Также можно использовать следующие карты: *Tarn W. W.* // САН. Vol. XI. P. 612; *Wroth.* Parthia. P. 1; British War Office, General Staff, Geographical Section. No. 2149, Persia and Afghanistan, 1 дюйм = 64 мили, копию которой можно найти в кн.: *Sykes P.* History of Persia. Vol. II; *Kiepert H.* Atlas antiquus; Murray's Handy Classical Maps: «The Eastern Empires» and «Asia Minor».
- ¹⁰ Ктесий (= *Diod. Sic.* II. 2; 34) не заслуживает доверия, см.: *Cameron G. G.* History of Early Iran. P. 176, n. 15. Я очень признателен доктору Кэмерону за советы, которыми воспользовался в этой главе.
- ¹¹ Вывод, сделанный из сообщения Геродота (*Herodotus I.* 153), в котором говорится, что Кир завоевал бактрийцев и саков; ср.: Ктесий (*Ctesias. De rebus Persicis. Fr.* 29. 3 f.), который помещает это событие до войны с Лидией (что невозможно), и *Herodotus I.* 177, у которого сообщение о захвате Верхней Азии идет сразу после вторжения в Лидию. Включение Партавы в Бехистунскую надпись почти определенно доказывает, что она была захвачена Киром.
- ¹² *Strabo XI.* 4; *Arrian. Anabasis IV.* 3; *Curtius Rufus VII.* 6. 16. Город Кира — это, возможно, Ура-Тюбе; см.: *Tomášek W.* Centralasiatische Studien I. Sogdiana // SAWW. Bd. LXXXVII. 1877. S. 121 f.
- ¹³ *Iustin. XII.* 5.12; PW, статья «Tanais». Nr. 1.
- ¹⁴ Надпись в Бехистуне (§ 35) в кн.: *Weissbach F. H.* Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911. S. 42 f. Ср.: *Spiegel F.* Ueber das Vaterland und Zeitalter des Awestâ (II) // ZDMG. Bd. XLI. 1887. S. 292—296; *Justi F.* Die älteste iranische Religion und ihr Stifter Zarathustra // Preussische Jahrbücher. Bd. LXXXVIII. 1897. P. 255—257; *Jackson W. A. V.* Zoroastrian Studies // Columbia University Indo-Iranian Series. Vol. XII. New York, 1928. P. 17 f.; *Olmstead A. T.* New Testament Times — and Now // JAOS. Vol. LIII. 1933. P. 313.
- ¹⁵ Бехистунская надпись; ср.: *Herzfeld E.* Zarathustra. I. Der geschichtliche Vištâspa // AMI. Bd. I. 1929—1930. S. 95—97.
- ¹⁶ Герцфельд (*Herzfeld E.* Medisch und Parthisch. S. 30 f.) обозначает это место как Гекатомпил.
- ¹⁷ Вайсбах (*Weissbach.* Die Keilinschriften der Achämeniden. S. 43), устанавливает дату 5 февраля 521 г. до н. э.
- ¹⁸ *Weissbach.* Die Keilinschriften der Achämeniden. S. 44 f., § 38. Арамейская рукопись из Элефантины в Египте просто подводит итоги парфянской кампании; см.: *Cowley A.* Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxford, 1923. P. 258.
- ¹⁹ Надпись в Накш-и-Рустаме (§ 3) (*Weissbach.* Die Keilinschriften der Achämeniden. S. 87—89) и надпись Ксеркса, обнаруженная Восточным институтом, информацию о которой см.: *Kent R. G.* The Present

Status of Old Persian Studies // JAOS. Vol. LVI. 1936. P. 212 f.; *idem*. The Daiva-Inscription of Xerxes // Language. Vol. XIII. 1937. P. 294, lines 19 f. В надписях в Бехистуне и Персеполе Партава упомянута тринадцатой из сатрапий; в новой надписи Ксеркса — шестой; в надписи Телль-эль-Масхута в Египте — пятой (*Golénischeff W.* Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoutah // Recueil de travaux. Т. XIII. 1890. P. 102—106), а в надписях из Накш-и-Рустама и Суз — третьей (информацию о надписях в Сузах см.: *Scheil V.* Conquêtes et politique de Darius // Mém. Miss. archéol. Т. XXIV. 1933. P. 119). На аккадском название сатрапии пишется Partu, на эламском — Partuma, на египетском — Prtyw.

²⁰ Гекатей (Hecataeus. Fr. 292 f. [J. Bd. I. S. 38]) отмечает близость парфян и хорезмийцев.

²¹ Aesch. *Persae* 995.

²² Arrian. *Anabasis* III. 11; Curtius Rufus IV. 12. 11.

²³ Arrian. *Anabasis* III. 23; ср. также: Plut. *Alexander* 45.

²⁴ Arrian. *Anabasis* III. 22. У Юстина сатрап назван Андрагором (Iustin. XII. 4. 12).

²⁵ Arrian. *Anabasis* IV. 7.

²⁶ Ibid. III; IV.

²⁷ Дексипп (Dexippus. *Res Successorum Alexandri* Fr. 8. 6 [J. Bd. II A. P. 462]) называет его сатрапом Согдианы.

²⁸ Diod. Sic. XIX. 14; Iustin. XIII. 4. 23. Ср.: *Bevan*. House of Seleucus. Vol. I. P. 42, 267, n. 6, и 294; САН. Vol. VI. P. 417, 477; *Gutschmid A. von*. Geschichte Irans. Tübingen, 1888. S. 20 ff.

²⁹ Iustin. XLI. 4. 1; *Bevan*. House of Seleucus. Vol. I. P. 267 f.

³⁰ Trog. PomP. XLI; ср.: Iustin. XLI. 4. 5.

³¹ Iustin. XLI. 4. 5.

³² Ibid. XLI. 4. 6—7. Арриан (Arrian. *Parthica* Fr. 1), цитируемый Фотием (Photius. Cod. 58), дает имя Ферекл, но Синкелл (Syncellus. P. 539), предположительно также цитируя Арриана, называет его Агафоклом.

³³ Возможно, около 250 года до н. э. Мовсес Хоренаци (Moses Chor. II. 1) упоминает это восстание, но армянские источники настолько ненадежны и искажены, что их невозможно использовать, за исключением тех мест, которые можно проверить с помощью надежных исторических данных или археологических находок.

³⁴ Историкам — как древним, так и современным — серьезной помехой является то обстоятельство, что все парфянские цари использовали это имя в качестве титула, см.: Iustin. XLI. 5. 5—6; Strabo XV. 1. 36; XVI. 1. 28; Moses Chor. II. 1; Amm. Marcel. XXIII. 6. 5.

³⁵ Arrian. *Parthica* Fr. 1 (Photius. Cod. 58).

³⁶ Strabo XI. 9. 3.

³⁷ Arrian. *Parthica* Fr. 1 (Photius. Cod. 58).

- ³⁸ Ibid. (Syncellus. P. 539). Ср.: *Tarn W. W. Queen Ptolemais and Arama* // *Classical Quarterly*. Vol. XXIII. 1929. P. 138–140. Тарн считает, что таким образом обосновывалась власть Аршакидов над территорией Селевкидов, которые также были связаны с персидской династией.
- ³⁹ Isid. Char. *Mans. Parth.* 11; Tarn // *САН*. Vol. IX. P. 575; ср.: PW, статья «Asaak». Если Исидор упоминает Аршака I, то тогда важно, что в городе поддерживалось священное пламя, так как парфяне в тот период, вероятно, были зороастрийцами.
- ⁴⁰ Strabo XI. 9. 2; Iustin. XLI. 4. 7 f.
- ⁴¹ Arrian. *Parthica* Fr. 1 (Syncellus. P. 539).
- ⁴² Iustin. XLI. 4. 8.
- ⁴³ Ibid. XLI. 4. 9.
- ⁴⁴ Эта дата очень приблизительная; см.: *Rapson E. J.* // *CHI*. Vol. I. P. 440; *Bevan*. House of Seleucus. Vol. I. P. 194, 285; *Hansen E. V.* The Great Victory Monument of Attalus I // *AJA*. Vol. XLI. 1937. P. 53, n. 3.
- ⁴⁵ Polyb. X. 48; Strabo XI. 8.8; *Tomášek W.* Zur historischen Topographie von Persien // *SAWW*. Bd. CII. 1883. S. 218.
- ⁴⁶ Tarn // *САН*. VII. P. 722, но ср.: *Bevan*. House of Seleucus. Vol. I. P. 289, n. 4.
- ⁴⁷ Iustin. XLI. 5. 1.
- ⁴⁸ На основании данных Посидония (Posidonius. *Hist.* XVI, fr. 12 = J. Bd. II A. S. 228), сохранных Афинеем (Athen. *DeiP.* IV. 153), а также монет Гарднер (*Gardner*. *Parthian Coinage*. P. 4) утверждает, что Селевк был когда-то пленником парфян — либо после Анкиры, либо во время рассматриваемой кампании. Борода, которая появляется на его монетных портретах, аналогична бородам на монетах только тех правителей, которые были пленниками на Востоке. Ср.: *Rawlinson*. *Sixth Mon.* P. 49, n. 1. Иосиф Флавий упоминает эту кампанию (Iosephus. *Contra Apionem* I. 206).
- ⁴⁹ Appian. *Syr.* 66.
- ⁵⁰ Tarn // *САН*. Vol. VII. P. 724.
- ⁵¹ Polyb. V. 40–54.
- ⁵² Iustin. XLI. 5. 1–4.
- ⁵³ *Rawlinson*. *Sixth Mon.* P. 53. Плиний Старший (Plin. *Hist. nat.* VI. 46) называет город Дареум, а место — Апапартена; ср.: Апапартикене (Isid. Char. *Mans. Parth.* 1; 13). В. Шапо (*Chapot V.* La frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe. Paris, 1907. P. 314, n. 1) путает Дару Тиридата с Дарой, основанной Анастасием у Нисибиса около 504 года н. э., и обвиняет Юстина, но не его оригинал — Трога Помпея, в плохом знании топографии.
- ⁵⁴ Аполлодор (Strabo XI. 13. 6); Steph. Byz. s. v. Πάγαι; Plin. *Hist. nat.* VI. 113.
- ⁵⁵ Baeton. Fr. 2 (J. Bd. II B. S. 623); Diogenetus. Fr. 1 (Ibid. S. 626); Strabo XI. 9. 1; Ptolemaeus. *Geographia* VI, 5. 2. Полибий (Polyb. X. 28) говорит, что все дороги сходятся в Гекатомпиле. Местоположение Гекатом-

- пила еще не установлено. Уильям Джексон (*Jackson W.A. V. From Constantinople to the Home of Omar Khayyam. New York, 1911. P. 161 ff., 176 ff.*) помещает его между Фратом и Дамганом в Шахр-и-Кумисе. Сайкс предлагает считать им Дара Газ в 50 милях к северо-востоку от Астрабада (*Sykes P.M. A Sixth Journey in Persia // Geographical Journal. Vol. XXXVII. 1911. P. 17 f.*).
- ⁵⁶ Arrian. *Parthica* Fr. 1 (Syncellus. P. 539).
- ⁵⁷ Юстин значительно преувеличивает его размеры, говоря о 100 тысячах пехоты и 20 тысячах кавалерии (Iustin. XLI. 5. 7).
- ⁵⁸ Polyb. X. 27.
- ⁵⁹ Полибий сообщает о пребывании Антиоха у Евфрата осенью 211 года до н. э. (Polyb. IX. 43); Аппиан говорит, что он вторгся в восставшие Мидию и Парфию (Appian. *Syr.* I. 1).
- ⁶⁰ PW, статья «Tagai».
- ⁶¹ Mordtmann A.D. Hekatompylos. Ein Beitrag zur vergleichenden Geographie Persiens // Sitzungsberichte der Bayerische Akad. der Wiss. 1869. Bd. 1. S. 531—534; Dorn B. Caspia // Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Mémoires. 7 sér. T. XXIII/1. 1875. P. 15, 129—130; PW, статья «Tambrax»; Herzfeld. Sakastan. S. 37.
- ⁶² Dorn. Caspia. P. 127; Tomášek W. Zur hist. Topographie // SAWW. Bd. CII. 1883. S. 224 f.; Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Göttingen, 1896—1905. Bd. II. S. 62; PW, статья «Syrinx». Nr. 3. Возможно, что это Турунга, которая находится на расстоянии одного дня пути к западу от Сари.
- ⁶³ Polyb. X. 27—31; фрагмент текста на этом месте обрывается.
- ⁶⁴ Iustin. XLI. 5. 7.
- ⁶⁵ Strabo XVI. 1. 18; Diod. Sic. XXVIII. 3 и XXIX. 15; Iustin. XXXII. 2. 1 f.; Porphyry. Fr. 32. 10 и 47 (J. II B. S. 1216; 1224 f.).
- ⁶⁶ Wroth. Parthia. P. XIX; ср.: Rawlinson. Sixth Mon. P. 59, где указан 196 год до н. э.
- ⁶⁷ Iustin. XLI. 5. 9. По-видимому, имя Приапат тождественно имени Фриапит, которое носил предок Аршака.
- ⁶⁸ Iustin. XLI. 5. 9.
- ⁶⁹ Rawlinson. Sixth Mon. P. 85.
- ⁷⁰ О мардах см.: Arrian. *Anabasis* III. 24; Strabo XI. 8. 1 и XI. 13.6.
- ⁷¹ Isid. Char. *Mans. Parth.* 7. «Харакс» по-гречески означает «ограждение».
- ⁷² Iustin. XLI. 5. 9—10.
- ⁷³ Wroth. Parthia. P. XX.
- ⁷⁴ Breccia E. Mitridate I il Grande, di Partia // Klio. Bd. V. 1905. P. 39—54.
- ⁷⁵ Мы не имеем возможности точно датировать этот поход. Тарн (*Tarn. Sel.-Parth. Studies. P. 122—126*) отождествил Тапурию и Траксиану с Аспионом и Туривой Страбона (Strabo XI. 11.2). Он считает, что поход Митридата случился после 163 года до н. э.

⁷⁶ Ср.: Тас. *Hist.* V. 8.

⁷⁷ PW, статья «Timarchos». Nr. 5; САН. Vol. VIII. P. 518–520.

⁷⁸ Iustin. XLI. 6. 6–7.

⁷⁹ Запись о его походе находится на табличке SH 108 из Британского музея; она описана Куглером (*Kugler F.X. Sternkunde und Sterndienst in Babel. Bd. II. Münster, 1907–1937. S. 442*) и частично опубликована в его книге: *Von Moses bis Paulus. Münster, 1922. S. 338 ff.* Олмстед восстанавливает строки 2–9 следующим образом: «...Людей без разбору [собрал Деметрий]; [он отправился] к городам Мидии... В начале того месяца на 22 день *su-bu* (?) ... *rab uqu* (полководец) вступил на землю Аккада. [Против него,] Аршака, царь в Селевкию [двинулся. Город...] страны Ашшура, который перед лицом царя Аршака [преклонился] ... [В Селевкию] царский город он вошел; в месяц, на 28-й день [он сел на троне]. Год 171-й, Аршак царь, на 30 день месяца *Du²uzu*...».

⁸⁰ Мовсес Хоренаци (*Moses Chor. I. 7 и II. 4. 1*) делает Ассирию подвластной Митридату.

⁸¹ Iustin. XLI. 6, 6–9.

⁸² Ibid. XXXVI. 1. 2–4.

⁸³ Ibid. XXXVI. 1. 4.

⁸⁴ I Мак. 14:1–3; Iustin. XXXVI. 1.5–6; XXXVIII. 9. 2–3.

⁸⁵ Appian. *Syr.* 67.

⁸⁶ Strabo XVI. 1.18.

⁸⁷ *Wroth. Parthia.* P. 15.

⁸⁸ Iustin. XLI. 1.1.

⁸⁹ *Clay A. T. Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan. Vol. II: Legal Documents from Erech dated in the Seleucid Era. New York. 1913. No. 53. P. 13.*

⁹⁰ Копия древнего астрономического труда, датированного 27 Айару 111 года аршакидской эры и 174 года селевкидской эры, то есть 137 годом до н. э. (*Epping, Strassmaier // ZA. VI. 1891. S. 228, 244*); копия древнего гимна, датированная тем же годом (*Reisner. Hymnen. Nr. 5*); копия еще одного гимна, датированная 114 годом аршакидской эры, то есть 134 годом до н. э. (*Ibid. Nr. 35. Taf. 153*); табличка, датированная 6 годом «царя *Ar'siuqqa*», то есть около 132/131 года до н. э. при возможном допущении, что это Фраат II (*Clay. Babylonian Records. II. No. 51*).

⁹¹ *Cumont F. Nouvelles inscriptions grecques de Suse // CR. 1932. P. 280 f.*; датировано 117 годом аршакидской эры (а не 116 годом, согласно Ф. Кюмону) и месяцем Ксандик 181 года селевкидской эры, то есть 13 марта — 10 апреля 130 года до н. э. (а не 131 годом, как у Кюмона).

⁹² *Wroth. Parthia.* P. 16–19. В Селевкии монеты Фраата II не были найдены, см.: *McDowell. Coins from Seleucia. P. 182 f.*

- ⁹³ Iustin. XXXVIII. 9. 2–10.
- ⁹⁴ См. изложение селевкидской истории этого периода у Э.Р. Бевана (САН. Vol. VIII. ЧаР. XVI).
- ⁹⁵ Юстин говорит о 80 тысячах пеших и 300 тысячах других участниках похода, многие из которых не были солдатами (Iustin. XXXVIII. 10. 2). Орозий насчитывает 100 тысяч воинов и 200 тысяч прочих (Orosius V. 10. 8). Беван (*Bevan. House of Seleucus. Vol. II. P. 242*) полагает, что в армии Антиоха было 80 тысяч человек, но затем (P. 247) говорит о ее потерях в 300 тысяч. Этот поход также упоминают Посидоний (Posidonius. *Hist. XIV, fr. 9* = J. Bd. II A. S. 227) в передаче Афиней (Athen. *DeiP. XII. 540*) и Иосиф Флавий (Iosephus. *Bell. I. 50; 62*).
- ⁹⁶ Порфирий в передаче Евсевия (Euseb. *Chron. 32. 19* = J. Bd. II B. S. 1217); Moses Chor. II. 2. 4.
- ⁹⁷ Iustin. XLII. 1. 1–2.
- ⁹⁸ Nic. Dam. Fr. 92 (J. Bd. II A. S. 381) в передаче Иосифа Флавия (Iosephus. *Ant. XIII. 251–252*).
- ⁹⁹ Iustin. XXXVIII. 10. 5.
- ¹⁰⁰ PW, статья «Lycos». Nr. 12.
- ¹⁰¹ Nic. Dam. Fr. 92.
- ¹⁰² Diod. Sic. XXIV. 19.
- ¹⁰³ Iustin. XXXVIII. 10. 6.
- ¹⁰⁴ Ibid. XXXVIII. 10. 7 ff.
- ¹⁰⁵ Предположение Бевана (*Bevan. House of Seleucus. Vol. II. P. 244*).
- ¹⁰⁶ Iustin. XXVIII. 10. 10; ср.: Diod. Sic. XXXIV. 16–17.
- ¹⁰⁷ Iustin. XXVIII. 10. 10; Orosius V. 10; Porphyry. Fr. 32. 19 (J. Bd. II B. S. 1217); Iosephus. *Ant. XIII. 253, 271*; Posidonius. *Hist. XVI, fr. II* (J. Bd. II A. S. 228 = Athen. *DeiP. X. 439*).
- ¹⁰⁸ Appian. *Syr. 68*; Aelian. *De natura animalium X. 34*.
- ¹⁰⁹ Порфирий в передаче Евсевия (Euseb. *Chron. = J. Bd. II B. P. 1217 f., fr. 32. 19*).
- ¹¹⁰ Iustin. XXXVIII. 10. 10.
- ¹¹¹ Diod. Sic. XXXIV. 17.
- ¹¹² Strabo XIV. 5. 2.
- ¹¹³ Iustin. XXXVIII. 10. 11; XXXIX. 1.1.
- ¹¹⁴ Iustin. XLII. 1. 3; Posidonius. *Hist. XVI, fr. 13* (J. Bd. II A. P. 228 = Athen. *DeiP. XI. 466*). Диодор Сицилийский называет его Эвэмер (Εὐήμερος) (Diod. Sic. XXXIV. 21).
- ¹¹⁵ Joan. Antioch. Fr. 66. 2 (FHG. Vol. IV. P. 561).
- ¹¹⁶ PW, статья «Sacaraucae»; *Tarn. Sel.-Parth. Studies. P. 111–113*; САН. Vol. IX. P. 582 f.
- ¹¹⁷ *Tarn. Sel.-Parth. Studies. P. 117 f.*
- ¹¹⁸ Iustin. XLII. 1; McDowell. *Coins from Seleucia. P. 183*.
- ¹¹⁹ Iustin. XLII. 2. 1.

- ¹²⁰ Joan. Antioch. Fr. 66 (FHG. Vol. IV. P. 561).
- ¹²¹ Тарн (*Tarn. Sel.-Parth. Studies*. P. 106—111, 115—116) исключает присутствие юэчжей и предлагает пасианов, чье имя, неправильно переписанное как «азианы», могло быть заменено на «тохары» в тексте Юстина (Iustin. XLII. 2.2). Бэйли отрицает, что *ārśi* = *Asii* (*Bailey H. W. Taugara // BSOS. Vol. VIII. 1935—1937. P. 912*).
- ¹²² Iustin. XLII. 2. 2; *McDowell. Coins from Seleucia*. P. 183.
- ¹²³ Diod. Sic. XXXIV. 21.
- ¹²⁴ Polyb. V. 46.
- ¹²⁵ См.: PW, статьи «Mesene» и «Alexandreia». Nr. 13.
- ¹²⁶ Трог Помпей упоминает войну с Месеной, которая была частью Харакены (Trog. PomP. XLII).
- ¹²⁷ *Pinches T. G. A Babylonian Tablet dated in the Reign of Aspasinē // Babyl. and Or. Record. IV. 1889—1890. P. 131—135; Terrien de Lacouperie. Hyspaosines, Kharacenian King of Babylon // Ibid. P. 136—144; Pinches. The Old Testament. 2nd ed. London, 1903. P. 481—484; Tarn // САН. Vol. IX. P. 584.*
- ¹²⁸ *Wroth. Parthia*. P. 23, n. 2; на других его монетах была выбита надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΥΣ («Царя Аршака славного, филэллина [любящего греков]»). Эти титулы вроде бы указывают на Митридата II, но портреты на монетах не позволяют отождествить их с Митридатом.
- ¹²⁹ Diod. Sic. XXXIV и монеты, упомянутые в предыдущей ссылке.
- ¹³⁰ *Pinches. The Old Testament. 2nd ed. P. 483.*
- ¹³¹ Trog. PomP. XLII; Iustin. XLII. 2. 3.
- ¹³² *Newell E. T. A Mithradates of Parthia and Hyspaosines of Characene: a Numismatic Palimpsest. New York, 1925 (Numismatic Notes and Monographs. No. 26). P. 11 f.*
- ¹³³ По Тарну, китайские источники свидетельствуют в пользу того, что парфяне к 115 году до н. э. владели Мервом. Он считает, что это повторное завоевание произошло благодаря «царю, чеканившему монеты походной серии» (king of the campaign coins) (*Tarn. Sel.-Parth. Studies*. P. 116—119). Как уже указал Рот (*Wroth. Parthia*. P. XXXI — XXXII), эти монеты не могут быть связаны с Митридатом II. Макдауэлл (*McDowell. Coins from Seleucia*. P. 211) предположил, что «монеты походной серии» могут быть с большой вероятностью отнесены к преемнику Митридата Синатруку.
- ¹³⁴ Iustin. XLII. 2. 4—5. Возможно, что завоевания в Бактрии, которая, согласно Страбону (Strabo XI. 9. 2), была отобрана у скифов, также следует отнести к его правлению.
- ¹³⁵ OGIS. I. Nr. 430; *Reinach S. Fouilles de Délos // Bull. de Correspondance Hellénique. VII. 1883. P. 349—353; Sallet A. von. Beiträge zur antiken Münzkunde: Arsaciden-Inschrift von Delos // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XII. 1885. S. 372—375.*

- ¹³⁶ *Haussoullier B.* Inscriptions grecques de Babylone // *Klio*. Bd. IX. 1909. S. 353 (камень, датированный 121/120 годом до н. э.), 352 f. (табличка, датированная 110/109 или 111/110 годом до н. э.).
- ¹³⁷ *Strabo* XI. 14. 15; *Iustin.* XXXVIII. 3. I; ср.: *Trog. PomP.* XLII, где есть упоминание об этой войне.
- ¹³⁸ *Richter G. M. A.* Silk in Greece // *AJA*. Vol. XXXIII. 1929. P. 27—33.
- ¹³⁹ *Wylie A.* History of the Heug-noo in Their Relations with China // *Journ. Anthropol. Inst.* Vol. III. 1874. P. 401—451; Vol. V. 1876. P. 41—80; *Kingsmill T. W.* The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent Countries in Second Century B.C. // *JRAS*. 1882. P. 74—104; *Wylie A.* Notes on the Western Regions // *Journ. Antropol. Instit.* Vol. X. 1881. P. 83—115; *Hirth F.* China and the Roman Orient. Shanghai, 1885; *Chavannes É.* Les mémoires de Se-ma Ts'ien. Paris, 1895—1905; *Lévi S., Chavannes É.* L'Itinéraire d'Où K'ong // *JA*. 9 sér. T. VI. 1895. P. 341—384; *Parker E. H.* Chinese Knowledge of Early Persia // *Asiatic Quarterly Review*. 3rd. sér. Vol. XV. 1903. P. 144—169; *Franke O.* Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntniss der Türkvölker und Scythen Zentralasiens // *APAW*. 1904; *idem.* Geschichte des chinesischen Reiches. I. Das Altertum und das Werden des konfuzianischen Staates. Berlin, 1930; *Chavannes.* Les pays d'Occident d'après le Wei lio // *T'oung pao*. 2 sér. Vol. VI. 1905. P. 519—571; *idem.* Trois généraux chinois de la dynastie des Han orientaux // *Ibid.* Vol. VII. 1906. P. 210—269; *idem.* Les pays d'Occident d'après Heou Han chou // *Ibid.* Vol. VIII. 1907. P. 149—234; *Hirth F.* The story of Chan K'ien, China's Pioneer in Western Asia // *JAOS*. Vol. XXXVII. 1917. P. 89—152; *Groot J. J. M. de.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. I. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit; II. Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit. Berlin, 1921—1926; *Wieger L.* Textes historiques. 2e ed. Hien-Hien, 1922—1923.
- ¹⁴⁰ *Hirth.* Story of Chang K'ien // *JAOS*. Vol. XXXVII. 1917.
- ¹⁴¹ См.: *PW*, статья «Hippalos». Nr. 3; *Westermann W. L.* On Inland Transportation and Communication in Antiquity // *Political Science Quarterly*. Vol. XLIII. 1928. P. 384 f.
- ¹⁴² *Warmington E. H.* The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928. P. 35 ff.
- ¹⁴³ *Herzfeld.* Am Tor von Asien. Berlin, 1920. S. 35 ff.
- ¹⁴⁴ *OGIS*. I. Nr. 431.
- ¹⁴⁵ *PW*, статья «Tigranes». Nr. 1.
- ¹⁴⁶ *Strabo* XI. 14. 15.
- ¹⁴⁷ *Plut. Sulla* 5.
- ¹⁴⁸ *Iosephus. Ant.* XIII. 371.
- ¹⁴⁹ О миссии Суллы и его встрече с парфянским послом см.: *Plut. Sulla* 5; *Liv. Epit.* LXX; *Ruf. Fest.* 15; *Vell. Pat.* II. 24. 3. Добиаш дает прекрасный анализ сведений по этой теме (*Dobiáš J.* Les premiers rapports des Romains avec les Parthes // *Archiv or.* III. 1931. P. 215—256).

¹⁵⁰ Plut. *Sulla* 5.

¹⁵¹ Appian. *Mith.* 15.

¹⁵² Авроманский пергамент I, сообщающий об этом событии, датирован 225 годом неустановленной эры, которую, следуя аргументам Э. Миннза (*Minns E. H. Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan // JHS. Vol. XXXV. 1915. P. 22—65*), я склонен считать селевкидской, что дает 87 год до н. э. Если бы это была аршакидская эра, то дата соответствовала бы 23 году до н. э. Этот вопрос не может быть решен однозначно, хотя авроманские пергаменты имеют очевидную связь с вавилонскими документами, которые всегда в тех случаях, когда стоит единственная дата, используют селевкидскую эру, а не аршакидскую. К тому же именно в 87-м, а не в 23 году до н. э. царь Парфии мог бы высокомерно поместить в своей титулатуре армянскую жену между двумя женами-сестрами. См.: *Newell. Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts. New York, 1926 (Numismatic Notes and Monographs. No. 30). P. 13. Аргументы в пользу аршакидской эры см.: Rostovtzeff M., Welles C. B. A Parchment Contract Loan // Yale Classical Studies. II. 1931. P. 41 f.*

¹⁵³ *Thompson R. C. A Catalogue of the Late Babylonian Tablets in the Bodleian Library, Oxford. London, 1927. P. 28 f.; Strassmaier // ZA. III. 1888. S. 133 f.*

¹⁵⁴ 156 год аршакидской эры, [220] год селевкидской эры — на одном; 15 [6] год аршакидской эры, [220] год селевкидской эры — на другом. См.: *Kugler. Sternkunde... Bd. II. S. 500.*

¹⁵⁵ Эта дата (*Reisner. Hymnen. Nr. 51*) была неправильно записана писцом как 6-й день второго месяца Аддару 155 года аршакидской эры и 221 года селевкидской эры. Так как в 155 году селевкидской эры не было второго месяца Аддару, аршакидскую дату следует изменить на 157 год, чтобы она соответствовала правильной селевкидской дате. Аршака из этого гимна с достаточной долей уверенности можно считать Готарзом, так как в 89 году до н. э. царица Аши'абатум появляется в качестве его супруги; см.: *ZA. Bd. VI. 1891. S. 222.*

¹⁵⁶ Готарз и его ближайший преемник Ород — единственные парфянские цари, которые во всех документах этого периода упоминаются чаще всего под своими именами, а не под титулом «Аршак». Имена, надо полагать, указывались, чтобы было понятно, о каком именно Аршаке идет речь. Здесь мы имеем свидетельство конфликта между Митридатом и бывшим сатрапом сатрапов. О параллельном использовании монет см.: *McDowell. Coins from Seleucia. P. 223.*

¹⁵⁷ Последние монеты Деметрия датированы 88/87 годом до н. э.; см.: *Babelon E. Les rois de Syria, d'Arménie, et de Commagène. Paris, 1890. P. CLXXII; Eckhel J. Doctrina numorum veterum. Ed. 2. III. Vindobonae, 1828. P. 245.*

- ¹⁵⁸ Последние таблички периода правления «Аршака, который зовется Готарзом», датированы 87 годом до н. э.; см.: *Epping, Strassmaier // ZA. Bd. VI. 1891. S. 222, 226.*
- ¹⁵⁹ *Reisner. Hymnen. Nr. 27, 49 и 55; Epping, Strassmaier // ZA. Bd. V. 1890. S. 355.*
- ¹⁶⁰ Это подразумевается в его последующем предложении вернуть их (Memnon. Fr. 58. 2 [FHG. Vol. III. P. 556 f.]).
- ¹⁶¹ Strabo XI. 14. 15; Plut. *Lucullus* 21; 26.
- ¹⁶² Isid. Char. *Mans. Parth.* 6; ср.: Orosius. VI. 4. 9. Плутарх говорит о том, что Тигран отрезал парфян от Азии (Plut. *Lucullus* 14).
- ¹⁶³ Appian. *Syr.* 48; Plut. *Lucullus* 14; Iosephus. *Ant.* XIII. 419—421; Iustin. XL. 1; Eutrop. *Brev.* VI. 8.
- ¹⁶⁴ *Strassmaier // ZA. Bd. VIII. 1893. S. 112; Kugler. Sternkunde... Bd. II. S. 447 f.*
- ¹⁶⁵ Формы передачи его имени в классических источниках: Синтрик (Appian. *Mith.* 104), Синатрокл или Синатрок (Lucian. *Long.* 15), Синатрук (Phlegon. Fr. 12. 7 = J. Bd. II B. S. 1164).
- ¹⁶⁶ Lucian. *Long.* 15; ср. его облик на монетах (*Wroth. Parthia.* P. 42 f., pl. X).
- ¹⁶⁷ Роулинсон (*Rawlinson. Sixth Mon. P.* 139, n. 4) предполагает, что он был сыном Митридата I и братом Фраата II. Если бы он был кандидатом на парфянский престол от сакаравков, то они наверняка выбрали бы более молодого мужчину.
- ¹⁶⁸ Memnon. Fr. 43. 2 (FHG. Vol. III. P. 549).
- ¹⁶⁹ Phlegon. Fr. 12. 6 (J. Bd. II B. S. 1164). Лукиан сообщает, что Синатрук правил семь лет (Lucian. *Long.* 15).
- ¹⁷⁰ *Klaproth J. Tableaux historiques de l'Asie depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours. Paris, 1826. P. 132; Shiratori S.K. Ueber den Wu-sun-Stamm in Centralasien // Keleti Szemle. III. 1902. S. 132 f.; Franke. Beiträge... S. 29, 46; idem. Geschichte des chinesischen Reiches. I. S. 332; Hirth. The story of Chang K'ien. P. 133; Clark W.E. The Importance of Hellenism from the Point of View of Indic-Philology (I) // CPh. Vol. XIV. 1919. P. 312; Rapson // CHI. I. P. 565; Smith V.A. The Early History of India. 4th ed. Oxford, 1924. P. 240; Groot de. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. II. Die Westlander Chinas. P. 17. О языке юэчжей см.: Laufer B. The Language of the Yüe-chi or Indo-Scythians. Chicago, 1917.*
- ¹⁷¹ *Charpentier J. Die Ethnographische Stellung der Tochrer // ZDMG. Bd. LXXI. 1917. S. 347—388. См. также: Lévi S. Le Tokharien // JA. T. CCXXII. 1933. P. 1—30; Bailey H.W. Ttagara // BSOS. Vol. VIII. 1935—1937. P. 883—921.*
- ¹⁷² *Tarn. Sel.-Parth. Studies. P. 116; CAH. Vol. IX. P. 582 f. См. также: Franke. The Identity of the Sok with the Sakas // JRAS. 1907. P. 675—677; Smith V.A. The Sakas in Northern India // ZDMG. Bd. LXI. 1907.*

- Р. 403—421; *Lüders H.* Die Sakas und die «nordarische» Sprache // SPAW. 1913. Р. 406—427; *Konow S.* On the Nationality of the Kuṣaṇas // ZDMG. Bd. LXVIII. 1914. Р. 85—100; PW, статья «Sakai» (1920).
- ¹⁷³ Как это делает Тарн (СНІ. Vol. IX. Р. 579).
- ¹⁷⁴ Orosius V. 4.16. Хронологическую таблицу, основанную на принятии данных Орозия, см.: *Smith V.A.* The Indo-Parthian Dynasties // ZDMG. Bd. LX. 1906. Р. 71 f.
- ¹⁷⁵ Vergil. *Georg.* IV. 211. Ср.: PW, статья «Hydasp». Nr. 2, которой следует Рэпсон (СНІ. Vol. I. Р. 568).
- ¹⁷⁶ Horat. *Od.* I. 22. 8; Seneca. *Medea* 723 ff.; idem. *Herc. Oet.* 628; Lucan. *De bell. civ.* III. 236 и VIII. 227; Plin. *Hist. nat.* VI. 71; Statius. *Thebais* VIII. 237; Dionisius Periegetes 1138 f.; Claudian. *Paneg. dictus Probino et Olybrio* 70—80; idem. *In Rufinim* II. 243; idem. *Paneg. tertio cons. Hon.* 4; idem. *Paneg. quarto cons. Hon.* 601; idem. *Paneg. dictus Manlio Theodoro* 29; idem. *De raptu Proserpinae* II. 82 и III. 325. Нельзя не заметить частоты ссылок у Клавдиана, который непосредственно предшествовал Орозию.
- ¹⁷⁷ *Tarn. Sel.-Parth. Studies.* Р. 122—126.
- ¹⁷⁸ *Tarn.* Notes on Hellenism in Bactria and India // JHS. Vol. XXII. 1902. Р. 268—293; *Pawlinson H.G.* Bactria — the History of a Forgotten Empire. London, 1912; *Meyer E.* // *Encyc. Brit.*, статья «Bactria».
- ¹⁷⁹ Ги-бинь не идентифицирована с достаточной степенью уверенности. Х. Лассен (*Lassen Ch.* Indische Alterthumskunde. 2. Aufl. Leipzig, 1867—1874. Bd. II. S. 369, Anm. 5) и Э. Герцфельд (*Herzfeld.* Sakastan. S. 31—35) считают, что это была часть Арахозии. Леви (*Lévy, Chavannes.* L'Itinéraire d'Où K'ong. Р. 371—384) и Франке (*Franke.* Beiträge... S. 55 f.) предполагают, что это был Кашмир. Клапрот (*Klaproth.* Tableaux historiques... Р. 133) и Вигер (*Wieger.* Textes historiques. I. Р. 716) отождествляют Ги-бинь с Кабулом; при этом Рэпсон (СНІ. Vol. I. Р. 563) указал на то, что в долине Кабула не найдено нумизматических свидетельств, подтверждающих присутствие ранних сакских царей. Рэпсон и Томас (*Thomas F.W.* The Date of Kaniska // JRAS. 1913. Р. 634 f.) полагают, что трудности кашмирского пути препятствовали масштабной племенной миграции. Очевидно, не все саки смогли добраться до Индии по этому пути, иначе в их культуре не был бы представлен столь значительно парфянский элемент.
- ¹⁸⁰ *Rapson* // СНІ. Vol. I. Р. 564. Автор не согласен с Томасом (*Thomas F.W.* Sakastana // JRAS. 1906. Р. 181—216) в том, что саки долгое время находились на территории Восточного Ирана.
- ¹⁸¹ *Wroth.* Parthia. Р. 40, n. 1.
- ¹⁸² Смит, который принял теорию о том, что Митридат I совершил вторжение в Индию, датирует Мауэса примерно 95 годом до н. э. (*Smith V.A.* Early Hist. of India. 4th ed. Р. 241 f.). Рэпсон (СНІ. Vol. I. Р. 570) помещает это вторжение между 88 и 72 годами до н. э.

- ¹⁸³ *Bühler C.* Taxila Plate of Patika // *Epig. Ind.* IV, No. 5. 1896/1897. P. 54—57; *Rapson* // *CHI*. Vol. I. P. 570. Общее обсуждение вопроса: *Vallée-Poussin L. de la.* L'Inde aux temps des Mauryas. Paris, 1930. P. 272 f.
- ¹⁸⁴ *Thomas E.* Bactrian Coins and Indian Dates // *Academy*. Dec. 26. 1874. P. 686 f.; *Archaeological Survey of Southwest India*. II. 1897. P. 31.
- ¹⁸⁵ *Rapson* // *CHI*. Vol. I. P. 570; *ср.* с. 42.
- ¹⁸⁶ *Konow S.* Taxila Inscription of the Year 136 // *Epig. Ind.* XIV, No. 20. 1917/1918. P. 94—95; *idem.* The So-called Takht-i-Bahi Inscription of the Year 103 // *Epig. Ind.* XVIII, No. 28. 1925/1926. P. 261—282; *idem.* The Zeda Inscription of the Year 11 // *Epig. Ind.* XIX, No. 1. 1927/1928. P. 1—15; *idem* // *CH*. II/1. P. LXXXII — XCIV, 1 ff.; *idem.* Notes on Indo-Scythian Chronology // *Journ. of Indian History*. Vol. XII. 1933. P. 1—46.
- ¹⁸⁷ Я цитирую письмо сэра Джона Маршалла ко мне от 19 апреля 1935 года. (Джон Хьюберт Маршалл (1876—1958) — британский археолог, главный директор Археологического управления Индии в 1902—1931 годах, руководитель раскопок, которые привели к открытию Хараппы и Мохенджо-Даро. — *Прим. ред.*)
- ¹⁸⁸ Интересная, хотя и более ранняя параллель этому обычаю обнаруживается в Эламе; *см.*: *Cameron.* History of Early Iran. P. 20, 71 f.
- ¹⁸⁹ *Rapson* // *CHI*. Vol. I. P. 569.
- ¹⁹⁰ *Kugler.* Sternkunde... Bd. II. S. 447. Nr. 31.
- ¹⁹¹ О монетах индо-скифского периода *см.*: *Gardner.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886; *Drouin E.* Chronologie et numismatique des rois indo-scythes // *RN*. 3 sér. VI. 1888. P. 8—52; *Cunningham A.* Coins of the Indo-Scythians. London. 1892; *Rapson.* Indian Coins // *Bühler G.* Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. Bd. II/3. Ht. B. Strassburg, 1897; *Smith V. A.* Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta. Vol. I. Oxford, 1906; *Marshall J. H.* Excavations at Taxila // *Ann. Rep. Archaeol. Survey of India*. 1912/1913. P. 1—52; *Whitehead R. B.* Catalogue of Coins in the Punjab Museum, Lahore. Vol. I: Indo-Greek Coins. Oxford, 1914.
- ¹⁹² Конов (*Konow.* The So-called Takht-i-Bahi Inscription. P. 273 f.) предполагал, что Азес и Азилис были одним и тем же человеком, но потом отказался от этой идеи (*idem.* Notes on Indo-Scythian Chronology. P. 24). *См.* свидетельства против отождествления этих правителей: *Majumdar N. G.* Notes on the Coins of Azes // *Ann. Rep. Archaeol. Survey of India*. 1928/1929. P. 169—174. Pl. LXIV; *Marshall.* Excavations at Taxila // *Ibid.* 1929/1930. P. 72 ff.
- ¹⁹³ *Gardner.* Coins of the Greek and Scythic Kings. P. 173. Pl. XXXII, 9.
- ¹⁹⁴ *Rapson* // *CHI*. Vol. I. P. 573.
- ¹⁹⁵ *Ibid.* P. 574—580; *Fleet J. F.* St. Thomas and Gondophernes // *JRAS*. 1905. P. 223—236.

- ¹⁹⁶ *Rapson* // CHI. Vol.I. P. 578; *idem*. Note on Ancient Coins // JRAS. 1904. P. 677; *Cunningham*. Coins of the Sakas // NC. 1890. P. 119. См. также: *Schur W.* Die Orientpolitik des Kaisers Nero. Leipzig, 1923 (Klio. Beiht. XV/NF. Ht. 2). S. 69–80.
- ¹⁹⁷ *Rapson* // CHI. Vol.I. P. 580; ср.: *Sallet A. von*. Die Nachfolger Alex. des Grossen. Berlin, 1879. S. 52 f.
- ¹⁹⁸ *Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Heou han chou // T'oung pao. 2 sér. VIII. 1907. P. 190–192; *Weiger*. Textes historiques. I. P. 716 f.
- ¹⁹⁹ *Specht É.* Les Indo-Scythes et l'époque du règne de Kanichka // JA. 9 sér. T. X. 1897. P. 152–193; *Lévi S.* Note additionnelle sur les Indo-Scythes // Ibid. P. 526–531; *Boyer A. M.* L'Époque de Kanishka // JA. 9 sér. T. XV. 1900. P. 526–579; *Oldenberg H.* Zwei Aufsätze zur altindischen Chronologie und Literaturgeschichte. 1. Zur Frage nach der Aera des Kanishka // NGWG. 1911. S. 427–441 [пер. на англ. яз.: Journal of the Pali Text Society. 1910–1912. P. 1–18]; *Kennedy J.* The Secret of Kanishka // JRAS. 1912. P. 665–688, 981–1019; *Fleet*. The Question of Kanishka // JRAS. 1913. P. 95–107; *idem*. Sidelights on Kanishka // Ibid. P. 369–378; *Thomas F. W.* The Date of Kaniska. P. 627–650.
- ²⁰⁰ *Periplus 38*; *McCrindle J. W.* Anonymi [Arriani ut fertur] Periplus Maris Erythraei // Indian Antiquary. VIII. 1879. P. 107–151; *Kennedy*. Some Notes on the Periplus of the Erythraean Sea // JRAS. 1916. P. 829–837; *idem*. Eastern Kings Contemporary with the Periplus // JRAS. 1918. P. 106–114; *Schoff W. H.* As to the Date of the Periplus // JRAS. 1917. P. 827–830.
- ²⁰¹ *Phlegon*. Fr. 12. 7 (J.Bd. II B. S. 1164); *Appian*. *Mith.* 104; *Dio Cass.* XXXVI. 45; ср. с монетами, отнесенными к Фраату Ротом (*Wroth*. *Parthia*. P. 45–55).
- ²⁰² *Memnon*. Fr. LVIII. 2 (FHG. Vol. III. P. 556 f.): «Фрадат»; *Dio Cass.* XXXVI. 1; *Appian*. *Mith.* 87; *Plut.* *Lucullus* 30.
- ²⁰³ *Sallust*. *Hist.* IV, fr. 69.
- ²⁰⁴ *Plut.* *Lucullus* 30; *Appian*. *Mith.* 87; *Dio Cass.* XXXVI. 3.
- ²⁰⁵ PW, статья «Sextilius». Nr. 2.
- ²⁰⁶ PW, статья «Sornatius».
- ²⁰⁷ *Cicero*. *Manil.* 23–24; *Plut.* *Lucullus* 30; *Sallust*. *Hist.* IV. F. 72. См. также: PW, статьи «Licinius (Lucullus)». Nr. 102 и «Mithradates». Nr. 12.
- ²⁰⁸ О Тигране Младшем см.: PW, статья «Tigranes». Nr. 2.
- ²⁰⁹ *Strabo* XVI. 1.24; *Appian*. *Mith.* 105. Плутарх (*Plut.* *Pompeius* 33) и Дион Кассий (*Dio Cass.* XXXVI. 53) упоминают только Софену.
- ²¹⁰ *Appian*. *Mith.* 105.
- ²¹¹ *Plut.* *Pompeius* 36; *Plin.* *Hist. nat.* VI. 52.
- ²¹² PW, статья «Gabinus». Nr. 11.
- ²¹³ *Dio Cass.* XXXVII. 5. 2.
- ²¹⁴ *Ibid.* XXXVII. 5. 3; *Appian*. *Mith.* 106; *Plut.* *Pompeius* 36.

- ²¹⁵ Plut. *Pompeius* 36.
- ²¹⁶ Ibid. 33; idem. *Reg. et im P. apophthegmata*. 204. 8 (Loeb. Vol. III. P. 210).
- ²¹⁷ Дион Кассий говорит, что Гордиена была захвачена без боя (Dio Cass. XXXVII. 5). Плутарх, наоборот, утверждает, что Афраний выгнал оттуда Фраата и преследовал его до самой Арбелы (Plut. *Pompeius* 36). Страбон упоминает о том, что Помпей отдал Гордуэну Тиграну (Strabo XVI. 1. 24).
- ²¹⁸ Appian. *Mith.* 106; Dio Cass. XXXVII. 5; Plut. *Pompeius* 39.
- ²¹⁹ Plut. *Pompeius* 39; Dio Cass. XXXVII. 7.
- ²²⁰ Saint-Martin J. *Fragments d'une histoire des Arsacides*. T. II. Paris, 1850. P. 107; Spiegel F. von. *Erânische Altertumskunde*. Leipzig, 1871—1878. Bd. III. S. 98; Schneiderwirth J. H. *Die Parther oder das neupersische Reich unter den Arsaciden nach griechisch-römischen Quellen*. Heiligenstadt, 1874. S. 50; Wroth. *Parthia*. P. XXXII; Regling K. *Crassus' Partherkrieg* // Klio. VII. 1907. S. 359 f.; Anm. 1.
- ²²¹ Dio Cass. XXXIX. 56. Имя Ород правильное произносить как Гирод; вот его формы: Strassmaier // ZA. Bd. III. 1888. S. 147, Anm. 9, строка 3 — Ú-ru-da-a; монеты (Wroth. *Parthia*. P. 96) — ΥΡΩΔΟΣ; Plut. *Crassus*, 21; Polyaeus. *Strat.* VII. 41 — 'Υρωδης; Appian. *Syr.* 51; Dio Cass. XL. 12 — 'Ορωδης; Iustin. XLII. 4. 2; Vell. Pat. 46. II; Plin. *Hist. nat.* VI. 47; Ampelius 31; Eutrop. *Brev.* VI. 18 — Orodes; Orosius VI. 13.2 — Horodes.
- ²²² Iustin. XLII. 4. 1. Дион Кассий, однако, считает, что трон получил Ород, а Митридату отдает Мидию (Dio Cass. XXXIX).
- ²²³ Dio Cass. XXXIX. 56; McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 214 f.
- ²²⁴ Iustin. XLII. 4. 1.
- ²²⁵ Dio Cass. XXXIX. 56; Appian. *Syr.* 51; Iosephus. *Bell.* I. 175: 178, idem. *Ant.* XIV. 98—104; ср. также: Strabo XII. 3. 34; XVII. 1.11.
- ²²⁶ Iustin. XLII. 4. 2.
- ²²⁷ Plut. *Crassus* 21.
- ²²⁸ Iustin. XLII. 4. 4.
- ²²⁹ Dio Cass. XL. 12.
- ²³⁰ Allotte de la Fuy F-M. *Monnaies arsacides de la collection Petrowicz* // RN. 1905. P. 155 f.; Dressel H. *Ein Tetradrachmon des Arsakiden Mithradates III* // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXIII. 1922. S. 155—157. См. также: McDowell. *Coins from Selcucia*. P. 213, n. 29.
- ²³¹ Plut. *Crassus* 17.
- ²³² Plut. *Pompeius* 52; Vell. Pat. II. 46. 2; Liv. *Epit.* CV; ср.: Plut. *Crassus* 16.
- ²³³ Cicero. *EP. ad fam.* I. 9. 20; V. 8; idem. *EP. ad Att.* IV. 13. 2.
- ²³⁴ Tarn // CAH. Vol. IX. P. 606.
- ²³⁵ Plut. *Crassus* 17; Dio Cass. XL. 13.
- ²³⁶ Iosephus. *Bell.* I. 179; idem. *Ant.* XIV. 105; ср.: Orosius VI. 13. 1.
- ²³⁷ Plut. *Crassus* 17.

- ²³⁸ О локализации этой Зевгмы и о более ранней Зевгме к северу от нее см.: *Cumont. Études syriennes*. Paris, 1917. P. 119—142; *Dobiáš. Séleucie sur l'Euphrate // Syria*. T. VI. 1925. P. 253—268.
- ²³⁹ Ср. с трудностями, с которыми столкнулся император Траян (см. главу X).
- ²⁴⁰ Dio Cass. XL. 16; Plut. *Crassus* 17—18.
- ²⁴¹ У Плутарха (Plut. *Crassus* 19) говорится о 30 тысячах пехоты и 16 тысячах тяжелой кавалерии.
- ²⁴² Плутарх говорит о семи легионах, 4 тысячах всадниках и таком же числе легковооруженных воинов (Plut. *Crassus* 20). У Флора речь уже о 11 легионах (Floras I. 46. 2). Аппиан (Appian. *Bell. civ.* II. 18) дает общую численность армии Красса в 100 тысяч. Роулинсон (*Rawlinson. Sixth Mon.* P. 155 f.) насчитывает 35 тысяч, Сайкс — 34 тысячи (*Sykes. Hist. of Persia. Vol. I.* P. 347 f.), Тарн (*Tarn // САН. Vol. IX.* P. 608) — 28 тысяч.
- ²⁴³ Plut. *Crassus*. 23 ff.; ср.: Vell. Pat. II. 46.
- ²⁴⁴ Согласно Лукиану (Lucian. *Quomodo hist.* 29), парфянское военное подразделение, насчитывающее 1000 воинов, называлось «дракон».
- ²⁴⁵ Это родовое имя; см.: *Herzfeld. Sakastan // AMI. Bd. IV.* 1932. S. 70 ff.
- ²⁴⁶ Dio Cass. XL. 20. Роулинсон выразил сомнение относительно точности первоисточника (*Rawlinson. Sixth Mon.* P. 162 f.). Тарн считает Абгара невиновным в обмане (*Tarn // САН. Vol. IX.* P. 608).
- ²⁴⁷ Образцы такого защитного снаряжения обнаружены в Дура-Европос (Illust. London News. 1933. September 2. P. 362), но они относятся к более позднему времени, чем поход Красса. См. также фигуры, облаченные в чешуйчатую броню, на колонне Траяна.
- ²⁴⁸ *Laufer B. Chinese Clay Figures. I. Prolegomena on the History of Defensive Armor // Field Museum Anthropological Series. XIII. 2.* Chicago, 1914. P. 217 ff.
- ²⁴⁹ Cicero. *Pro Scauro* III. 1.
- ²⁵⁰ Strabo XVI. 1. 23; *Tarn // САН. Vol. IX.* P. 610, n. 1.
- ²⁵¹ Nic. Dam. CXIV (J. II A. S. 378, fr. 79); Plut. *Crassus* 29.
- ²⁵² Plut. *Crassus* 30; но ср.: Dio Cass. XL. 26, где говорится, что Красс без колебаний поверил Сурене.
- ²⁵³ Сент-Крюа (*Sainte-Croix G. E. J. Guilhelm de. Mémoire sur le gouvernement des Parthes // Acad. des inscr. et belles-lettres. Mém. de litt.* T. L. 1808. P. 62) был первым, кто указал на возможность такой интерпретации происшедшего.
- ²⁵⁴ Lucan. *De bell. civ.* VIII. 436 f.; Strabo XVI. 1. 23.
- ²⁵⁵ Plin. *Hist. nat.* VI. 47.
- ²⁵⁶ Horat. *Od.* III. 5. 5.
- ²⁵⁷ Vell. Pat. II. 82; Floras II. 20. 4.
- ²⁵⁸ Plut. *Crassus* 33.

- ²⁵⁹ Strabo XL. 9.2; Dio Cass. XL. 14; Plin. *Hist. nat.* V. 88 (25); Iustin. XLI. 1. 1; Herodian. IV. 10; Plut. *Antonius* 34.
- ²⁶⁰ Dio Cass. XL. 28; Iosephus. *Bell.* I. 180.
- ²⁶¹ Ср., к примеру: Iosephus. *Bell.* I. 485 f.
- ²⁶² Iosephus. *Ant.* XIII. 254; idem. *Bell.* I. 62.
- ²⁶³ Sotah 33a. «Антиохия» многими исправляется на «Антиох»; см.: Klausner J. *Israelitic History*. Vol. II. Jerusalem, 1924. P. 74 [in Hebrew].
- ²⁶⁴ Yerushalmy. *Berakoth* 7. 2 (ed. Krotoschin, repr. L. Lamm. Berlin, 1920. 1. 11b); *Nazir* 5. 5 (Ibid. II. 54b).
- ²⁶⁵ Szandzunski E. I. *The Talmudical Writings as a Sources for Parthian and Sassanid History* (неопубликованная магистерская диссертация. Университет Чикаго, 1932 г.). P. 30—34; ее краткое изложение: JAOS. Vol. LII. 1932. P. 305.
- ²⁶⁶ Horat. *Epist.* I. 18. 56—57; idem. *Od.* IV. 15. 6—8.
- ²⁶⁷ Plut. *Cicero* 36. 1. О наместничестве Цицерона см. также: d'Hugues G. *Une province romaine sous la république*. Paris, 1876.
- ²⁶⁸ Cicero. *EP. ad fam.* III. 3.
- ²⁶⁹ Cicero. *EP. ad Att.* V. 9. 1. Ср. с более поздним автором Боэцием, который говорит, что во времена Цицерона парфяне боялись Рима (*De consolatione philosophiae* II. 7. 30—34).
- ²⁷⁰ Ibid. V. 11.4.
- ²⁷¹ Ibid. V. 14. 1.
- ²⁷² Cicero. *De domo sua* 60.
- ²⁷³ Cicero. *EP. ad Att.* V. 16. 4.
- ²⁷⁴ Cicero. *EP. ad fam.* XV. 4. 2.
- ²⁷⁵ Ср. письмо Цицерона, написанное Катону 30 августа 51 года до н. э. (Cicero. *EP. ad fam.* XV. 3. 1), с другим его посланием, адресованным тому же Катону четыре месяца спустя (ibid. XV. 4. 3).
- ²⁷⁶ Dio Cass. XL. 28; Cicero. *EP. ad Att.* V. 20. 3.
- ²⁷⁷ Cicero. *EP. ad fam.* XV. 4. 7.
- ²⁷⁸ Ibid. XV. 3.1.
- ²⁷⁹ Ibid. XV. 1. 1—2.
- ²⁸⁰ Ibid. XV. 1. 2.
- ²⁸¹ См.: PW. s. v.
- ²⁸² Cicero. *EP. ad fam.* XV. 1. 3—5.
- ²⁸³ Dio Cass. XL. 28.
- ²⁸⁴ Cicero. *EP. ad fam.* XV. 1. 2; 6; idem. *EP. ad Att.* V. 18. 1—2. Позднее Дейотар получил похвалу Сената; см.: Lucan. *De bell. civ.* V. 54 f.; ср.: Cicero. *Pro rege Deiotaro* 1. 2.
- ²⁸⁵ Cicero. *EP. ad fam.* XV. 2. 1—2.
- ²⁸⁶ Cicero. *EP. ad Att.* V. 18. 1. О проходе через Коммагену см.: Caelius // Cicero. *EP. ad fam.* VIII. 10. 1); Dio Cass. XL. 29; Cicero. *EP. ad Att.* V. 20. 3.
- ²⁸⁷ Cicero. *EP. ad fam.* XV. 4. 7; PW, статья «Eriphaneia». Nr. 2.

- ²⁸⁸ Cicero. *EP. ad Att.* V. 20. 2.
- ²⁸⁹ Ibid. V. 21.2.
- ²⁹⁰ Malalas VIII. P. 201; Strabo XVI. 2. 4; PW, статья «Antigoneia». Nr. 1.
- ²⁹¹ Cicero. *EP. ad Att.* V. 20. 3–4. Ср.: Dio Cass. XL. 29, где утверждается, что Осак погиб в сражении. Об этой битве см. также: Frontinus. *Strat.* II. 5. 35.
- ²⁹² Cicero. *EP. ad Att.* V. 21.2.
- ²⁹³ Cicero. *EP. ad fam.* III. 8. 10.
- ²⁹⁴ Ibid. XV. 4. 8; ср.: idem. *EP. ad Att.* V. 20. 5.
- ²⁹⁵ Cicero. *EP. ad Att.* V. 21.2.
- ²⁹⁶ Ibid. V. 21. 2; VI. 2. 6; Caelius // Cicero. *EP. ad fam.* VIII. 7. 1.
- ²⁹⁷ Caelius // Cicero. *EP. ad fam.* VIII. 10. 2; Cicero. *EP. ad Att.* VI. 1.3.
- ²⁹⁸ Caesar. *Bell. Gall.* VIII. 54 f.; Plut. *Pompeius* 56. 3; idem. *Antony* 35. 4; Lucan. *De bell. civ.* II. 474 f.
- ²⁹⁹ Cicero. *EP. ad Att.* VI. 1. 14; VI. 4 f.; VI. 8. Юлий Цезарь говорит о парфянах: «Bibulum in obsidione habuerant (« [парфяне] держали в осаде Бибула») (Caesar. *Bell. civ.* III. 31).
- ³⁰⁰ Dio Cass XL. 30. В этом сообщении, однако, нет ничего, что прямо указывает на Пакора.
- ³⁰¹ Iustin. XLII. 4. 5.
- ³⁰² Cicero. *EP. ad fam.* II. 17.3. Его более поздние упоминания о парфянах немногочисленны: Cicero. *EP. ad Att.* VI. 6; VII. 2; 26; VIII. 11.
- ³⁰³ Caesar. *Bell. civ.* III. 82; Dio Cass. XLI. 55; ср. также: Lucan. *De bell. civ.* II. 633; 637 f.
- ³⁰⁴ Dio Cass. XLII. 2.
- ³⁰⁵ Plut. *Pompeius* 76. 4; Quintilian. III. 8. 33; Appian. *Bell. civ.* II. 83; Dio Cass. XLII. 2. 5; Vell. Pat. II. 53. 1; Florus II. 13. 51. Ср. также: Lucan. *De bell. civ.* VII. 427 ff.; VIII. 396 ff. О предполагаемой миссии Дейотара (вероятно, только воображаемой), чтобы побудить Восток поддерживать Помпея, см.: Lucan. *De bell. civ.* VIII. 209 ff.; 331 ff.
- ³⁰⁶ Plut. *Pompeius* 78–80.
- ³⁰⁷ Cicero. *EP. ad fam.* XII. 19. 1 f.; PW, статья «Cornificius». Nr. 8.
- ³⁰⁸ Cicero. *EP. ad Att.* XIV. 9. Более подробно см.: Adcock // САН. Vol. IX. P. 714.
- ³⁰⁹ Dio Cass. XLVII. 27; Appian. *Bell. civ.* IV. 58 f.
- ³¹⁰ Suet. *Julius* 44; ср.: Plut. *Caesar* 58.
- ³¹¹ Appian. *Bell. civ.* II. 110.
- ³¹² Nic. Dam. *De Caes.* 16; Hall C. M. Nicolaus of Damascus' Life of Augustus. P. 81, § 16, n. 3.
- ³¹³ Appian. *Bell. civ.* III. 24; Dio Cass. XLV. 9.
- ³¹⁴ Appian. *Bell. civ.* IV. 58.
- ³¹⁵ Suet. *Augustus* 8; Appian. *Bell. civ.* III. 9; Cicero. *EP. ad Att.* XIII. 27; 31; Dio Cass. XLV. 3; Florus II. 13. 94; Plut. *Brutus* 22. 2; idem. *Cicero* 43; idem. *Antonius* 16; Vel. Pat. II. 59; Liv. *Epit.* CXVII.

- ³¹⁶ Nic.Dam. *De Caes.* 18.
- ³¹⁷ Plut. *Brutus* 25.
- ³¹⁸ Dio Cass. XLIII. 51.
- ³¹⁹ См.: Dio Cass. XLIV. 15; Appian. *Bell. civ.* II. 110; Plut. *Caesar* 60; Cicero. *De div.* II. 110; Suet. *Iulius* 79. 3. Во всех перечисленных сочинениях цитируется рассказ о пророчестве Сивиллы, согласно которому парфян может победить только царь.
- ³²⁰ Appian. *Bell. civ.* IV. 63; 88; 99; ср.: Iustin. XLII. 4. 7.
- ³²¹ Plut. *Antonius* 25. 1.
- ³²² Dio Cass. XLVIII. 24. 3.
- ³²³ Appian. *Bell. civ.* V. 9 f.
- ³²⁴ Iustin. XLII. 4. 7; Dio Cass. XLVIII. 25; Plut. *Antonius* 28.
- ³²⁵ Florus II. 19; Dio Cass. XLVIII. 24. 4; Vell.Pat. II. 78; Liv. *Epit.* CXXVII; Ruf. Fest. 18.
- ³²⁶ Hill G.F. Historical Roman Coins. London, 1909. P. 128—131, pl. XIII, 80. На аверсе этих монет изображен Лабие, а на реверсе — оседланная и взнузданная лошадь. Принятие титула «парфянский» должно было означать победу над парфянами, но парфяне были союзниками Лабие. Вероятно, современникам, как, собственно, и нам, было непросто понять эту странную надпись.
- ³²⁷ Strabo XIV. 2. 24.
- ³²⁸ Dio Cass. XLVIII. 25—26.
- ³²⁹ Tac. *Ann.* III. 62.
- ³³⁰ Plut. *Antonius* 30; Strabo XII. 8. 9.
- ³³¹ Dio Cass. XLVIII. 26; Iosephus. *Ant.* XIV. 330 ff.; XX. 245; idem. *Bell.* I. 248 ff.
- ³³² Enoch 56: 5—8; ср. также 57. Для определения даты см: Olmstead. Intertestamental Studies // JAOS. Vol. LVI. 1936. P. 225 f.
- ³³³ Iosephus. *Bell.* I. 273; 284; idem. *Ant.* XIV. 379; 384 f.; Euseb. *Hist.* I. 6. 7; CSCO Syr. 3. sér., T. IV. Versio (1903—1905). P. 83, l. 17—19. Ср.: Bevan. Jerusalem under the High Priests. London, 1924. P. 145 f.; Darmesteter J. Les Parthes à Jérusalem // JA. 9 sér. T. IV. 1894. P. 43—54.
- ³³⁴ Ср.: Лев. 21:16—23.
- ³³⁵ Iosephus. *Bell.* I. 276.
- ³³⁶ Dio Cass. XLVIII. 27; Plut. *Antonius* 30.
- ³³⁷ Dio Cass. XLVIII. 41.
- ³³⁸ Appian. *Bell. civ.* V. 65; 75; 132 f.; Gellius. *Noct.Att.* XV. 4; Victor. *De vir.* III. 85; Dio Cass. XLVIII. 39—41; XLIX. 19—22; Eutrop. *Brev.* VII. 5; Florus II. 19 f.; Frontinus. *Strat.* I. 1. 6; II. 5. 36 f.; Tac. *Germ.* 37; Iosephus. *Ant.* XIV. 392—395; 420; idem. *Bell.* I. 284—292; Iustin. XLII. 4. 7—11; Iuvenal. *Sat.* VII. 199; Liv. *Epit.* CXXVII; Orosius VI. 18. 23; Plin. *Hist. nat.* VII. 135 (44); Plut. *Antonius* 33 f.; Ruf. Fest. 18; Strabo XII. 2. 11; XIV. 2. 24; XVI. 2. 8; Val.Max. VI. 9. 9; Vell.Pat. II. 78; Zonaras. X. 18; 22 f. Плутарх заимствовал свою информацию о передвижениях

Антония из сообщений Квинта Деллия — одного из офицеров Антония, см.: Plut. *Antonius* 59. Ср. также: *ibid.* 25; Strabo XI. 13. 3; Horat. *Od.* II. 3.

³³⁹ Appian. *Bell. civ.* V. 65.

³⁴⁰ Dio Cass. XLVIII. 26; 39—40; Strabo XIV. 2.24.

³⁴¹ Dio Cass. XLVIII. 41. Наиболее вероятны Аманские Ворота к северу от Епифанеи в Киликии.

³⁴² Ср. у Фронтинуса (Frontinus. *Strat.* II. 5.37), который, вероятно, получил информацию от Ливия. Сообщение Фронтинуса не совпадает с другими и, возможно, не имеет отношения к тому же самому сражению или командиру, которого он называет Фарнастаном. Дион Кассий дает имя Франапат (Dio Cass. XLVIII. 41), Страбон (Strabo XVI. 2. 8) — Франикат, Плутарх (Plut. *Antonius* 33) — Фарнапат или Франапат.

³⁴³ Dio Cass. XLVIII. 41; Plut. *Antonius* 33.

³⁴⁴ Iosephus. *Bell.* I. 291.

³⁴⁵ Dio Cass. XLIX. 19.

³⁴⁶ Frontinus. *Strat.* I. 1.6.

³⁴⁷ Dio Cass. XLVIII. 24.

³⁴⁸ Frontinus. *Strat.* I. 1. 6.

³⁴⁹ Strabo XVI. 2. 8.

³⁵⁰ Frontinus. *Strat.* I. 1.6.

³⁵¹ Dio Cass. XLIX. 20; Iosephus. *Bell.* I. 317; *idem.* *Ant.* XIV. 434; Tac. *Hist.* V. 9. См. также: Vell.Pat. II. 78. 1; Moses Chor. II. 19.

³⁵² Iustin. XLIII. 4. 7—10.

³⁵³ Dio Cass. XLIX. 23.

³⁵⁴ *Ibid.* XLIX. 20; Florus II. 19; Plut. *Antonius* 34; Strabo XVI. 2. 8. Ср. пассаж у Евтропия (Eutrop. *Brev.* VII. 5), где говорится о том, что это сражение происходило в тот же день, что и битва при Каррах.

³⁵⁵ Tac. *Germ.* 37; ср. также: Horat. *Od.* III. 6. 9 ff.

³⁵⁶ Amm. Marcel. XXIII. 23.

³⁵⁷ Plut. *Antonius* 34; Iosephus. *Ant.* XIV. 439—447; *idem.* *Bell.* I. 321 f.; Dio Cass. XLIX, 20 f.

³⁵⁸ О Вентидии см.: Suetonius // Gellius. *Noct.Att.* XV. 4. О триумфе см.: *Fasti triumphales populi Romani* / Ed.E. Pais. Roma, 1920. F. Tr. 715/39; CIL. I/I. P. 461; A. U. C. 716; Vell.Pat. II. 65.

³⁵⁹ Iosephus. *Bell.* I. 433; *idem.* *Ant.* XV. 11—22; 164—182.

³⁶⁰ Iustin. XLII. 4. 11—16; Dio Cass. XLIX. 23.

³⁶¹ Первый известный выпуск монет Фраата датируется июнем 37 г. до н. э. (*Petrowicz. Arsaciden-Münzen.* S. 77. Nr. 1).

³⁶² Plut. *Crassus* 33. Сообщение об этом, возможно, более позднее греческое или римское дополнение.

³⁶³ Плутарх говорит о том, что Фраат казнил Орода (Plut. *Antonius* 37); согласно Диону Кассию, Ород умер от старости (Dio Cass. XLIX. 23).

- ³⁶⁴ Horat. *Od.* III. 6. 9; Plut. *Antonius* 37.
- ³⁶⁵ PW, статьи «Larisa». Nr. 12, «Arethusa». Nr. 10 и «Hierapolis» (Suppl. IV).
- ³⁶⁶ Dio Cass. XLIX. 24; Holmes T.R. *The Architect of the Roman Empire*. Oxford, 1928. P. 122 f., notes; Günther A. *Beiträge zur Geschichte der Kriege zwischen Römern und Parthern*. Berlin, 1922. S. 51, Anm. 1.
- ³⁶⁷ Groot J. de. *Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*. Bd. I. S. 230 f.
- ³⁶⁸ Dio Cass. XLIX. 24; Plut. *Antonius* 37.
- ³⁶⁹ Dio Cass. XLIX. 25; Plut. *Antonius* 37; ср.: Strabo XI. 13.4; XVI. 1. 28.
- ³⁷⁰ Kromayer J. *Kleine Forschungen zur Geschichte des zweiten Triumvirats* // Hermes. Bd. XXXI. 1896. S. 92 ff.; Holmes. *The Architect of the Roman Empire*. P. 225 f. Гюнтер (Günter. *Beiträge...* S. 55) считает, что это была середина апреля. Флор утверждает, что Антоний не объявлял войну (Florus II. 20. 2).
- ³⁷¹ Suet. *Iulius* 44.
- ³⁷² О пути следования Антония см.: Kromayer. *Kleine Forschungen...* S. 70—86; Holmes. *The Architect of the Roman Empire*. P. 124 f., 223—225 (вместе с библиографическими примечаниями). Ср.: Mommsen T. *The Provinces of the Roman Empire* / Transl. by W.P. Dickson. Vol. II. New York, 1906. P. 30—34; Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*. 3. Aufl. Bd. I. Berlin, 1920. S. 478—481.
- ³⁷³ Плутарх (Plut. *Antonius* 37), Юстин (Iustin. XLII. 5. 3) и Флор (Florus II. 20) сообщают, что у Антония было шестнадцать легионов. Аврелий Виктор (Victor. *De vir. ill.* 85. 4) говорит о пятнадцати легионах, Ливий (Liv. *Epit.* CXXX) — о восемнадцати, а Веллей Патеркул (Vell. Pat. II, 82) — о тринадцати. Кромайер (Kromayer. *Kleine Forschungen zur Geschichte des zweiten Triumvirats* // Hermes. Bd. XXXIII. 1898. S. 27) оценивает среднюю численность этих легионов в 3750 воинов. См. также: Günter. *Beiträge...* S. 50. Anm. 2; Tarn. *Antony's Legions* // *Classical Quarterly*. Vol. XXVI. 1932. P. 75—81.
- ³⁷⁴ Strabo XI. 13.4; XVI. 1.28.
- ³⁷⁵ Dio Cass. XLIX. 25.
- ³⁷⁶ Фрааспа — это Вера классических источников: Strabo XI. 13. 3. См.: Sykes. *History of Persia*. Vol. I. P. 360, n. 1; Rawlinson H.C. *Memoir on the Site of Atropatenian Ecbatana* // *Journ. Royal. Geog. Soc.* Vol. X. 1841. P. 113—115.
- ³⁷⁷ Dio Cass. XLIX. 25.
- ³⁷⁸ Плутарх говорит о гибели 10 тысяч римских воинов (Plut. *Antonius* 38); Ливий (Liv. *Epit.* CXXX) и Веллей Патеркул (Vell. Pat. II. 82) говорят о двух легионах.
- ³⁷⁹ Plut. *Antonius* 39.
- ³⁸⁰ Ibid.
- ³⁸¹ Ibid.; Frontinus. *Strat.* IV. 1.37. Хотя Дион Кассий говорит о том, что всей армии выдали ячмень (Dio Cass. XLIX. 27), замена пшеницы ячменем обычно была частью наказания.

- ³⁸² Plut. *Antonius* 41. Более поздние авторы Веллей Патеркул (Vell. Pat. II. 82) и Флор (Florus II. 20. 4) представляют его как выжившего участника похода Красса, поселенного в Маргиане.
- ³⁸³ Относительно этого отступления римлян см. также: Frontinus. *Strat.* II. 13. 7.
- ³⁸⁴ Plut. *Antonius* 42.
- ³⁸⁵ Ibid. 45; Dio Cass. XLIX. 29 f.; Frontinus. *Strat.* II. 3. 15.
- ³⁸⁶ Plut. *Antonius* 47 ff.; Frontinus *Strat.* II. 3. 15; II. 13. 7. Об этом отступлении см.: Rawlinson H. C. Memoir on the Site of the Atropatenian Ecbatana. P. 113–117.
- ³⁸⁷ Плутарх говорит о потерях в 20 тысяч пехотинцев и 4 тысячи кавалеристов (Plut. *Antonius* 50), но он, очевидно (см.: Rawlinson. Sixth Mon. P. 205, n. 2), не включает в это число 10 тысяч погибших воинов Стациана. Веллей Патеркул утверждает, что потери римлян составили не менее четверти всех солдат; также было утрачено все имущество легионов (Vell. Pat. II. 82). Флор говорит о том, что в живых осталась только треть всех воинов (Florus II. 20. 10); ср.: Plut. *Demetrius et Antonius* 1.
- ³⁸⁸ Allotte de la Fuÿe. Monnaies arsacides surfrappées // RN. 1904. P. 174–187.
- ³⁸⁹ Dio Cass. XLIX. 31. Плутарх говорит, что Клеопатра привезла с собой только одежду и Антоний раздавал деньги из своих собственных средств (Plut. *Antonius* 51).
- ³⁹⁰ Dio Cass. XLIX. 33.
- ³⁹¹ Plut. *Antonius* 53; Dio Cass. XLIX. 33.
- ³⁹² Iosephus. *Ant.* XV. 80; 96; idem. *Bell.* I. 362.
- ³⁹³ Dio Cass. XLIX. 41. 5.
- ³⁹⁴ Plut. *Antonius* 50; idem. *Demetrius et Antonius* 5; Iosephus. *Bell.* I. 363; idem. *Ant.* XV. 104 f.; Strabo XI. 14. 15.
- ³⁹⁵ Plut. *Antonius* 54. 4; Dio Cass. XLIX. 41.
- ³⁹⁶ Dio Cass. LI. 16. 2.
- ³⁹⁷ Легенды на монетах Тиграна содержат парфянские титулы; см.: Newell. Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts. P. 13–15.
- ³⁹⁸ Iustin. XLII. 5. 4; Dio Cass. LI. 18; ср. также: Horat. *Epist.* I. 12. 27–28; idem. *Od.* I. 26. 5; Vergil. *Georg.* I. 509.
- ³⁹⁹ Cumont. Nouvelles inscriptions grecques de Suse // CR. 1930. P. 211–220.
- ⁴⁰⁰ Dio Cass. LI. 18. Не известны тетрадрахмы Фраата, датированные 30/29 годом до н. э.; см.: McDowell. Coins from Seleucia. P. 185. Гораций упоминает о восстановлении власти Фраата (Horat. *Od.* II. 2. 17). О проблеме Тиридата и Фраата см.: Ten Cate Fennema H. Quaestiones Parthicae. Neomagi, 1882. P. 44 f.
- ⁴⁰¹ Isid. Char. *Mans. Parth.* 1.
- ⁴⁰² Wroth. Parthia. P. 135.
- ⁴⁰³ Iustin. XLII. 5. 6

- ⁴⁰⁴ CIL. III. No. 8746; *Gardthausen V.E.* Die Parther in griechisch-römischen Inschriften // *Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag gewidmet.* Gieszen, 1906. S. 847 f.
- ⁴⁰⁵ Propertius III. 1. 16; 4. 1—19; 5. 48; 9. 25; 53 f.; 12. 1—15. Проперций должен был получать надежную информацию, так как его покровителем был Гай Цильний Меценат, друг и военный советник Октавиана. Имеются указания на такие планы уже в 30 году до н. э.: Tibullus III. 7; Horat. *Od.* I. 21 f.; 51; 11. 2; 12. 53 ff.; 19. 11 f.; 21. 15.
- ⁴⁰⁶ Propertius IV. 3.
- ⁴⁰⁷ Ovid. *Fasti* V. 545 ff.; CIL. 2 ed. Vol. I. P. 229, 318.
- ⁴⁰⁸ Suet. *Augustus* 21. 3; idem. *Tiberius* 9. 1; Iustin. XLII. 5. 11 f.; Liv. *Epit.* CXLI; Vell. Pat. II. 91. 1; Florus II. 34. 63; Eutrop. *Brev.* VII. 9; Orosius VI. 21. 29; Horat. *Od.* IV. 15.6—8; idem. *Epist.* I. 12. 27 f.; 18. 56 f.; Ovid. *Tristia* II. 227 f.; idem. *Fasti* V. 579 f.; VI. 465—468; Strabo VI. 4. 2; XVI. 1. 28; Vergil. *Aeneis* VII. 605 f.; Propertius. IV. 6. 79—82; Orac. Sibyl. V. 47 ff.
- ⁴⁰⁹ Mattingly H., Sydenham E.A. The Roman Imperial Coinage. Vol. I. London, 1923. P. 46, 63, No. 46 ff.; P. 61, No. 17; P. 63, No. 37; P. 70, No. 98 ff.; P. 84, No. 256; P. 86, No. 302 ff.
- ⁴¹⁰ Mon. Ancyr. V. 29; Dio Cass. LIV. 8. Этот храм на форуме Августа не был закончен до 2 года до н. э. Изображение храма на монетах (см.: Mattingly, Sydenham. The Roman Imperial Coinage. Vol. I. P. 46; P. 61, No. 16; P. 85, No. 281 ff.) не соответствует его известному плану. Хилл (Hill. Historical Roman Coins. P. 143) и другие авторы предполагают, что здание на монетах — это временное святилище, возведенное на Капитолии.
- ⁴¹¹ Авроман II; см.: Minns. Parchments of the Parthian Period... P. 22—65. В документе есть дата 291 год, то есть 21/20 год до н. э., если это селевкидская эра, и 44/45 год н. э., если это аршакидская эра.
- ⁴¹² Mon. Ancyr. VI (32). Сераспадан и Родасп упомянуты в надписи, найденной в Риме (CIL. VI. Nr. 1799 = Dessau 842). См. также: Strabo VI. 4. 2; XVI. 1. 28; Tac. *Ann.* II. 1 f.; Vell. Pat. II. 94. 4; Iustin. XLII. 5. 12; Iosephus. *Ant.* XVIII. 42; Suet. *Augustus* 21.3; 43. 4; Eutrop. *Brev.* VII. 9; Orosius VI. 21. 29.
- ⁴¹³ PW, статья «Syria». Col. 1629. Тиций был наместником в 10—9 годах до н. э.
- ⁴¹⁴ Iosephus. *Ant.* XVI. 253; Wroth. Parthia. P. XXXVIII; Gutschmid. Geschichte Irans. S. 116.
- ⁴¹⁵ Szandzunski. Talmudical Writings, passim.
- ⁴¹⁶ CIL. XIV. Nr. 2216; Gardthausen. Die Parther... S. 844.
- ⁴¹⁷ О монетах Тиграна и Эрато см.: Head B.V. Historia Numorum. Oxford, 1887. P. 636. См. также: PW, статья «Erato». Nr. 9; статья «Tigranes». Nr. 4.
- ⁴¹⁸ Дион Кассий, возможно, ссылается на задание Тиберия (Dio Cass. LV. 9; Zonaras X. 35; Ovid. *Consol.* 389 ff.).

- ⁴¹⁹ Артавазд выпустил монеты с портретами Августа и самого себя; см.: *Gardner. On an Unpublished Coin of Artavasdes II, King of Armenia* // NC. NS. Vol. XII. 1872. P. 9–15.
- ⁴²⁰ Самые ранние монеты Фраатака датированы 310 годом селевкидской эры; см.: *Wroth. Parthia*. P. XL, 136.
- ⁴²¹ Tac. *Ann.* II. 4; Dio Cass. LV. 10. 18; Vell. Pat. II. 100. 1; ср.: Mon. Ancyр. V (27).
- ⁴²² Dio Cass. LV. 10. 20.
- ⁴²³ Vell. Pat. II. 101. 1.
- ⁴²⁴ Ср. с отрывком из труда Антипатра из Фессалоники, утверждающего, что Гай пошел далее к Евфрату (Anthol. Palat. IX. 297), и упоминаниями об Армении и Араксе у Кринагора (Ibid. 430). См. также: Suet. *Nero* 5. 1; idem. *Tiberius* 12. 2; Plut. *Reg. imp. apoph.* 207. 10.
- ⁴²⁵ На монетах этого года голова Музы появляется вместе с головой Фраатака; см.: *Gardner. Parthian Coinage*. P. 45 f. Единственное другое изображение голов царя и царицы на парфянских монетах относится к правлению Готарза II; см.: *Wroth. Parthia*. P. 172.
- ⁴²⁶ Ср.: Iosephus. *Ant.* XVIII. 42 f.; Lucan. *De bell. civ.* VIII. 401–410; M. Felix. *Octavius* XXXI. 3; Orac. Sibyl. VII. 38–50.
- ⁴²⁷ Iustin. XLI. 3. 5. Силий Италик утверждает, что в Гиркании было принято приводить собак к мертвым царским телам (Silius Italicus XIII. 473 f.). Лукиан говорит, что персы хоронили своих умерших (Lucian. *De luctu* 21). См. также: *Herzfeld. Archaeological History of Iran*. London, 1935. P. 38 f.
- ⁴²⁸ PW, статья «Artagira». Nr. 1. Написание и дата зафиксированы в: CIL. IX. Nr. 5290.
- ⁴²⁹ Strabo XI. 14. 6; Dio Cass. LV. 10a. 6–9; Vell. Pat. II. 102; Florus II. 32; Ruf. Fest. 19; Tac. *Ann.* I. 3; CIL. IX. Nr. 5290.
- ⁴³⁰ Mon. Ancyр. V (27).
- ⁴³¹ Seneca. *De brev. vit.* IV. 5.
- ⁴³² Seneca. *De cons. ad. Polyb.* XV. 4; Ovid. *Ars amat.* I. 177 ff., 199 ff., 223 ff.; idem. *Remedia amoris* 155 ff., 224. Последний из указанных стихов, видимо, выражает разочарование в связи с несостоявшейся экспедицией.
- ⁴³³ Iosephus. *Ant.* XVIII. 42 f.
- ⁴³⁴ *Gardner. Parthian Coinage*. P. 46; последние монеты Музы и Фраатака датируются месяцем Гиперберетеем 315 года селевкидской эры.
- ⁴³⁵ Ср.: Iosephus. *Ant.* XVIII. 42 f.; Mon. Ancyр. VI (32).
- ⁴³⁶ Единственная известная монета Орода, если, разумеется, она правильно атрибутирована, датируется 317 годом селевкидской эры, то есть 6/7 годом н. э.; см.: *Gardner. Parthian Coinage*. P. 46, pl. V/1. В течение следующих двух лет монеты не чеканились.
- ⁴³⁷ Iosephus. *Ant.* XVIII. 44 f.
- ⁴³⁸ Suet. *Tiberius* 16.

- ⁴³⁹ Mon. Ancyр. VI (33); Tac.*Ann.* II. 1—2; Iosephus. *Ant.* XVIII. 46. Вероятно, это тот самый Вонон, который упоминается в поэме, цитируемой Авсонием (Ausonius. *Epist.* XXIII. 6). Эта поэма, присланная Авсонию Понтием Павлином, была основана на труде Светония «Жизнеописания царей», ныне утраченном. Известные монеты Вонона датируются 9/10, 11/12 и 12/13 годами н. э., см.: McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 187.
- ⁴⁴⁰ Tac.*Ann.* II. 3; VI. 36; 42; Iosephus. *Ant.* XVIII. 48. См. также: PW, статья «Hyrkania». Col. 507 f.; Schur W. *Die Orientpolitik des Kaisers Nero*. Leipzig, 1923 (Klio. Beiht. XV/NF. Ht. 2). S. 70 ff.
- ⁴⁴¹ Wroth. *Parthia*. P. XLIII, 143 f.
- ⁴⁴² Iosephus. *Ant.* XVIII. 48—50; McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 187. Вероятно, этот же Артабан упоминается у Мар Марии (Acta martyrum et sanctorum. I. 79. § 8).
- ⁴⁴³ Mon. Ancyр. V (27); Tac.*Ann.* II. 3 f.; VI. 40; Iosephus. *Ant.* XVIII. 140; idem. *Bell.* II. 222. См. также: PW, статья «Tigranes». Nr. 5.
- ⁴⁴⁴ Tac.*Ann.* II. 4. Ср.: Iosephus. *Ant.* XVIII. 50—52; Gwatkin W. E. *Cappadocia as a Roman Procuratorial Province* // University of Missouri Studies. Vol. V, No. 4. 1930. P. 13; McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 223.
- ⁴⁴⁵ PW, статья «Caecilius». Nr. 90.
- ⁴⁴⁶ Tac.*Ann.* II. 43.
- ⁴⁴⁷ Ibid. II. 56; ср. также: Suet. *Gaius* 1. 2; Strabo XII. 3. 29. В Кесарии Каппадокийской были отчеканены монеты со сценой коронации и надписью GERMANICUS ARTAXIAS; см.: Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. P. 104, n. 8. Маттингли предполагает, что эти монеты, возможно, были выпущены Калигулой.
- ⁴⁴⁸ Tac.*Ann.* II. 58.
- ⁴⁴⁹ Cantineau J. *Textes palmyréniens provenant de la fouille du temple de Bêl* // Syria. T. XII. 1931. P. 139—141; Seyrig H. *Antiquités syriennes* // Syria. T. XIII. 1932. P. 266—269.
- ⁴⁵⁰ Tac.*Ann.* II. 68; Suet. *Tiberius* 49. 2. О Реммии см.: PW, статья «Remmius». Nr. 3.
- ⁴⁵¹ Suet. *Tiberius* 41.
- ⁴⁵² Артабан перестал чеканить монеты задолго до окончания своего правления. Макдауэлл описывает его последние монеты, датированные 27/28 годом, и добавляет к ним (правда, сомневаясь) монеты выпусков 29/30 и 30/31 годов (McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 188).
- ⁴⁵³ Cumont. *Une lettre du roi Artaban III* // CR. 1932. P. 238—260; Rostovtzeff. *L'Hellénisme en Mésopotamie* // Scientia. LIII. 1933. P. 120 f.; Welles. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934. P. 299—306.
- ⁴⁵⁴ Iosephus. *Ant.* XVIII. 310—379.
- ⁴⁵⁵ Tac.*Ann.* VI. 31. Ср. также: Philostratus. *Vita Apoll.* II. 2.

- ⁴⁵⁶ Тас.*Ann.* VI. 31; Dio Cass. LVIII. 26; Suet. *Tiberius* 66.
- ⁴⁵⁷ Тас.*Ann.* VI. 33; Dio Cass. LVIII. 26; Iosephus. *Ant.* XVIII. 97; Plin. *Hist. nat.* XV. 83.
- ⁴⁵⁸ Тас.*Ann.* VI. 35; Iosephus. *Ant.* XVIII. 97 ff.
- ⁴⁵⁹ Iosephus. *Ant.* XVIII. 97 ff.; *Rostovtzeff*. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 116. Ср.: Seneca. *Thyestes* 630 f.
- ⁴⁶⁰ Тас.*Ann.* VI. 36; Iosephus. *Ant.* XVIII. 100.
- ⁴⁶¹ Тас.*Ann.* VI. 37; ср.: *Rawlinson*. Sixth. Mon. P. 234. Позже Тиридат назначил Орноспада сатрапом Месопотамии.
- ⁴⁶² Такое различие между греческими и парфянскими городами проводится многими античными авторами. Помимо названных (Тас.*Ann.* VI. 41) Исидор Харакский упоминает как греческие города еще Ихны, Никефорий, Артемиту и Халу (Isid. *Char. Mans. Parth.* 1—3). Как видим, Артемита называется и как греческий, и как парфянский город.
- ⁴⁶³ *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 225.
- ⁴⁶⁴ *Cumont*. Une lettre du roi Artaban III. P. 249 f.
- ⁴⁶⁵ Iosephus. *Ant.* XVIII. 100; Тас.*Ann.* VI. 44.
- ⁴⁶⁶ Iosephus. *Ant.* XVIII. 101—103. Ср.: Dio Cass. LIX. 17. 5 и 27. 2 f.; Suet. *Vitellius* 2. 4; idem. *Caius* 19; все эти авторы либо относят это событие к эпохе правления Калигулы, либо оставляют вопрос открытым. См.: *Täubler*. Die Parthernachrichten bei Iosephus. S. 33—39.
- ⁴⁶⁷ Тацит (Тас.*Ann.* XI. 9. 6) говорит, что восстание длилось семь лет. Его начало позволяют датировать нумизматические данные, приведенные Макдауэллом (*McDowell*. Coins from Seleucia. P. 225, 188 ff.) и Ротом (*Wroth*. Parthia. P. XLVI). О монетах, выпущенных в городе во время восстания, см.: *McDowell*. *OP. cit.* P. 141 f. No. 141.
- ⁴⁶⁸ Iosephus. *Ant.* XX. 22: Абеннериг, Адинергл или Абинергл, чье имя стоит на монетах 10 (?) года н. э., возможно, тождествен Адинн (е) рглу, чеканившему монеты в 22 году; см.: *Hill*. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922. P. CXCIX — CCI.
- ⁴⁶⁹ Iosephus. *Ant.* XX. 17—37; 54.
- ⁴⁷⁰ *Ibid.* XX. 54—69.
- ⁴⁷¹ Тас.*Ann.* XI. 8. Ср. с Иосифом (Iosephus. *Ant.* XX. 69), который кратко говорит о том, что первым на престол взошел Вардан. Данные нумизматики позволяют с некоторой осторожностью предположить, что ближе к истине Тацит; см.: *Wroth*. Parthia. P. XLV f.; *Bartholomaei J. de*. Recherches sur la numismatique des rois Arsacides // *Mém. Soc. d'arch. et de num. de St.-Petersbourg*. T. II. 1848. P. 59; *Herzfeld*. Am Tor von Asien. S. 45, 47 f. Деяния Готарза описаны в «Шахнаме», см.: *Coyajee J. C.* The House of Gotarzes: a Chapter of Parthian History in the Shahnameh // *Journ. and Proc. of the Asiatic Society of Bengal*. NS. Vol. XXVIII. 1932. P. 207—224.

- ⁴⁷² *Herzfeld*. Am Tor von Asien. S. 40 ff, Taf. XXI — XXIII; *idem*. Kushano-Sasanian Coins // Mem. Archaeol. Survey of India. No. 38. 1930. P. 5; CIG. III. No. 4674. Филострат называет брата Готарза Вардана мидийцем (*Philostratus. Vita Apoll.* I. 21).
- ⁴⁷³ Тас.*Ann.* XI. 8. 4. Тиберий за сутки преодолевал 184 мили (римская миля равнялась 1482 метра. — *Прим. ред.*) по хорошим дорогам с разработанной системой замены лошадей.
- ⁴⁷⁴ *Amm. Marcel.* XXIII. 23.
- ⁴⁷⁵ *Philostratus. Vita Apoll.* I. 21.
- ⁴⁷⁶ Он сразу выпустил царские монеты, см.: *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 189.
- ⁴⁷⁷ *Dio Cass.* LX. 8; *Seneca. De tranquillitate animi* XI. 12; Тас.*Ann.* XI. 8. 1.
- ⁴⁷⁸ Тас.*Ann.* XI. 10; *Iosephus. Ant.* XX. 72.
- ⁴⁷⁹ PW, статья «Hyrkania». Col. 468, 506 f.
- ⁴⁸⁰ Тас.*Ann.* XI. 10. 3.
- ⁴⁸¹ *McDowell*. Coins from Selcucia. P. 190. Чеканка монет Вардана прекратилась в четвертом месяце 45/46 года, но это говорит только о том, что он больше не владел Селевкийей. Монеты 46/47 и 47/48 годов содержат личное имя Готарза, что свидетельствует о наличии у него соперника, которым, очевидно, был Вардан.
- ⁴⁸² Тас.*Ann.* XI. 10.
- ⁴⁸³ *Gutschmid*. Geschichte Irans. S. 127, Anm. 2; *Wroth*. Parthia. P. XLVII.
- ⁴⁸⁴ Ср. упоминание о какой-то победе Клавдия над парфянами (*Seneca. Apocolocyntosis* 12).
- ⁴⁸⁵ Тас.*Ann.* XII. 13. 6.; PW, статья «Corma».
- ⁴⁸⁶ Тас.*Ann.* XII. 14 f.
- ⁴⁸⁷ *Herzfeld*. Am Tor von Asien. S. 40 ff., Taf. XXI — XXIII. Вероятно, как предполагает К. Хопкинс (*Hopkins C.* // The Excavations at Dura-Europos. Second Season, 1928—1929 / Ed. by M.I. Rostovtzeff and P.V. C. Bauer. New Haven, 1931. P. 93), к этой гражданской войне следует относить обнаруженную в Дуре-Европос посвященную надпись Зевсу Сотеру, датированную 50/51 годом.
- ⁴⁸⁸ Тас.*Ann.* XII. 14. 7.
- ⁴⁸⁹ *Iosephus. Ant.* XX. 74.
- ⁴⁹⁰ Тас.*Ann.* XII. 14. 7. Иосиф Флавий не упоминает Вонона; однако не стоит не доверять Тациту на основе краткого сообщения иудейского историка, который, возможно, намеренно пропустил имя Вонона, посчитав его неважным. Монеты Вонона неизвестны.
- ⁴⁹¹ По Тациту (Тас.*Ann.* XII. 14. 7), Вологез был сыном Вонона, по Иосифу Флавию (*Iosephus. Ant.* XX. 74.) — братом.
- ⁴⁹² Тас.*Ann.* XII. 44—47.
- ⁴⁹³ *Ibid.* XII. 49. 1.
- ⁴⁹⁴ *Dio Cass.* LXII (LXIII. 5); *Iosephus. Ant.* XX. 74; Тас.*Ann.* XII. 44.
- ⁴⁹⁵ *Iosephus. Ant.* XX. 74.

- ⁴⁹⁶ Ibid. XX. 81–91.
- ⁴⁹⁷ Tac. *Ann.* XII. 51; XIII. 6.
- ⁴⁹⁸ Ibid. XIII. 6.
- ⁴⁹⁹ Ibid. XIII. 7; Iosephus. *Ant.* XX. 158; idem. *Bell.* II. 252; Dessau 8958; см.: PW, статья «Sohacmus». Nr. 4.
- ⁵⁰⁰ Об этих легионах см.: PW, статья «Legio», как основной раздел, так и разделы по отдельным легионам, а также «Domitius (Corbulo)» в Suppl. III.
- ⁵⁰¹ Об утверждении Тацита, что он пришел «из Германии» (Tac. *Ann.* XIII, 35), см.: PW, статья «Legio (IV Scythica)». Col. 1558 f.
- ⁵⁰² Tac. *Ann.* XIII. 37. 6; XIV. 25.2; XV. 1. 1; Wroth. *Parthia*. P. LIII. Гиркания, возможно, оказала поддержку восстанию сына Вологеа.
- ⁵⁰³ Tac. *Ann.* XIII. 38. 7.
- ⁵⁰⁴ Dio Cass. LXII. 19–20; Tac. *Ann.* XIII. 39–41.
- ⁵⁰⁵ Ibid. XIII. 41. 3.
- ⁵⁰⁶ PW, статья «Tigranokerta». О затмении 59 года см.: Plin. *Hist. nat.* II. 180.
- ⁵⁰⁷ Frontinus. *Strat.* II. 9. 5; ср. Tac. *Ann.* XIV. 24.6. Относительно дисциплины в армии во время этой кампании см.: Frontinus. *Strat.* IV. I. 21; 28.
- ⁵⁰⁸ Это Элугия Тиглатпаласара III (царь Ассирии приблизительно в 745–727 годах до н. э. — *Прим. ред.*), как указывает Леманн-Хаупт (*Lehmann-Haupt C.F. // Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. XXXII. 1900. S. 438, Anm. 4; см. также: *Olmstead. Shalmaneser III and the Establishment of the Assyrian Power // JAOS*. Vol. XLI. 1921. P. 359 f., n. 31).
- ⁵⁰⁹ Tac. *Ann.* XIV. 24–25.
- ⁵¹⁰ Ibid. XIV. 25.
- ⁵¹¹ Ibid. XIV. 26; Iosephus. *Ant.* XVIII. 140; idem. *Bell.* II. 222; PW, статья «Tigranes». Nr. 6.
- ⁵¹² Tac. *Ann.* XV. 2; Dio Cass. LXII. 20.
- ⁵¹³ Стаций упоминает о деятельности Болана (Statius. *Silvae* V. 232 ff.).
- ⁵¹⁴ Tac. *Ann.* XV. 5. 5.; ср.: Dio Cass. LXII. 20.
- ⁵¹⁵ Tac. *Hist.* III. 24; idem. *Ann.* XIII. 8; XV. 6. 5; см. также: *Chapot V. La frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe*. Paris, 1907. P. 79. См. также: CIL. XIV. Nr. 3608 = Dessau 986.
- ⁵¹⁶ *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. I. P. 15, n. 4; P. 147 — монеты n. 37 ff. На оборотной стороне монеты (Ibid. Pl. X, n. 159) есть надпись ARMENIAC и изображение богини победы, держащей пальмовую ветвь и венок.
- ⁵¹⁷ Tac. *Ann.* XV. 7; Dio Cass. LXII. 20.
- ⁵¹⁸ Tac. *Ann.* XV. 9.
- ⁵¹⁹ Dio Cass. LXII. 21; *Henderson B.W.* Rhandaia and the River Arsanias // *Journ. of Philology*. Vol. XXVIII. 1903. P. 271 ff.
- ⁵²⁰ Tac. *Ann.* XV. 14; Dio Cass. LXII. 21; ср. также: Suet. *Nero* 39. 1.

- ⁵²¹ Tac. *Ann.* XVI. 2.
- ⁵²² Ibid. XV. 2—4.
- ⁵²³ Ibid. XV. 25; CIL. III. Nr. 6741—6742a = Dessau 232; *Anderson J. G. C.* // *Class. Rev.* Vol. XLV. 1931. P. 190.
- ⁵²⁴ Надпись из Вифинии прославляет Сульпиция Скаптия Аспра из VI Железного легиона и упоминает о зимовке этого легиона в Каппадокии, см.: *Hasluck F. W.* *Inscriptions from the Cyzicus District*, 1906 // *JHS.* Vol. XXVII. 1907. P. 64. 5; *Domaszewski A. von.* *Kleine Beiträge zur Kaizergeschichte* // *Philologus.* Bd. LXVII. 1908. P. 5—8. Это Аспр, упомянутый Тацитом (Tac. *Ann.* XV. 49 ff.).
- ⁵²⁵ Tac. *Ann.* XV. 24—31; ср.: *Iosephus. Bell.* II. 379 (речь Агриппы в 66 г.); *Mommsen. Prov. Rom. EmP.* Vol. II. P. 64; *САН.* Vol. X. P. 770—773.
- ⁵²⁶ III Галльский легион, которым командовал Тит Аврелий Фульв, располагался в Зияде (Харпуте), где он, очевидно, построил крепость по распоряжению Корбулона; см.: CIL. III. Nr. 6471—6742a = Dessau 232.
- ⁵²⁷ *Plin. Hist. nat.* XXX. 16 f.; Tac. *Ann.* XV. 24.
- ⁵²⁸ *Plin. Hist. nat.* XXX. 16 f.; *The Zend-Avesta. I. The Vendîdâd* / Transl. by J. Darmesteter. 2nd ed. Oxford, 1895 (*The Sacred Books of the East* / Ed. F. M. Müller. Vol. IV). P. LXXV — XXVII.
- ⁵²⁹ *Dio Cass.* LXII (LXIII. 1.2—6. 1); *Suet. Nero* 13.
- ⁵³⁰ Трактровка этого путешествия Тиридата см.: *Cumont. L'iniziazione di Nerone da parte di Tiridate d'Armenia* // *Rivista di filologia.* Vol. LXI. 1933. P. 145—154.
- ⁵³¹ *Wroth. Parthia.* P. XLIX f.; *McDowell. Coins from Seleucia.* P. 192.
- ⁵³² Tac. *Hist.* I. 6; *Suet. Nero* 19; *Dio Cass.* LXII (LXIII. 8. 1); *Plin. Hist. nat.* VI. 40; *САН.* Vol. X. P. 773—778. См. также: *Sanford E. M.* *Nero and the East* // *Harvard Studies in Classical Philology.* Vol. XLVIII. 1937. P. 75—103.
- ⁵³³ *Mommsen. Prov. Rom. EmP.* Vol. II. P. 65 f., n. 3.
- ⁵³⁴ Tac. *Hist.* II. 11; 27; 66; *Schur W.* *Die Orientpolitik des Kaisers Nero.* Leipzig, 1923 (*Klio. Beiht XV/NF.* Ht. 2). S. 107 ff.
- ⁵³⁵ *Suet. Nero* 19; *Dio Cass.* LV. 24. 2.
- ⁵³⁶ *Suet. Vespasian.* 6; Tac. *Hist.* IV. 51.
- ⁵³⁷ *Dio Cass.* LXV (LXVI. II. 3).
- ⁵³⁸ Tac. *Hist.* II. 81 f.; V. 1.
- ⁵³⁹ *Iosephus. Bell.* VII. 105 f.
- ⁵⁴⁰ *Gsell C. E. S.* *Essai sur le règne de l'empereur Domitien.* Paris, 1893. P. 232—234.
- ⁵⁴¹ CIL. III. Nr. 14387 i = Dessau 9198; также Dessau 9200.
- ⁵⁴² *Iosephus. Bell.* VI. 219—243.
- ⁵⁴³ *Cumont. L'Annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie* // *Anatolian Studies to Sir William Mitchell Ramsay.* Manchester, 1923. P. 114 and notes.; *Reinach T.* *Le mari de Salomé et les monnaies de*

- Nicopolis d'Arménie // *Revue des études anciennes*. Т. XVI. 1914. P. 133–158.
- ⁵⁴⁴ Suet. *Vespasian* 8.4; Tac. *Hist.* 11.81; *Stout S.E.* L. Antistius Rusticus // *CPh.* Vol. XXI. 1926. P. 49. Статья «Legio» в PW содержит почти все имеющиеся свидетельства по этой теме.
- ⁵⁴⁵ Iosephus. *Bell.* VII. 244–251; idem. *Ant.* XVIII. 97; Suet. *Domitian* 2. 2; Dio Cass. LXV (LXVI. 15. 3); возможно: Lucan. *De bell. civ.* VIII. 223. Время вторжения фиксируется в диапазоне от 72 до 74 года, см.: *Niese B.* Zur Chronologie des Iosephus // *Hermes*. Bd. XXVIII. 1893. S. 209–211 (73 год); *Schürer E.* Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Bd. I. Leipzig, 1901. S. 639, Anm. 139 (72 год); *Täubler.* Zur Geschichte der Alanen // *Klio*. Bd. IX. 1909. S. 18 (72 или 73 год); *Rostovtzeff.* Iranians and Greeks in South Russia. P. 118 (73–34 годы); *Longden R.P.* Notes on the Parthian Campaigns of Trajan // *JRS*. Vol. XXI. 1931. P. 23; *Markwart J.* Iberer und Hyrkanier // *Caucasica*. VIII. 1931. S. 80 (72 год).
- ⁵⁴⁶ Iosephus. *Bell.* VII. 245.
- ⁵⁴⁷ Suet. *Domitian* 2. 2; Dio Cass. LXV (LXVI. 15. 3).
- ⁵⁴⁸ CIL. III. Nr. 6052. См. также: JA. 6 sér. T. XIII. 1869. P. 93–103; *Berge C. de la.* Essai sur le règne de Trajan. Paris, 1877 (Bibliothèque de l'Ecole des hautes études. T. XXXII). P. 163; *Newton H.C.* The Epigraphical Evidence for the Reigns of Vespasian and Titus. New York, 1901. P. 19 f.
- ⁵⁴⁹ *Waddington W.H.* Fastes des provinces asiatiques. Paris, 1872. № 100; Plin. *Panegyricus* 14. То, что при этом не было никакой серьезной борьбы, показано Тацитом (Tac. *Hist.* I. 2); Victor. *Epit.* 9. 12; idem. *De Caes.* 9. 10.
- ⁵⁵⁰ Tac. *Ann.* II. 60. 5.
- ⁵⁵¹ Fronto. *Princ. hist.* 16; Philostratus. *Vita Apoll.* I. 20; *Bouchier E.S.* Syria as a Roman Province. Oxford, 1916. P. 170.
- ⁵⁵² Вероятно, город был основан между 55 и 65 годами, так как это событие упомянуто Плинием Старшим (Plin. *Hist. nat.* VI. 122). О Вологазии см. также: Amm. Marcel. XXIII. 6. 23 и в Пейтингеровой таблице.
- ⁵⁵³ *McDowell.* Coins from Seleucia. P. 229, 236.
- ⁵⁵⁴ Это ясно показывает Добиаш (*Dobiáš.* Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie // *Archiv or.* III. 1931. P. 215–256).
- ⁵⁵⁵ Cicero. *De domo sua* 60.
- ⁵⁵⁶ Lucretius. *De rerum natura* III. 750.
- ⁵⁵⁷ Vergil. *Ciris* 299; 308; 440; 512; idem. *Culex* 62; 67.
- ⁵⁵⁸ Гораций говорит, что он не может писать эпическую поэму (как, очевидно, делали другие), изображающую парфян падающими со своих коней (Horat. *Sat.* II. 1. 15). Примерно сто лет спустя Персий, возможно, отталкиваясь от этого пассажа Горация, говорит о раннем парфянце как сюжете для поэтов (Persius. *Sat.* V. 1–4).

- ⁵⁵⁹ Vergil. *Ecl.* I. 62; IV. 25; X. 59.
- ⁵⁶⁰ Vergil. *Georg.* I. 509; II. 121—123; 126, 134—139; 171 f., 440; 465; III. 26 ff.; IV. 210 f., 290; 313 f., 425 f.; 560 f.
- ⁵⁶¹ Vergil. *Aeneis* IV. 367; VI. 794; VIII. 685—688; 705 ff.; 726; 728; IX. 31 f.; XII. 67; 857 f.
- ⁵⁶² Horat. *EP.* I. 12; VII. 9; XIII. 8; idem. *Od.* 1. 2. 21 f.; 51; 11. 2; 12. 53 ff.; 19. 10—12; 21. 15; 22. 6—8; 26. 5; 29. 1—5; 31. 6; 35. 9; 40; 38. 1; II. 2. 17; 7. 8; 9. 17 ff.; 11. 16; 13. 17 f.; 16. 6; III. 1. 44; 2. 3; 3. 44; 5. 4; 8. 19; 24. 1 f.; 29. 27 f.; IV. 5. 25; 14. 42; 15. 23; idem. *Carmen saec.* 53 ff.; idem. *Epist.* I. 1. 45; 6. 6; 39; 7. 36; II. 1. 112; 256.
- ⁵⁶³ Ovid. *Amores* I. 2. 47; II. 5. 40; 14. 35; 16. 39; idem. *Heroides* XV. 76; idem. *Metamorph.* 1. 61 f.; 777 f.; II. 248 f.; IV. 21. 44—46; 212, 605 f.; V. 47 ff.; 60; VI. 636; VIII. 121; XI. 166 f.; XV. 86; 413; idem. *Remedia amoris* 155 ff.; 224; idem. *De medicamine faciei* 10; 21; idem. *Ars amat.* I. 199; 201 f.; 223 ff.; II. 175; III. 195 f.; 248; 786; idem. *Tristia* V. 3. 23 f.; idem. *Epistulae ex Ponto* 1. 5. 79 f.; II. 4. 27; IV. 8. 61; idem. *Fasti* I. 76; 341; 385 f.; III. 465; 719 f.; 729; IV. 569.
- ⁵⁶⁴ Grattius 155—162; 196; 314 f., 508.
- ⁵⁶⁵ Seneca. *De const. saP.* XIII. 3; idem. *De brev. vit.* IV. 5; idem. *De cons. ad Polyb.* XV. 4; idem. *De cons. ad Herviam* X. 3; idem. *Hercules furens* 990 ff.; 1323 f.; idem. *Troades* 11; idem. *Medea* 373 f.; 483 f.; 723 ff.; 865; idem. *Hippolytus* 67; 70; 344 f., 389, 753; 816; idem. *Oedipus* 114; 117—119; 427 f.; 458; idem. *Thyestes* 370 ff.; 462; 601—606; 630 f.; 707; 732; idem. *Herc. Oet.* 40 f.; 157—161; 241 f.; 336; 414; 515; 628; 630; 659 f.; 667; idem. *Phoenissae* 428; idem. *Octavia* 627 f.; idem. *Epist.* IV. 7; XII. 8; XVII. 11; XXXIII. 2; XXXVI. 7; LVIII. 12; LXXI. 37; CIV. 15.
- ⁵⁶⁶ Lucan. *De bell. civ.* I. 10 ff; 230; 328; II. 49 f.; 296; 496; 552 f.; 594; 633; 637—639; III. 236; 245; 256 ff.; 266 ff.; IV. 64; 680 f.; V. 54 f.; VI. 49—51; VII. 1881; 281; 427 ff.; 442 f.; 514—517; 539—543; IX. 219 ff.; 266 f.; X. 46—52; 120; 139; 142; 252; 292.
- ⁵⁶⁷ Silius Italicus III. 612 f.; V. 281; VI. 4; VII. 646 f.; VIII. 408; 467; XI. 41 f.; 402; XII. 460; XIII. 473 f.; XIV. 658; 663—665; XV. 23; 79—81; 570; XVII. 595 f.; 647.
- ⁵⁶⁸ Statius. *Silvae* I. 2. 122 f.; 3. 105; 4. 77—81; 103 f.; II. 2. 121 f.; 4. 34 f.; 6. 18 f.; 86 f.; 7. 93 ff.; III. 2. 91; 3. 33 f.; 92 ff.; 212; 4. 62 f.; IV. 1. 40—43; 2. 38; 49; 3. 137; 153 ff.; 4. 30 f.; 5. 30—32; V. 1. 60 f.; 2. 140 f.; 3. 185—190; idem. *Thebaid* I. 686; 717—720; II. 91; IV. 387 ff.; 678; V. 203 f.; VI. 59; 209; 597 f.; VII. 69; 181; 524 f.; 566; 687; VIII. 237 ff.; 286 ff.; 572; IX. 15 f.; X. 288 f.; XII. 170; 788.
- ⁵⁶⁹ Martial. *De spect.* I; XVIII; idem. *Epig.* II. 43. 9; 53. 9 f.; V. 58. 4; VI. 85; VII. 30; VIII. 26; 28. 17 f.; 77. 3; IX. 35. 3; 75. 2 f.; X. 72; 5 ff.; 76. 2 f.; XII. 8; XIV. 150.
- ⁵⁷⁰ Например: Iuvenal. *Sat.* II. 163 ff.; VI. 337; 466; 548 ff.; VIII. 167—170; XV. 163.

- ⁵⁷¹ Anacreontica / Ed. J. M. Edmonds («Loeb Classical Library»), 27.
- ⁵⁷² Achilles Tatius III. 7. 5; Callistratus 4.
- ⁵⁷³ Ausonius XII (*Technopaegnon*). 10. 24; idem. *Epistulae* XXIII. 6 (из не-сохранившегося сочинения Светония); XXV. 1; XVII. 53; LIII.
- ⁵⁷⁴ Hieronymus. *Epist.* XIV. 3; LXXVII. 10; CVII. 10; CXXV. 3; CXXVII. 3.
- ⁵⁷⁵ Claudian. *Paneg. dictus Probino et Olybrio* 78—81; 160—163; 170; 179 f.; idem. *In Rufinum* I. 227; 293; 310—312; 374—376; II. 242—244; idem. *De hello Gildonico* 31—33; idem. *In Eutropium* I. 321; 342—345; 354; 414—416; II. 102; 475 f.; 569—571; idem. *Fescennina de nuptiis Honorii Augusti* I. 1 f.; idem. *Epithalamium* 168; 210—212; 217; 222—225; idem. *Paneg. tertio cons. Hon.* 4; 19 f.; 27 f.; 35 f.; 70—72; 201—204; 210 f.; idem. *Paneg. quarto cons. Hon.* 43 f.; 145 f.; 214—216; 257 f.; 306—308; 387 f.; 530 f.; 542; 585 f.; 601; 607—610; 653; 656; idem. *Paneg. dictus Manlio Theodoro* 236; idem. *De consulatu Stilichonis* I. 52 ff.; 155—157; 266; III. 62—64; idem. *Paneg. sexto cons. Hon.* 18; 69 f.; 85 f.; 414—416; 562 f.; idem. (IX) *De hystrice* 21 f.; idem. (XXV) *Epithalamium dictum Palladio et Celerinae* 61; 74; 88 f.; idem. (XXX) *Laus Serenae* 52; idem. (XXXI) *Epist. Ad Serenam* 7; 14—16; idem. *De raptu Proserpinae* I. 17 f.; II. 82; 94; 200; III. 105; 263—265; 320; 325.
- ⁵⁷⁶ Boethius. *Philosophiae consolatio* II. 2. 34—38; III. 5. 5; 10. 9; IV. 3. 15; V. 1. 1—3.
- ⁵⁷⁷ Octavianus // Poetae Latini minores. Vol. IV / Ed. A. Baehrens. Lipsiae, 1882. P. 249, l. 104 f.; P. 256 (Verba amatoris ad pictorem 3 f.).
- ⁵⁷⁸ Shakespeare W. Antony and Cleopatra. Act. III, scene 1; Act. IV, scene 12, l. 70; idem. Cymbeline. Act. I, scene 6, l. 20; John Milton. Paradise Regained. III. 280 ff.
- ⁵⁷⁹ Iosephus. *Bell.* III. 107.
- ⁵⁸⁰ McDowell. Coins from Seleucia. P. 192.
- ⁵⁸¹ Макдауэлл приписывает Вологезу I монеты, выпущенные в 78—80 годах, которые прежде считались монетами Вологеза II (McDowell. Coins from Seleucia. P. 119 f.). Это исключает двухлетнее правление Вологеза II в 78—80 годах. Действительное его правление началось тридцать лет спустя, в 111—112 годах. Ср.: Wroth. Parthia. P. LVI.
- ⁵⁸² Не надо путать этого Пакора с упоминавшимся ранее правителем Мидии Атропатены Пакором, братом Вологеза I, так как на ранних своих монетах (см.: Wroth. Parthia. P. LVI) он изображен молодым и безбородым.
- ⁵⁸³ Wroth. Parthia. P. 203; McDowell. Coins from Seleucia. P. 193, 230.
- ⁵⁸⁴ Dio Cass. LXVI. 19. 36; Joan. Antioch. // FHG. Vol. IV. Fr. 104; Zonaras XI. 18. С. Еще один Лже-Нерон появился спустя десять лет. Вероятно, один из Лже-Неронов упоминается в «Оракулах Сивиллы» (Orac. Sibyl. IV. 125. 138 f.).
- ⁵⁸⁵ Suet. Nero 57. 2; Tac. Hist. I. 2.
- ⁵⁸⁶ Statius. *Silvae* V. 1. 89.

- ⁵⁸⁷ Ibid. I. 4. 77—81; II. 6. 18 f.; praef. ad III; III. 2. 101 ff.; 135 f.; IV. 1. 40 ff.; 2. 49; 3. 137; 154; 4. 30 f.; V. 1. 60 f.; 2. 140 f.; 3. 185 ff.
- ⁵⁸⁸ Arrian. *Parthica* fr. 32.
- ⁵⁸⁹ McDowell. Coins from Seleucia. P. 193.
- ⁵⁹⁰ Wroth. Parthia. P. LVI.
- ⁵⁹¹ Chavannes. Les pays d'Occident... P. 178, n.
- ⁵⁹² Plin. *Epist.* X. 74.
- ⁵⁹³ Dieulafoy M. L'Art antique de la Perse. T.V. Paris, n. d. P. 54; Lehmann-Hartleben K. Die Trajanssäule. Leipzig, 1926. Taf. 17/Nr. 31; 20/Nr. 37.
- ⁵⁹⁴ Martial. *Epig.* IX. 35.3.
- ⁵⁹⁵ Gutschmid. Geschichte Irans. S. 140.
- ⁵⁹⁶ McDowell. Coins from Seleucia. P. 193, 232. Ньюэлл сомневается в принадлежности этих монет Пакору (Newell // AJA. Vol. XLI. 1937. P. 515 f.).
- ⁵⁹⁷ Dio Cass. LXVIII. 17; 19. Произношение его имени как Аксидар сохранилось в «Парфянской истории» Арриана (Arrian. *Parthica* fr. 37 f., 40). Дион Кассий дает имя Экседар.
- ⁵⁹⁸ Dio Cass. LXVIII. 17. 1.
- ⁵⁹⁹ Arrian. *Parthica* fr. 34 f.
- ⁶⁰⁰ Вот некоторые из главных работ, касающихся этой кампании: Dierauer J. Beiträge zu einer kritischen Geschichte Trajans // Büdinger J. Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. Leipzig, 1868. S. 152—186; Berge. Essai... P. 155 ff.; Gray W.D. A Study of the Life of Hadrian prior to His Accession // Smith College Studies in History. IV/3. Northampton, 1919. P. 183—194; Gutschmid. Geschichte Irans. 1888. S. 141 ff.; Sills H.H. Trajan's Armenian and Parthian Wars. Cambridge, 1897. P. 77 ff.; Paribeni R. Optimus princeps: saggio sulla storia e sui tempi dell'imperatore Traiano. Vol. II. Messina, 1927 (Biblioteca storica principato. VI). P. 278—303; Henderson B.W. Five Roman Emperors. Cambridge, 1927. P. 318 ff.; Longden. Parthian Campaigns. P. 1—35; Strack P.L. Untersuchungen zur römischen Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts. Bd.I. Die Reichsprägung zur Zeit des Traian. Stuttgart, 1931. S. 34 ff., 213 ff.; Shalit A. The Oriental Policy of Rome from Nero to Trajan [in Hebrew] // Tarbiz. VII. 1936. P. 159—180; Longden // САН. Vol. XI. P. 236—252.
- ⁶⁰¹ Dio Cass. LXVIII. 17.
- ⁶⁰² Berge. Essai... P. 161, n. 3; ср. маршрут, которым следовал Плиний Младший (Plin. *Epist.* X. 17A).
- ⁶⁰³ Dio Cass. LXVIII. 18. 1.
- ⁶⁰⁴ Macrobius. *Saturnalia* I. 23. 14 ff. Штрак датирует это путешествие весной 116 года, опираясь на Макробия, а также на эпиграфические данные (CIL. X. Nr. 1634 = Dessau 300) (Strack. Untersuchungen... Bd.I. S. 227, 230, Anm. 977). Один из пассажей Ювенала (Juvenal. *Sat.* VI. 405 ff.), возможно, имеет отношение к кампании Траяна.
- ⁶⁰⁵ Anthol. Palat. VI. 332; Arrian. *Parthica* fr. 36.

- ⁶⁰⁶ Проведенное Фронтоном сравнение войск Луция Вера и Траяна (Fronto. *Princ. hist.* [Loeb ed. Vol. II. P. 207—211]) говорит о том, что армия Траяна находилась в хорошем состоянии.
- ⁶⁰⁷ CIL. III. Nr. 10336 = Dessau 1062.
- ⁶⁰⁸ CIL. X. Nr. 5829 = Dessau 2726.
- ⁶⁰⁹ CIL. VI. Nr. 1838 = Dessau 2727.
- ⁶¹⁰ CIL. X. Nr. 3733 = Dessau 2083; Yale University. The Excavations at Dura-Europos. Sixth Season. New Haven, 1936. P. 480—482.
- ⁶¹¹ Постоянное местонахождение этого легиона неопределенное; см.: Longden. *Parthian Campaigns*. P. 8, n. 4; см. также: PW, статья «Legio (XVI Flavia)».
- ⁶¹² Арриан (Arrian. *Parthica* fr. 80), возможно, упоминает этот легион.
- ⁶¹³ PW, статья «Legio». *Paribeni*. *Optimus princeps*. Vol. II. P. 285 f.
- ⁶¹⁴ CIL. III. Nr. 600 = Dessau 2724. Эту надпись некоторые исследователи относят к экспедиции Луция Вера.
- ⁶¹⁵ Procopius. *De aedificiis* III. 4. 15 ff.; ср.: Tac. *Ann.* XV. 26; Ruf. *Fest.* 15.
- ⁶¹⁶ Dio Cass. LXVIII. 19.2.
- ⁶¹⁷ Eutrop. *Brev.* VIII. 3; см. также ссылки у Лонгдена (Longden. *Parthian Campaigns*. P. 9, n. 8).
- ⁶¹⁸ Dio Cass. LXVIII. 19.
- ⁶¹⁹ Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. P. 291, No. 666; Strack. *Untersuchungen...* Bd. I. S. 222 f.
- ⁶²⁰ Frag. Choliambica / Ed. A. D. Knox. Fr. 1 («Loeb Classical Library»: *The Characters of Theophrastus* / Ed. J. M. Edmonds. P. 279); IG. XIV. Nr. 1374.
- ⁶²¹ Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. P. 262, No. 263a; P. 266, No. 310—312; Strack. *Untersuchungen...* Bd. I. S. 218—220, Taf. III, 220.
- ⁶²² Dio Cass. LXVIII. 19—20.
- ⁶²³ Arrian. *Parthica* fr. 38.
- ⁶²⁴ Fronto. *Princ. hist.* (Loeb ed. Vol. II. P. 212—214). Ср.: Eutrop. *Brev.* VIII. 3; Victor. *Epit.* 48. 10. Предпринимаемая историками попытка снять с Траяна вину за это убийство не имеет смысла; тем более что это не первый случай вероломства с обеих сторон.
- ⁶²⁵ Arrian. *Parthica* fr. 37—40.
- ⁶²⁶ Themistius. *Orationes* XVI (ed. Dindorf. P. 250).
- ⁶²⁷ Arrian. *Parthica* fr. 86—87.
- ⁶²⁸ Procopius. *De bellis* VIII. 2. 16.
- ⁶²⁹ Arrian. *Parthica* VIII, fr. 6.
- ⁶³⁰ Arrian. *Parthica* fr. 41; Dio Cass. LXVIII. 23.
- ⁶³¹ Eutrop. *Brev.* VIII. 3. 2. Траян выпустил монету с надписью KOINON ARMENIAC ETOYC MΓ («объединение городов Армении, год 43-й»); см.: Pick B. Une monnaie du κοινόν' Ἀρμενίας // *Revue des études anciennes*. T. XVI. 1914. P. 283—289.

- ⁶³² Катилий Север был консулом в 115 году (RA. 4 ser. T. XVIII. 1911. P. 486, № 95; Bolletino dell'Associazione archeologica romana. I. 1911. P. 137 f.); в Армении он оказался в 116 году (Dio Cass. LXVIII [LXXV. 9. 6]; CIG. II. Nr. 3509; PW, статья «Catilius». Nr. 4; Longden. Parthian Campaigns. P. 10; ср.: Paribeni. Optimus principes. Vol. II. P. 293).
- ⁶³³ CIL. X. Nr. 8291 = Dessau 1041.
- ⁶³⁴ CIL. XI. Nr. 5212 = Dessau 1058; CIL. XI. Nr. 5213 = Dessau 1338; PW, статья «Haterius». Nr. 8.
- ⁶³⁵ Svoronos J. Numismatique de la Crète ancienne. P. 347, № 81; Pl. XXXIV, 19; Wroth. Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadocia, and Syria. London, 1899. P. 102, Pl. XIV, 5.
- ⁶³⁶ Об этом титуле см.: Mattingly, Sydenham. The Roman Imperial Coinage. Vol. II. P. 235. Ср.: Dio Cass. LXVIII. 23; Plin. Paneg. 2.
- ⁶³⁷ Longden. Parthian Campaigns. P. 11.
- ⁶³⁸ Dio Cass. LXVIII. 22. 3.
- ⁶³⁹ Такой вывод делает Лонгден (Longden. Parthian Campaigns. P. II), исходя из сообщения Диона Кассия (Dio Cass. LXVIII. 22).
- ⁶⁴⁰ Arrian. Parthica fr. 50; Dio Cass. LXVIII. 22.
- ⁶⁴¹ Arrian. Parthica IX, fr. 7. Ср. с Либбой у Полибия (Polyb. V. 51. 2; см. также: PW, статья «Labbana».
- ⁶⁴² Тебета или Тебида у Арриана (Arrian. Parthica XI, fr. 11); Тебата у Плиния Старшего (Plin. Hist. nat. VI. 120); Тебета в Пейтингеровой таблице, между Нисибисом и Сингарой; см. также: Amm. Marcel. XXV. 9. 3.
- ⁶⁴³ Dio Cass. LXVIII. 22. 1.
- ⁶⁴⁴ Arrian. Parthica fr. 42—48.
- ⁶⁴⁵ Гутшмид считает его правителем Гордуэны (Gutschmid. Geschichte Irans. S. 143).
- ⁶⁴⁶ Dio Cass. LXVIII. 22. 1.
- ⁶⁴⁷ Arrian. Parthica fr. 54—56; Dio Cass. LXVIII. 23. 2; Eutrop. Brev. VIII. 3; Ruf. Fest. 20.
- ⁶⁴⁸ Макдауэлл, основываясь преимущественно на нумизматических данных, считает, что Северная Месопотамия подчинялась Пако-ру, Элимаида — Хосрою, Северный Иран — Вологезу II (McDowell. Coins from Seleucia. P. 230 f.). Однако Мешихазеха упоминает о присутствии Хосроя в Адиабене (Mšihā Zkha. P. 5 [пер.: P. 80]), а Дион Кассий — в Северной Месопотамии (Dio Cass. LXVIII. 22. 1). Упоминание этого царя в «Scriptores Historiae Augustae», у Мешихазехи, Павсания и Диона Кассия определенно указывают на то, что римляне видел в нем основного претендента на парфянский трон.
- ⁶⁴⁹ На эту предположительную дату опирается последующая хронология в настоящей работе. Здесь мы следуем системе Лонгдена (Longden. Parthian Campaigns. P. 2—7).

- ⁶⁵⁰ Dio Cass LXVIII. 28. Относительно даты см.: *Calza G.* // R. Accademia dei Lincei. Notizie degli scavi di antichità. X. 1934. P. 254–256.
- ⁶⁵¹ Dio Cass. LXVIII. 28; *Longden.* Parthian Campaigns. P. 5 f.; ср.: *Strack.* Untersuchungen... Bd. I. S. 36–42. А. фон Домашевский считает, что завоевание Месопотамии изображено на арке в Беневенте (*Domaszewski A. von.* Die politische Bedeutung des Traiansbogens in Benevent // Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes in Wien. Bd. II. 1899. S. 185 ff.), но Э. Гроаг не согласен с этим, полагая, что арка не была закончена до времени Адриана (*Groag E.* Die Adoption Hadrians // Mitt. des Kaiserlich Deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Bd. XIV. 1899. S. 273 f.).
- ⁶⁵² Ср.: Arrian. *Parthica* fr. 51.
- ⁶⁵³ Dio Cass. LXVIII. 26.
- ⁶⁵⁴ Ibid; Arrian. *Parthica* fr. 57–58.
- ⁶⁵⁵ Мешихазеха (Mšiḥa Zkha. P. 5 [пер.: P. 80]), источники которого помнили о визите Траяна. Другое упоминание о Хосрое на севере связано с его кампанией против Манисара. См. также: Pausanias V. 12. 6.
- ⁶⁵⁶ EutroP. Brev. VIII. 3. Ассирия, вероятно, включала в себя Ниневию, Арбелу и Гавгамелу, упомянутые Дионом Кассием (Dio Cass. LXVIII. 26), а также район Киркука (Arrian. *Parthica* XIII, fr. 13), Доблы (Ibid. fr. 12) и Ольвию в районе Хазаны на «Евфрате» (Ibid. fr. 14). Страбон правильно помещает Хазану на реке Тигр (Strabo XVI. 1.1); см.: Roos A.G. (ed.). Arrianus. Vol. II. P. 230. Ср.: Gutschmid. Aus Arrians parthische Geschichte // Kleine Schriften von Alfred von Gutschmid. Bd. III. Leipzig, 1892. S. 129: речь идет о местах, перечисленных Аррианом, который, возможно, упоминает не адиабенскую кампанию, а другие события.
- ⁶⁵⁷ Например, у Арриана, Диона Кассия и Аммиана Марцеллина.
- ⁶⁵⁸ Arrian. *Parthica* fr. 59–63.
- ⁶⁵⁹ Не было ли это насыпью грунта, вынутого из канала «Семирамиды», который упомянут у Исидора Харакского (Isid. Char. *Mans. Parth.* I)?
- ⁶⁶⁰ У Арриана упоминается Фалга (Arrian. *Parthica* X, fr. 8), у Исидора Харакского — Фалига (Isid. Char. *Mans. Parth.* I), в пергаменте X из Дура-Европос — Палига (*Rostovtzeff, Welles* // The Excavations at Dura-Europos. Second Season. P. 203, line 6).
- ⁶⁶¹ Arrian. *Parthica* fr. 64.
- ⁶⁶² У Зосима — Зарагардия (Zosimus III. 15. 3).
- ⁶⁶³ Amm. Marcel. XXIV. 2. 3.
- ⁶⁶⁴ Spart. *Hadrian* 13. 8; Capit. *Antoninus Pius* 9. 7. Я не могу установить источник, на который опирались Роулинсон (*Rawlinson.* Sixth Mon. P. 312, n. 2) и Макдауэлл (*McDowell.* Coins from Selcucia. P. 230, n. 63; 232 f.), утверждая, что Хосрой бежал в Сузы и был там схвачен римлянами.

- ⁶⁶⁵ *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. II. P. 267, No. 324 f.; Pl. IX/149; *Strack*. Untersuchungen... Bd.I. S. 224.
- ⁶⁶⁶ *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. II. P. 289, No. 642; ср. также: *ibid.* P. 270, No. 375; *Strack*. Untersuchungen... Bd.I. S. 223; *Eutrop. Brev.* VIII. 3; *Malalas* XI (ed. Dindorf. P. 274).
- ⁶⁶⁷ *Arrian. Parthica* fr. 67–68.
- ⁶⁶⁸ *Ibid.* XVI. fr. 15.
- ⁶⁶⁹ *Ibid.* XVI, fr. 16.
- ⁶⁷⁰ *Ibid.* Fr. 69.
- ⁶⁷¹ Ср.: *PW*, s.v.
- ⁶⁷² *Dio Cass.* LXVIII. 28.4.
- ⁶⁷³ *Jordanes. Romana* 268.
- ⁶⁷⁴ *Arrian. Parthica* fr. 75; *Dio Cass* LXVIII. 26. 4²; 27. 1a; 1; 30. 1.
- ⁶⁷⁵ *Arrian. Parthica* fr. 77; *Malalas*. P. 269 f. Об использовании Мала-лы в качестве источника событий этого периода см.: *Die römische Kaisergeschichte bei Malalas: griechischer Text der Bücher IX — XII und untersuchungen von A. Schenk, Graf von Stauffenburg*. Stuttgart, 1931. S. 260–294. В настоящее время аргументы Лонгдена (*Longden. Parthian Campaigns*. P. 29–35), кажутся достаточно вескими, чтобы относиться к сведениям Мала-лы с крайней осторожностью. «Царь Санатрук» упомянут в надписи в Хатре: см.: *Andrae W. Hatra nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition // WDOG. XXI. Leipzig, 1912. S. 162. Abb. 279; Taf. XIII, XXII. О транскрипции и переводе см.: Andrae W., Jensen P. Aramäische Inschriften aus Assur und Hatra aus der Partherzeit // MDOG. Nr. 60. 1920. S. 49 f. О возможности того, что этот Санатрук был парфянским царем, см.: Herzfeld. Hatra // ZDMG. Bd. LXVIII. 1914. S. 659–661.*
- ⁶⁷⁶ *Euseb. Hist.* IV. 2. 1 ff.; *idem. Chron.* P. 219 (ed. Karst), а также другие многочисленные авторы, черпавшие информацию у Евсевия.
- ⁶⁷⁷ *Fronto. Princ. hist.* 16 (Loeb ed. Vol. II. P. 214); *idem. De bell. Parth.* 2 (Loeb ed. Vol. II. P. 22); *Dio Cass.* LXVIII. 30. 1. См.: *Longden. Parthian Campaigns*. P. 16 f.
- ⁶⁷⁸ *Malalas*. P. 269 f., 273 f.
- ⁶⁷⁹ *Dio Cass.* LXVIII. 30. 3; ср.: *Spart. Hadrian.* 5. 4, где имя Партамазирис — очевидное следствие ошибочного отождествления Партамаспата с парфянским правителем Армении Партамазирисом, которого Траян низложил и приказал убить.
- ⁶⁸⁰ *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. II. P. 291, No. 667 f., 669 (?). Pl. XI/194. См. также: *Strack*. Untersuchungen... Bd.I. S. 224 f.
- ⁶⁸¹ *Dio Cass.* LXVIII (LXXV. 9. 6); *Longden. Parthian Campaigns*. P. 17.
- ⁶⁸² Фронто, который упоминает Траяна рядом с Крассом и Антонием, говорит об отступлении (*Fronto // Loeb ed. Vol. II. P. 202, § 7*); но следует помнить о его предубеждении в отношении Траяна. Мухи

- и жара, о которых говорит Дион Кассий (Dio Cass. LXVIII. 31.4), могли быть в Хатре либо поздней весной, либо ранней осенью.
- ⁶⁸³ Возможно, это единственное объяснение нападения римлян в данной ситуации на эту крепость, если не считать того, что Хатра стояла на дороге к реке Хабур, вдоль которой намеревались идти римляне.
- ⁶⁸⁴ Dio Cass. LXVIII. 31; Arrian. *Parthica* XVII, fr. 17.
- ⁶⁸⁵ См.: Rostovtzeff. *Dura and the Problem of Parthian Art* // Yale Classical Studies. Vol. V. 1935. P. 201, n. 52.
- ⁶⁸⁶ Dio Cass. LXVIII. 33. 2; McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 194.
- ⁶⁸⁷ Вероятно, это произошло в киликийском городе Селинунте. См.: Berge. *Essai...* P. 189, n. 1; PW, статья «Selinus». Nr. 11. (Col. 1308 f.)
- ⁶⁸⁸ Фронтон считает ее неудачной (Fronto. *Princ. hist.* 7 [Loeb ed. Vol. II. P. 202]); ср. с более поздней традицией: Claudian. *Paneg. quarto cons. Hon.* 315–317.
- ⁶⁸⁹ Eutrop. *Brev.* VIII. 6. 2; Spart. *Hadrian.* 5. 3; 9. 1.
- ⁶⁹⁰ Dio Cass. LXIX. 2. 3; CIL. I. P. 377 f.; II. Nr. 4110 = Dessau 2931.
- ⁶⁹¹ Spart. *Hadrian.* 21. 14.
- ⁶⁹² Ibid. 12. 8.
- ⁶⁹³ Ibid. 13. 8; Dürr J. *Die Reisen des Kaisers Hadrian*. Wien, 1881 (Abhandlungen des Archäologisch-epigraphischen Seminares der Universität Wien. Ht. II). S. 61 f.; Gutschmid. *Geschichte Irans*. S. 146.
- ⁶⁹⁴ McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 195.
- ⁶⁹⁵ Gutschmid. *Geschichte Irans*. S. 146.
- ⁶⁹⁶ Mšihā Zkha. P. 6–10 (пер.: P. 81–86).
- ⁶⁹⁷ Dio Cass. LXIX. 15; Arrian. *Parthica* VIII, fr. 6; Arrian. *Tactica*; Hartmann K. *Flavius Arrianus und Kaiser Hadrian*. Augsburg, 1907 [diss.].
- ⁶⁹⁸ Spart. *Hadrian.* 13. 8 f.; 17. 12; 21. 13.
- ⁶⁹⁹ Wroth. *Parthia*. P. LX, 219 f., No. 25–28. Следует отметить, что с этим Митридатом связано первое появление пространной пехлевийской надписи на парфянских монетах. О надписях на его монетах см.: Herzfeld. *Paikuli*. Berlin, 1924. P. 67.
- ⁷⁰⁰ McDowell. *Coins from Seleucia*. P. 195–198. Мешихазеха отмечает, что Вологез III наследовал Вологезу II (Mšihā Zkha. P. 11 [пер.: P. 88]).
- ⁷⁰¹ Capit. *Antoninus Pius* 9. 6; ср.: Aristides. *Or. sac.* I (ed. Dindorf. P. 453 f.). См. также упоминание о приготовлениях к этой войне: Capit. *Marcus Antoninus* 8. 6.
- ⁷⁰² CIL. IX. Nr. 2457 = Dessau 1076.
- ⁷⁰³ Victor. *Epit.* 15. 4.
- ⁷⁰⁴ Capit. *Antoninus Pius* 9. 6; ср.: PW, статья «Abgar». Nr. 7.
- ⁷⁰⁵ Capit. *Antoninus Pius* 9. 7.
- ⁷⁰⁶ PW, статья «Sedatius». Nr. 1.
- ⁷⁰⁷ Lucian. *Alex.* 27. Об обстоятельствах смерти Севериана см.: Lucian. *Quomodo hist.* 21; 25. См. также: Dio Cass. LXXI. 2. 1; Fronto. *Princ. hist.* (Loeb ed. Vol. II. P. 214).

- ⁷⁰⁸ Hill. Coins of Arabia, Mesopotamia, and Persia. P. XCVI f.; Gutschmid. Geschichte Irans. S. 148 f.
- ⁷⁰⁹ Dio Cass. LXXI. 2.1; Orosius VII. 15. 2.
- ⁷¹⁰ Capit. Marcus Antoninus 8. 6.
- ⁷¹¹ Capit. Verus 6. 9.
- ⁷¹² Об этой кампании см.: Napp E. De rebus imperatore M. Aurelio Antonino in Oriente gestis. Bonnac, 1879 [diss.]; Dodd C. H. Chronology of the Eastern Campaigns of the Emperor Lucius Verus // NC. 4th ser. Vol. XI. 1911. P. 209—267; Premmerstein A. von. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus // Klio. Bd. XIII. 1913. S. 87—92; а также библиографию: J. Bd. II D. S. 628 f.
- ⁷¹³ CIL. VI. Nr. 1377 = Dessau 1098. Ср. также: CIL. III. Nr. 1457 = Dessau 1097; CIL. XIII. Nr. 8213 (см.: Klio. Bd. XI. 1911. S. 357 f.). Лукиан, вероятно, также упоминает этого Фронтон (Lucian. Quomodo hist. 21).
- ⁷¹⁴ Надписи (CIL. VIII. Nr. 18893; Dessau 8977) указывают на переход Адвента во II Вспомогательный легион в 164 году. В 162 году он был легатом VI Железного легиона.
- ⁷¹⁵ CIL. III. Nr. 6189; CIL. III. Nr. 7505 = Dessau 2311. V Македонским легионом также командовал Марк Стаций Приск.
- ⁷¹⁶ Année épig. 1913. № 48 = Dessau 9492. Вероятно, III Галльский легион упоминает Лукиан (Lucian. Quomodo hist. 31).
- ⁷¹⁷ CIL. VIII. Nr. 2975 = Dessau 2306.
- ⁷¹⁸ CIL. III. Nr. 6755.
- ⁷¹⁹ CIL. VIII. Nr. 7050.
- ⁷²⁰ Об этом и обо всех других легионах см.: PW, статья «Legio».
- ⁷²¹ Fronto. Princ. hist. (Loeb ed. Vol. II. P. 206 ff.); Vul. Gall. Avidius Cassius 5. 5—7.
- ⁷²² Fronto. Epist. II. 2 (Loeb ed. Vol. II. P. 116—118).
- ⁷²³ Fronto. Princ. hist. 14 (Loeb ed. Vol. II. P. 212); Nazarius. Paneg. XXIV. 6.
- ⁷²⁴ Dio Cass. LXXI. 1—2; Capit. Verus 7. 3; idem. Marcus Antoninus 8. 12. Правильная оценка Вера должна находиться где-то между восхвалениями Фронтон и поношениями в его адрес Диона Кассия и авторов «Жизнеописаний Августов» (Scriptores Historiae Augustae).
- ⁷²⁵ Capit. Verus 7. 6.
- ⁷²⁶ PW, статья «Avidius». Nr. 1.
- ⁷²⁷ Capit. Marcus Antoninus 9. 1; idem. Verus 7.1; Lucian. Quomodo hist. 20.
- ⁷²⁸ CIG. III. Nr. 6569; Asin. Quad. Fr. 9 (J. II A. S. 449); Fronto. Epist. II. 1 (Loeb ed. Vol. II. P. 144).
- ⁷²⁹ PW, статья «Sohaemus». Nr. 5.
- ⁷³⁰ Mattingly, Sydenham. The Roman Imperial Coinage. Vol. III. P. 255, No. 511—513.
- ⁷³¹ События этой кампании известны лишь по разрозненным ссылкам в письменных источниках, главным образом географического ха-

рактера. Но в том, что Приск воевал в Армении, а Кассий в Месопотамии, мы можем быть уверены.

⁷³² Dio Cass. LXXI. 3.

⁷³³ Fronto. *Epist.* II. 1 (Loeb ed. Vol. II. P. 132); PW, статья «Dausara». Еще одна Даусара находилась около Эдессы; см.: Steph. Byz. (ed. Dindorf). P. 148.

⁷³⁴ Rostovtzeff. *Dura and the Problem of Parthian Art.* P. 201.

⁷³⁵ Lucian. *Quomodo hist.* 20; 28. См.: Cumont. *Fouilles de Doura-Europos.* Paris, 1926. P. LII, n. В Дюра-Европос была обнаружена посвятельная надпись Веру; см.: Cumont. *OP. cit.* P. 173, 410, № 53.

⁷³⁶ McDowell. *Coins from Seleucia.* P. 234. Монеты вновь в Селевкии стали чеканиться около ноября 166 года.

⁷³⁷ Capit. *Verus* 8. 4.0 захвате этого города см.: Dio Cass. LXXI. 2.3; Eutrop. *Brev.* VIII. 10. 2.

⁷³⁸ Dio Cass. LXXI. 2. 3; Lucian. *Bis accusatus* 2.

⁷³⁹ Haeser H. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten.* 3. Bearbeit. Bd. III. Jena, 1875—1882. S. 24—33. Эта эпидемия упоминается в китайских источниках, см.: Hirth. *China and the Roman Orient.* P. 175. См. также: Amm. Marcel. XXIII. 6. 24; Capit. *Verus* 8. 2.

⁷⁴⁰ Mšihā Zkha. P. 112 (пер.: P. 88).

⁷⁴¹ Dio Cass. LXXI. 2.4.

⁷⁴² Amm. Marcel. XXIII. 6. 23; Capit. *Verus* 8.

⁷⁴³ Lucian. *Icaromenippus* 15 (transl. by H.W. Fowler and F.G. Fowler). Ср. также: Lucian. *Mennipus* 10; idem. *Tyrranus* 6. Евсевий упоминает о нападении Вологеа и триумфе Вера (Euseb. *Chron.* [ed. Karst], P. 222).

⁷⁴⁴ Gutschmid. *Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne* // *Mém. de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg.* 7 sér. T. XXXV. 1887. P. 29, 49; Hill. *Coins from Arabia, Mesopotamia, and Persia.* P. XCVII; Lucian. *Quomodo hist.* 22. Прокопий говорит о том, что местные жители подняли восстание, перебили парфянский гарнизон и передали город римлянам (Procopius. *De bello Persico* II. 12. 29).

⁷⁴⁵ Lucian. *Quomodo hist.* 15, 19.

⁷⁴⁶ Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage.* Vol. III. P. 328, No. 1455; эти монеты выпущены между летом и декабрем 166 года. CIL. VIII. Nr. 965 = Dessau 365; Lucian. *Quomodo hist.* 30; Capit. *Verus* 7. 2.

⁷⁴⁷ CIL. III. P. 1991; CIL. XI. Nr. 1924 = Dessau 5503; PW, статья «Martius». Nr. 6; письмо Луция Вера Фронту (Fronto II. 3 [Loeb ed. Vol. II. P. 194]).

⁷⁴⁸ PW, статья «Thukydides». Nr. 5.

⁷⁴⁹ Dio Cass. LXXI. 3. Iamblichus // Photius. *Cod.* 94 (ed. Bekker. P. 75).

⁷⁵⁰ Dio Cass. LXXII (LXXI. 14. 2).

⁷⁵¹ Hill. *Coins from Arabia, Mesopotamia, and Persia.* P. XC, XCVII.

- ⁷⁵² Capit. *Marcus Antoninus* 22.1.
- ⁷⁵³ McDowell. Coins from Seleucia. P. 109; Mšihā Zkha. P. 22 (пер.: P. 98).
- ⁷⁵⁴ Herodian. III. 1. 2 f.; 9. 1 f.
- ⁷⁵⁵ Dio Cass. LXXV. 8. 1, 3; Herodian. III. 4. 6.
- ⁷⁵⁶ Dio Cass. LXXV. 1. 1 f. (Loeb ed. Vol. IX. P. 194). Об участии Вологеза в этом событии см.: Mšihā Zkha. P. 21 (пер.: P. 98).
- ⁷⁵⁷ Dio Cass. LXXV. 1. 1 f. (Loeb ed. Vol. IX. P. 194—196).
- ⁷⁵⁸ Herodian. III. 9. 2. См. также: Spart. *Severus* 9. 9; 18. 1; Victor. *De Caes.* 20. 14—17.
- ⁷⁵⁹ PW, статья «Sextius». Nr. 27.
- ⁷⁶⁰ PW, статья «Claudius». Nr. 96; CIL. II. Nr. 4114 = Dessau 1140.
- ⁷⁶¹ PW, статья «Cornelius». Nr. 58.
- ⁷⁶² Возможно, зять Севера, см.: Spart. *Severus* 8. 1.
- ⁷⁶³ PW, статья «Laetus». Nr. 1.
- ⁷⁶⁴ Dio Cass. LXXV. 3. 2 (Loeb ed. Vol. IX. P. 198). В качестве Архэ предлагались Хатра, Адиабена, Арбелитис, Азиха около Зайты, а также Архена Плиния Старшего (Plin. *Hist. nat.* VI. 128).
- ⁷⁶⁵ CIL. VIII. Nr. 306; VI. Nr. 954 = Dessau 417 f.; Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. P. 97 f, No. 55, 62 f.; эти монеты, вероятно, выпущены в 195 году.
- ⁷⁶⁶ Spart. *Severus* 9. 10.
- ⁷⁶⁷ Herodian. III. 9. 1 f.
- ⁷⁶⁸ Выражение «мидийцы и персы», используемое Мешихазехой (Mšihā Zkha. P. 21 f. [пер.: P. 98 f.]), возможно, просто означает иранцев.
- ⁷⁶⁹ Mšihā Zkha. P. 21 f.
- ⁷⁷⁰ Ibid. P. 23 (пер.: P. 101 f.).
- ⁷⁷¹ Dio Cass. LV. 24. 4. О проблемах, связанных с этими легионами, см.: PW, статьи «Legio (Severus)»; «Legio (II Parthica)».
- ⁷⁷² CIL. VIII. Nr. 2975 = Dessau 2306.
- ⁷⁷³ PW, статья «Statilius (Barbarus)». Nr. 13.
- ⁷⁷⁴ PW, статья «Fabius». Nr. 65.
- ⁷⁷⁵ PW, статья «Lollianus». Nr. 5.
- ⁷⁷⁶ PW, статья «Fulvius». Nr. 101. Некоторые из перечисленных офицеров принимали участие, возможно, только в первой парфянской кампании Септимия Севера.
- ⁷⁷⁷ CIL. VIII. Nr. 4583; эта надпись, датированная весной 198 года, отмечает победу над парфянами.
- ⁷⁷⁸ Клад монет, зарытый, вероятно, при приближении римлян и датированный 198/199 годом, надежно подтверждает эту дату; см.: McDowell. Coins from Seleucia. P. 91, 235, No 122.
- ⁷⁷⁹ Dio Cass. LXXVI (LXXV. 9); Spart. *Severus* 16.
- ⁷⁸⁰ CIL. III. Nr. 205 f.; Mattingly, Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. P. 105, Nt. 122 (a) ff.

- ⁷⁸¹ Множество тяжелых стрел было обнаружено во время раскопок в Дура-Европос.
- ⁷⁸² Dio Cass. LXXVI (LXXV. 11—13). Эта кампания отмечена в 197/198 году выпуском монет с легендой VICT. PARTHICAE («победы в Парфии»). См.: *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. P. 105, No. 121; P. 108, No. 142 (a).
- ⁷⁸³ *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 199.
- ⁷⁸⁴ Dio Cass. LXXVIII (LXXVII. 12. 2a).
- ⁷⁸⁵ Ibid. LXXVIII (LXXVII. 12. 1²).
- ⁷⁸⁶ *Wroth*. Parthia. P. 247—250; *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 235.
- ⁷⁸⁷ Dio Cass. LXXVIII (LXXVII. 12. 2a-3; 13. 3). Монеты Вологеза, выпущенные в 214/215 и 215/216 годах, изображают богиню Тихе с пальмовой ветвью: это, вероятно, говорит о победе Вологеза; см.: *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 94, 199 f.
- ⁷⁸⁸ Dio Cass. LXXVIII (LXXVII. 19. 1 f.); Herodian. IV. 10 f.
- ⁷⁸⁹ Dio Cass. LXXVIII (LXXVII. 18. 1). О зимовке Каракаллы в Никомедии см.: CIL. VI. Nr. 2103b.
- ⁷⁹⁰ IGRR. III. Nr. 1412 = Dessau 8879. См.: PW, статья «Legio (Caracalla)».
- ⁷⁹¹ Spart. *Caracalla* 6. 7.
- ⁷⁹² CIL. VIII. Nr. 2564.
- ⁷⁹³ CIL. III. Nr. 142076.
- ⁷⁹⁴ Dio Cass. LXXX.4.
- ⁷⁹⁵ Ibid. LXXVIII (LXXVII. 21).
- ⁷⁹⁶ См.: *McDowell*. Coins from Seleucia. P. 200.
- ⁷⁹⁷ Dio Cass. LXXIX (LXXVIII. 1).
- ⁷⁹⁸ Herodian. IV. 11.
- ⁷⁹⁹ Клад монет, найденный в Ашшуре, позволяет предположить, что римляне захватили Арбелу в 216 году; см.: MDOG. Nr. 28. 1905. S. 34 f.; *Herzfeld*. Untersuchungen über die historische Topographie der Landschaft am Tigris, Kleinen Lâb und Gebel Hamrîn // Memnon. I. 1907. S. 115 f.
- ⁸⁰⁰ Dio Cass. LXXIX (LXXVIII. 1 ff.); Spart. *Caracalla* 6. 4 f.
- ⁸⁰¹ *Mattingly, Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. P. 257, No. 297 (a) — 299 (e).
- ⁸⁰² Мешихазеха (Mšiḥa Zkha. P. 28 [пер.: P. 104]) определенно подразумевает Северную Месопотамию, а не только область около Селевкии — Ктесифона, как обычно считается. Общепринятую интерпретацию см.: *Sachau E.* Zur Ausbreitung des Christentums in Asien // APAW. 1919. Nr. 1. S. 26.
- ⁸⁰³ Dio Cass. LXXIX (LXXVIII. 5. 4 f.); Herodian. IV. 13. 3 ff.
- ⁸⁰⁴ Парфянам отдает преимущество Дион Кассий (Dio Cass. LXXIX [LXXVIII. 26. 7 f.]). Геродиан говорит, что победителя в сражении не было (Herodian. IV. 15. 4); то же самое подразумевает Мешихазеха.

хазеха (Mšiḥa Zkha. P. 28 [пер.: P. 104]). Но, кажется, что цена купленного Макрином мира свидетельствует в пользу версии Диона Кассия.

⁸⁰⁵ Dio Cass. LXXIX (LXXVIII 27. 1).

⁸⁰⁶ *Regling K.* Römische aurei aus dem Funde von Karnak // Festschrift zu Otto Hirschfelds 60. Geburtstage. Berlin, 1903. S. 297. Nr. 60.

⁸⁰⁷ Dio Cass. LXXIX (LXXVIII. 39 f.); Capit. Macrinus 10.

⁸⁰⁸ *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden, 1879. S. 1—8; *Meyer E.* // Encyc. Brit. Vol. XVII: статья «Persia». P. 580—582.

⁸⁰⁹ Mšiḥa Zkha. P. 28 f. (пер.: P. 105); сообщение Диона Кассия (Dio Cass. LXXX. 3 f. [Loeb ed. Vol. IX. P. 482]) очень похоже на рассказ из этого сирийского источника.

⁸¹⁰ *McDowell.* Coins from Seleucia. P. 200.

⁸¹¹ См. его монеты: *Wroth.* Parthia. P. 251, а также утверждение Меши-хазехи о том, что молодой сын Артабана был убит персами в Ктесифоне (Mšiḥa Zkha. P. 29 [пер.: P. 105]). Макдауэлл (*McDowell.* Coins from Seleucia. P. 200) гипотетически приписывает Артавазду монету, датированную 228/229 года, которая, как он полагает, была выбита в Селевкии.

Содержание

Предисловие	5
Источники	7
Введение	13
Глава I. Возвышение Парфии	19
Глава II. Международные отношения Парфии на раннем этапе	32
Глава III. На индо-иранской границе	47
Глава IV. Катастрофа при Каррах	54
Глава V. События в Сирии	70
Глава VI. Антоний и Армения	85
Глава VII. Спор за Евфрат	97
Глава VIII. Кампания Корбулона	119
Глава IX. Парфия в свете торговых отношений и данных античной литературной традиции	133
Глава X. Траян в Армении и Месопотамии	138
Глава XI. Гибель Парфянской империи	153
<i>Список сокращений</i>	171
<i>Примечания</i>	176

- Дибвойз Н. К.
- Д44 Парфянское царство / Нельсон Кэрел Дибвойз. — Пер. с англ. О. Донцовой. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 224 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-543-2

Крупнейший американский историк Нельсон Дибвойз по крупицам, основываясь на свидетельствах античных авторов, данных археологии и нумизматики, воссоздал историю одной из величайших империй древности — Парфянского царства. В лучшую пору своего существования Парфия вбирала в себя территории современных Ирана, Ирака, Афганистана, Пакистана и Туркменистана и соперничала с другой великой империей — Римской. Весной 53 года до н. э. парфяне в битве при Каррах нанесли жестокое поражение римской армии Марка Лициния Красса и к 40 году до н. э. захватили почти всю Малую Азию, Сирию и Палестину. Попытки римлян взять реванш долгое время ни к чему не приводили, но им помогли многочисленные претенденты на парфянский престол, которые в междоусобной борьбе довели свою державу до полного изнеможения. Просуществовав без малого пять веков, Парфия распалась. На ее обломках возникла империя Сасанидов.

Нельсон Кэрел Дибвойз (1903–1992) — востоковед, археолог, сотрудник Государственного департамента США.

УДК 94(356)

ББК 63.3(0)31

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Нельсон Кэрел Дибвойз

Парфянское царство

Редактор О. Логинов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 06.08.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 600 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87